

КРИСТИНА
ЮРАШ

ЧУДОВИЦЕ НАВИ,
ИЛИ
ЗАВТРА ЕЩЕ ПОЙДУ!

Annotation

В таинственном мире Нави обитает страшное чудовище!

Из его объятий не просто выбраться. За дорогие подарки красавицы расплачиваются кровью. А за его любовь - жизнью. Его чары способны околдовать любую!

Я случайно попала в этот мир и стала ведьмой. Домовой пристаёт к хозяйке, Леший украл ребенка, Банник не пускает в баню? Это мы мигом!

Но есть нечисть, с которой мне, неопытной ведьме, не совладать! Его нежный голос, красивое лицо и улыбка до сих пор снятся мне в кошмарах! Я помню нашу первую встречу, и пообещала себе обходить стороной это страшное болото! Ну, по-крайней мере, стараюсь... Очень стараюсь! Из всех сил стараюсь...

Почему мне никто не сказал, что он так просто не отпускает свою добычу? Э-не! Не в этот раз, уважаемое чудовище! Ой! Пустите!!!

-
- [Чудовище Нави, или Завтра еще пойду!](#)
-

Чудовище Нави, или Завтра еще пойду!

Юраш Кристина

Пролог. Подмоченная репутация

Пролог. Подмоченная репутация

- Еще одна нежная и сладкая девочка... - бархатистый вкрадчивый мужской голос обволакивал меня. Он был тихим и ласковым, словно пытаюсь усыпить мою бдительность.

– Как я хочу тебя попробовать, моя сладенькая... - последние слова растворились в звоне комаров, кваканье лягушек и в надрывном женском визге, словно кто-то утопил в болоте новенький телефон.

- Кто здесь?! – испуганно дернулась я, резко погружаясь по колено в вонючую трясину.

Над водой плавала какая-то желтоватая склизкая тина, пытаюсь прилипнуть к дорожному пальто, которое я задрала повыше, чтобы не испачкать.

«Ква-а-а!», - протяжным басом квакнула огромная бородавочная жаба.

Она сидела на трухлявой замшелой коряге, наполовину утонувшей в болотной тине. Глаза у нее были умные-умные... Поймав мой пристальный взгляд, жаба закатила глаза и вышла из контакта с нашим миром.

– Мои сапоги! За шесть тысяч рубле-е-е-ей! – всхлипнула я, пытаюсь спасти хотя бы новенькое пальто. Осталось взять его в зубы, чтобы не замочить. Сумка висела на локте. Я расстерянно прижимала к груди ключи от квартиры и телефон.

Я не знаю, как оказалась посреди огромного вонючего и страшного болота!

Помню, как вышла из квартиры, захлопнула дверь, закрыла замок, пообещала себе смотреть под ноги, чтобы не испачкать новые беленькие «дары зарплаты», сделала шаг и ... очутилась по колено в болотной тине. В месте абсолютно незнакомом!

Над болотом стоял туман. Таинственная дымка стелилась по мутной воде, обволакивала кочки и цеплялась за черные сырые утонувшие ветки деревьев.

С огромной палки, торчащей из самой трясины, на меня смотрел череп оленя. Его глаза горели зловещим тусклым зеленым светом.

Один глаз вылетел огоньком и пересел на дерево. Следом полетел второй, присаживаясь рядом. И теперь на меня уже смотрели деревья, словно чего-то ждали...

Конечно, мой подъезд с единственной лампочкой этажом выше трудно назвать образцово-показательным. Однажды в моем подъезде собирались снимать фильм ужасов. Но в этот день как назло прорвало канализацию. И режиссер сказал, что у нас чересчур страшно. Даже для его фильма. Он снимает ужасы, а не кошмар! Даже местные ходячие «попойники», отметившие будущее кинематографа, в этот день были трезвыми. Кина не будет!

Хоть и по запаху это место и напоминало мой подъезд в период бездействия коммунальных служб, но у нас было как-то не принято насаживать на огромные палки черепа тех, кто писал в лифте. Хотя, этот вариант мы тоже рассматривали на собрании жильцов. И идею горячо поддержали!

- П-п-помогите! – пискнула я, пытаюсь сделать шаг в зловонной топи.

А зря!

На мой зов откликнулись только комары размером с ворону. Словно боевой вертолет, огромный лохматый комар приземлился на меня, и лениво раскатал хоботок, толщиной с палец. Мне показалось, что сейчас послышится звук, словно какой-то очень упрямый и жадный ребенок выжимает остатки коктейля через соломинку.

Два-три укуса хватит, чтобы с моей усохшей мумией фотографировались посетители музея.

Комариная стая периодически превращалась в комариное стадо, пасущееся на мне. Но я решила, что только через мой труп!

- Пшик! Пшик! – отбивалась я духами, найденными в сумочке. Но комарам было хоть бы хны! Зато теперь за особо наглыми стелился нежно-весенний цитрусово – ванильный шлейф!

Видимо, комарам настолько понравился запах, что они позвали остальных. Что-то вроде: «Сегодня акция!!! Какая-то тетка прыскает духами бесплатно!».

Флакон кончился и был брошен в огромную комариную армию, как граната с выдернутой чекой. Однако, это тоже не помогло!

Я отмахивалась сумкой, теряя равновесие и шатаюсь на месте. Пока что счет был два - один! В мою пользу. Все содержимое сумки летело по сторонам и тонуло в мутной жиже.

Ноги почти тут же увязли по колено, и я чуть не села в самую грязь.

- Помогите!!! – отчаянно закричала я, в надежде, что местные спасатели слегка глуховаты.

- Ааааа! – снова заорал вдалеке женский голос, намекая, что спасателей здесь не дождешься!

Мой телефон шлепнулся в воду. Болото чавкнуло и тут же всосало три моих зарплаты.

- Моя сладенькая, - снова послышался ласковый и тихий мужской голос. – Не бойся... Я не обижу....

Я пристально посмотрела на жабу, открывающую рот. Вокруг никого не было, кроме этой бородавчатой жабы. Жаба косилась на меня мутным глазом, надувая огромный пузырь.

- Хочешь, я подарю тебе шелковую ленточку или золотой гребешок? Что ты хочешь, моя сладенькая? Расскажи мне, и я подарю тебе это... - снова произнес тот самый страшный и завораживающий голос, пробирая до эротичных мурашек. – Что же подарить тебе, моя сладенькая?

- Дорогая жаба... болотная! Подари мне «домой»! – попросила я, глядя на единственную – подозреваемую. – И телефон «подари» обратно!

- Что?!!! – послышался страшный голос. В этот момент голос перестал быть нежным и ласковым. – Ты назвала меня «жабой болотной»?!

- Хорошо, хорошо! – тут же исправилась я, видя, каким недовольным взглядом смотрит на меня жаба. – Не жаба... Нет... Лягушечка - Квакушечка? «Лягушечка - Квакушечка» тебя устроит?

- Да какая я тебе лягушка!!! Ты хоть ведаешь, с кем ты говоришь!!!

Теперь голос был страшен!

Он проносился над болотом. Мне показалось, что притихли даже огромные комары.

Они брызнули в разные стороны, оставив меня медленно погружаться в чавкающую топь. Даже любопытные лягушки

отпрыгнули подальше. А жаба ушла под воду

- Помогите!!! – крикнула я. - Вытащите меня! Меня засосала опасная трясина!

Сильные руки схватили мои плечи, заставив податься грудью вперед. Сумка шлепнулась в мутную воду.

- Сладенькая моя, еще не засосала.... Поверь, еще не засосала, но скоро засосет, - полз по моей щеке бархатистый волнующий шепот.

Мой взгляд упал на огромные руки с черными хищными когтями. На одной руке был массивный золотой браслет, сверкающий каплями воды.

- Что ты хочешь, сладенькая? Золото, серебро, шелк, парча... Выбирай... А цену ты знаешь... - самозабвенно и томно нашептывал неведомый искуситель.

Я не видела его лица, только руки, которые медленно утягивали меня в трясину. Я была уже по пояс в болоте, чувствуя, как мою шею покрывают поцелуями соблазнительно - страстного шепота...

- Я одену тебя в золото, серебро и поцелуи, сладенькая моя... - слышался упоительный голос.

Только меня вот пугали жуткие руки с когтями, жадно скользящие по изгибам моего тела.

- Помогите, - пропищала я недобитым комаром, пытаюсь дернуться вперед. – Кто-нибудь... Спасите...

Это был уже не крик. Это был отчаянный шепот - мольба.

- Хватайся! – послышался противный голосок, похожий на голос из мультфильма. – Хватайся, ведьма! Пусти ее, чудище болотное! Не слушай его, ведьма! Хватайся!!!

Я лениво подняла глаза, видя, как на болотной кочке прыгают два черных, пушистых чертенка с рогами и копытцами. Один из них тянул ко мне толстую ветку. Второй держал первого за длинный хвост с кисточкой на конце.

- Беги, ведьма! Это же Хозяин Болот! – кричали мне черти, прыгая на кочке и размахивая веткой. – Он уже столько погубил!

Ветка больно попала мне по лицу, а с меня словно морок спал. Я дернулась, приходя в себя. Опомившись, я увидела, что стою по пояс в болоте, почувствовала руки, которые пытаются утащить меня на дно...

- Не слушай их, ведьма! Это же бесы, - слышался вкрадчивый шепот на ушко. – Они тебя мучить будут! А мучить такую красивую девушку ни в коем случае нельзя...

- Мучить, значит?! – взвизгнул один чертенок, уперев руки в боки. – А ты как будто не мучаешь?! О! Еще как! Плавали, видели! Тонули, знаем!

- Разве я мучаю? – удивленно – сладко спросил страстный шепот на ушко. Рука скользнула по моей груди, цепляя огромные пуговицы пальто. И вдруг очутилась на моей шее. – Я могу дать ей золото, украшения... Все, что моя сладкая пожелает... А что можете дать ей вы?

- А мы ее магии научим! - крикнули бесы, пытаюсь выловить меня веткой. – Ведьмой будет!

- Я могу научить ее много чему... другому, - слышался многообещающий сладкий голос совсем близко. Мурашки по коже заставили нервно дернуть плечом.

Даже не знаю, кого выбрать! Мысли металась от одной нечисти к другой! Потерянная, испуганная, я не знала, хвататься ли за ветку, или отдаться во власть страстного: «Сладенькая моя...».

- Хватайся, ведьма! – кричали мне черти, снова съездив веткой по лицу. Кажется, мне даже губу рассекли. Хорошо хоть глаз не выкололи! Кого выбрать? Чертей или ... или...

По моему лицу и телу скользили нежные прохладные мокрые руки, намекая на правильный выбор.

- Руки прочь! Это наша потеряшка! Наша ведьма! Это мы ее потеряли! – кричали бесы, пытаюсь достать до меня веткой. – Раз мы ее потеряли, то ты обязан ее отдать!

Стоило им только выкрикнуть это, как случилось нечто странное! Меня резко отпустили. Исчезли и очаровывающий шепот, и сильные руки, и странный дурман.

Я упала в болото, пытаюсь кое-как выплыть. «Хватайся! Хватайся!», - слышались взволнованные крики.

Подняв перепуганные глаза на того, кого черти называли Хозяином Болота, я застыла от ужаса. Меня провожал оскал жуткой улыбки, застывшей на красивом лице.

- Зубы п-п-покажите! – попросила я чертей. Они переглянулись и тут же заулыбались. Зубки у них были маленькие, почти обычные. Так,

выбираем чертей!

Я задержалась, панически ища мокрой рукой ветку с прилипшей тиной. По-крайней мере, черти не зубастые!

Так, вот омут! Вот черти! Вот ветка!

Ээээ!

В отчаянии я схватилась за ветку, не сводя перепуганных глаз с Хозяина Болот. Волосы у него были темные, с зеленцой. На голове корона из веток, с огромными драгоценными камнями, вправленных в витиеватую золотую оправу.

Кожа была бледной, сероватой ... Но это ничуть не умаляло какой-то сверхъестественной красоты. Но было в этой красоте нечто зловещее, пугающее, хищное. А именно - зубы!!!

Меня все еще трясло при мысли о страшных зубах! Вот как на таком красивом бледно - сером лице могут скалиться такие острые бритвы клыков?

Зеленые, как спелый крыжовник глаза смотрели на меня пристально. От этого взгляда мне становилось совсем нехорошо!

На таинственном зубоскале был на плащ, покрытый травой. Золотая застежка сверкала или драгоценными камнями, или просто капельками воды. Я так и не разглядела. На плаще среди травы даже росли цветы, над которыми кружились две маленькие беленькие наивные бабочки. Серо-зеленая рубаха напоминала лохмотья. Зато на сильной руке виднелся массивный золотой браслет.

- В следующий раз, когда рассказываете, что вы душка-лапочка, - простонала я, пытаюсь зацепиться руками за склизкий мох кочки. – Постарайтесь не улыбаться!

- Я обязательно учту, моя сладенькая... - послышался тот самый мягкий, чарующий голос.

Бесята втащили на кочку. Болотная вода текла с меня ручьями. Я трусливо вытащила ноги из воды, с ужасом глядя на зубастое чудовище.

- Все дороги все равно ведут на болото, - прошептал Хозяин Болот, пряча страшные зубы. Теперь он напоминал красивого молодого мужчину. Но меня не обманешь! Я – то помню этот хищный оскал!

- Пойдем, ведьма! Пойдем! – скакали по кочкам бесята, таща меня за мокрое пальто. – Смотри под ноги!

Лишь ступив на берег, я выдохнула, кашля мутной болотной водой, которой успела наглотаться.

- Пойдем! Пойдем! – зазывали меня куда-то, рассказывая что-то про ведьму, колдовство и старинную книгу. Мне было все равно куда идти! Лишь бы подальше отсюда!

Я послушно шла за бесами, которые смешно прыгали на своих копытцах по тонкой, извилистой тропинке, спрятавшейся среди трав.

- Ой, а че мы тебе покажем!!! – пытались заинтриговать меня. – Тебе понравится! Мы за тобой давно следили!

Странное чувство внутри заставило меня обернуться. Хозяин болот так и стоял посреди топи. Я видела, как он медленно подносит палец, испачканный в крови к губам, и с наслаждением облизывая его, не сводя с меня колдовских зеленых глаз.

Прижав руку к своей рассеченной веткой губе, я посмотрела на пальцы и увидела размазанный кровавый отпечаток.

- Сладенькая моя... Променяла любовь божества на каких-то убогих бесов...

- Не умеешь любить, сиди и дружи! – испуганно крикнула я, видя, какой улыбкой улыбнулись мне вслед!

- Мы – не «какие-то бесы»! Мы – Антипка и Анчутка! – обиделись бесы. Один из них показал хищному красавцу длинный розовый язык! Второй скорчил рожицу.

- Ник-к-когда больше не пойду на это б-б-болото! – я тряслась от холода, пытаясь уйти как можно дальше от этого страшного места.

- Еще как придешь, - пронесся смех над болотом.

Я резко обернулась.

Но на болоте уже никого не было. Только плавающие ветки, скрюченные деревья, зловещие огоньки, замшелые кочки и комары размером с ворону!

Глава первая. Бес меня, бес меня му-у-учит!

Глава первая. Бес меня, бес меня му-у-учит!

Тоненькая тропка петляла под ногами. Пейзажи вокруг становились все мрачнее. Густые туманы обволакивали деревья, пытались спрятать таинственную тропку, по которой меня тянули два разговорчивых беса.

Я была готова идти куда угодно, лишь бы подальше от этих страшных болот!

Сквозь отсыревшие деревья и седые травы вырисовывались убогие домишки, трусливо собравшиеся в большую кучку в уютной сырой ложбинке. Один дом стоял на отшибе, ближе к нам. С высоты холма казалось, что все домики делают: «Фу, пошел отсюда! Мы тебя не знаем!» или «Помогите! Спасите! Уберите его от нас!». Домику на отшибе было все равно. Он даже не пускал дымок, словно обиделся на всех.

Я еще не поняла, это он боялся остальных домов? Или они боялись его. Впрочем, мне было все равно.

Первая зелень пробивалась сквозь седину трав, даря этому миру капельку весенних красок.

- А если я туда пойду? – спросила я, осматривая унылые достопримечательности. Мы вышли на перекресток того, что с натяжкой асфальта можно было бы назвать дорогами. По спине побежал тревожный холодок. В высокой траве на перекрестке прятались старые, покосившиеся в разные стороны кресты – скворечники.

- Это что? – спросила я, с тревогой глядя на деревянные кресты.

- Это Ольховская росстань! – махнули пушистыми лапками бесы.

- А это – указатели? – прищурилась я, пытаюсь что-то прочесть на черном дереве. Может, там и были слова, но разобрать их я не смогла.

- Не! Это голбцы! Чтобы вот эти покойники дорогу домой не нашли! – беззаботно махнули лапками бесы. – Дома их не очень рады видеть! Мы их называем ДПС! Давайте Поскорее Сбежим!

- Ааа! – съежилась я, обходя кресты – голбцы.

- Уже лет пять отсюда никто не откапывался? Да, Антипка? – заметил один из бесов.

- Да, не! Года два! – спокойным будничным голосом заметил Антипка. – Как корову утащили из деревни, так все! Переваривают!

- А как отсюда выбраться? – спросила я, с тревогой обходя мрачное место трусливыми спешными шажками. – Куда ведет эта дорога?

- На болота! – вздохнули бесята, пока я всматривалась в унылый дремучий лес, обещающий столько приключений, что моя несчастная мокрая попа их не переживет.

- А вот эта! – ткнула я в противоположную сторону.

- Тоже на болота! – пожал плечами бесенок, вышагивая рядом.

- А вот эта! – спросила я, показывая на дорогу, ведущую в деревню.

- Эта в деревню! – ответили мне бесы, беззаботно вышагивая рядом.

- А за к-к-кладбищем что? – спросила я, все еще посматривая, не откопался ли кто на перекрестке. А то мало ли? Моим везеньем, если бы я была хомяком, меня бы выбрасывали на помойку уже раз пятый!

- Там за деревней кладбище! – махнул пушистой ладошкой бесенок и забавно прихрюкнул.

- А за кладбищем? – спросила я, прикидывая, где тут пролегает федеральная трасса.

- За кладбищем лес! – ответил второй, пока я всматривалась в кромку леса.

- А за лесом? – спросила я, прищурившись сильнее. На ростань опускался дремотный вечер.

- За лесом – болота! – радостно сообщили мне бесы. – Тут куда не пойдешь, кругом болота!

- Болота, значит, - поежилась я, вспоминая крыжовник чужих глаз. Домишки окуривали пасмурное небо сизыми дымками. Пахло свинкой, коровой и чем-то прогорклым. Грязь под ногами напоминала болото. Я чавкала и скользила по ней, прикидывая, под каким деревцем похоронить шесть тысяч рублей.

Мы направлялись именно к этому, соблюдающему все правила пожарной безопасности, дому.

- А где у вас тут можно п-п-позвонить? – спросила я у бесов, идущих рядом. Если честно, я их слегка побаивалась.

- Позвонить? Вон колокольню видишь? Забираешься на нее и звонишь, хоть на все четыре стороны! Колокол дергаешь, и орешь громко, что тебе надо! – заявили бесы, показывая на старую, почерневшую колокольню на пригорке. – Но лично мы этот поступок не одобряем!

- Потому что вы черти? – спросила я, опасливо косясь на пушистых проводников. Они не казались жуткими и страшными. Но все равно было как-то неуютно.

- Нет, просто там доски старые! Рухнешь, ухнешь и все! – развели руками бесы.

На хилый плетеный из веток забор взгромоздился щипанный петух. Он осмотрел подозрительным глазом окрестности, прикидывая, какое время суток!

- Кукаре... - начал он хриплым голосом, пытаясь удержать равновесие и хлопая крыльями.

Завидев бесов, он осекся, моргнул и свалился обратно.

Вокруг дома толпилась куча народу. От мала до велика. Все галдели и что-то обсуждали, стоя на почтительном расстоянии.

- Ты-ды-ды-ды-тышь! – стучала я зубами, растирая руки.

- Посторонись! Потеснись! Че встали! – кричали бесы, но на них никто не обращал внимания. Зато все смотрели на меня. Мне вообще показалось, что бесов никто, кроме меня, не видит. На всякий случай я померяла себе рукой температуру.

- Новая ведьма... - шептались люди. Кутанные дети прятались за дородных матерей. Заросшие мужики хмурили кустистые брови. Даже собака Что-то Подозревака накинута на меня с лаем.

- Старая ведьма помирает! – пронеслись крики. И все уставились на домик.

- Тоже мне, культурно массовое мероприятие! – насупились бесы.

- А у вас здесь их много? – спросила я, мечтая побыстрее попасть в дом и согреться.

- Много! Похороны! Свадьбы! Степан напьется и бежит с топором! Ведьма помирает! Пожалуй, вот и все! – загибали черные пальчики бесы. Вместо носа у них были смешные розовые пятки, которые хотелось прижать пальцем и сделать: «Бдзеньк!».

Домик был убогим и покосившимся. Над дверью был прибит черепок с рогами. Соломенная крыша капала прямо за шиворот. Ровные углы? Нет, не слышали! Поэтому дом то сужался, то расширялся, как ему заблагорассудится!

Хилая дверь была не закрыта, намекая, что брат в доме нечего! Под жадные взгляды толпы бесы втащили меня в дом.

На печи под серенькими одеялами лежала стонущая древняя старуха. Любопытные с развитым инстинктом самосохранения прильнули к мутным окнам. Те, кому еще только предстояло развить этот волшебный инстинкт потянулись за мною в дом: «Ой, а че там?».

- Разгони их! – крикнули мне бесы.

- Пошли вон! – сипло прикрикнула я без особого энтузиазма, пригибаясь под низким потолком.

Бесы переглянулись и бросились к бабке.

- Бабушка! Миленькая! Не вздумай помирать! – вскочил на бабку один из бесов. – На кого ты нас покидаешь, родненькая!

И при этом зыркали на меня.

- Так! Надо спасти бабку! – заметил один из бесов, доставая тонометр. «Пышь, пышь, пышь!», - надувался рукав на дряхлой бабкиной руке.

- Ааааа!!!! Бесы мучают! Помереть спокойно не дают! Ааааа! – заорала бабка, а все любопытные брызнули вон из избы. Приплюснутых рож в окнах стало больше.

- Давят... Давят... Чуть не задавили бесы проклятые! – стонала бабка, пока второй бес достал огромный рецептурный справочник.

Приплюснутых лиц в окнах стало в два раза больше.

- Давление низкое! – встревоженно заметил первый, соскакивая с печи и доставая вполне современный термометр, пытаюсь засунуть бабке подмышку.

- Ай! Холодно! – стонала бабка, отбиваясь слабой рукой от беса с градусником. – Пошли прочь, проклятое бисово отродье! Заморозят бабку! Ох!

- Температура тридцать шесть! - выдыхал бесенок, спрыгивая с печки.

- Гайморит? – вопрошал второй, который со справочником. Он сидел на лавке, листая толстенную книгу. – Ба, у тебя нос заложен? Нет! Гангрена? Давай ей антибиотик дадим! На всякий случай!

Второй бегал, как угорелый, звеня блистерами таблеток.

- Пей, бабушка! Пей! Это таблетка! – сидел на груди бабки второй, пытаюсь затолкать таблетку и дать стакан воды.

- Кхе! Душат! Кхе! Проклятушие! – стонала бабка, отмахиваясь от таблетки и воды.

- Что там? Что там? – бегал кругами второй, заглядывая бесенку с книгой через плечо. В избе было неуютно. Пахло сыростью, травами и бабкой.

- Читаю про геморрой! – вздохнул бесенок, почесывая рожки.

- Может, грелку? Может грелку? – суетился второй, таща бабке резиновую грелку с горячей водой.

- Ааааа! Бесы меня варят!!! – взвизгнула бабка. Бесенок снова достал грелку и приложил к щеке: «Вроде ж не горячая!».

- Гонорея? – удивился и с подозрением посмотрел на бабку первый бесенок.

- Давай мы ее мазью натрем? – предложил первый. Он исчез, а потом появился с пакетом лекарств с надписью «Аптека – друг человека! А цены – враг зарплаты!». – Вот! Натираем!

- Ой! – шарахнулись все от окна, когда с бабки слетело одеяло.

- Держись, ба! Мы тебя спасем! – натирали ее мазью бесы. Бабке на вид было сто с хвостиком. Мне казалось, что она еще гладила мамонтов.

- Печет! Печет! – визжала она, когда ее растирали знакомой мазью. – Жарят меня бесы! Как на адовой сковороде!

- Не, ба, ты не того! Мы тебе помереть не дадим! – причитали бесята. Они показались мне такими милыми. Вот только бабка так не считала.

- Одеями накрой ее! – ругались они, укутывая и бабку, и грелку.

- Во мучается! – слышался скрипучий голос за окном. – Ведьмы всегда тяжко помирают! Бесы их мучают! И эта все помереть не может! Надобно крышу снимать!

Ага, и мебель выносить!

На крыше слышались удары топоров. Они что? Действительно крышу разбирают?

И тут бабка посмотрела на меня. Она протянула дрожащую руку, словно хотела что-то сказать.

- Что такое? – спросила я, подойдя поближе. Бабка шевелила губами, но я не могла расслышать, что именно она говорит.

- Простите, но вы не подскажете, как я могу выбраться отсюда? Извините, что не вовремя, – робко спросила я. – Может, тут автобус какой ходит?

- Ходит! Пешком по болотам! Закатав колеса! – подвякнули бесята. Но бабка явно что-то пыталась мне сказать.

- А телефона у вас нет? – спросила я, осматривая избу. Пучки трав были, огромная черная книга с замком была, какие-то ступки-пестики были, веночки были, а телефона не было!

- Что такое? – прислушалась я, глядя на ее руку. Стоило мне подойти близко, как вдруг бабка схватила меня за кисть руки.

- Отдаю... - прошелестела она и... стала испаряться. Она рассыпалась пеплом, пока я в ужасе терла свою руку, делая неуверенный шаг назад. Что-то серое, похожее на сгусток тумана вылетело в крышу.

- Ба-а-абушка!!! – закричали бесы и зарыдали, ловя пепел в черные лапки. – Бабуська! Бабусечка...

- Эээх, - утер слезы один из бесят, уныло присаживаясь на лавку. Дверь не выдержала натиска соболезнующих.

- Новая ведьма! Старая ей силу передала! Гляди, какая молодая! – обсуждали меня так, словно меня не было.

- Красивая, - переглянулись мужики, пока я сидела на скамеечке, вжав голову в плечи.

- Сразу видно, простипома!!! – проскрипела какая-то скрюченная бабка. И сплюнула.

- Втыкуха! – послышались голоса. – Марамойка! Хипесница! Шкирла! Сиповка!

- Тре-е-епушка! – пискнул ребенок. И тут же спрятался за мать.

Глава вторая. Посвящаю тебя стать моей неприятностью

Глава вторая. Посвящаю тебя стать моей неприятностью

Я с удивлением смотрела на народ, который разглядывали меня, как диковинку. Тактичность? Нет, не слышали!

- Втыкуха, - покачала головой вредная скрюченная бабка в старом платке. – К тому же еще и нечистая! Тьфу! Сразу видно, что ведьма.

Один из бесов сделал непристойный жест.

- Держите меня, я ей втащу! – орал он, воинственно размахивая кулачками. Как только он понял, что его никто не держит, как тут же вручил хвост второму: «Ты крепче держи!».

- Ой, втащу!!! – разбушевался бесенок. Хвост выскользнул из рук, а он тут же опустил кулаки и снова вручил кончик хвоста другу.

- Как всыплю! Мало не покажется!!! А меньше у меня нет! – воинственно орал он. – Ты, главное хвост крепче держи!

Согласна, после болота меня можно отдавать маме на стирку! Всю, как в детстве. В ботинках хлюпала вода, пальто было мокрым и стало почему-то серым.

- Ай-я-яй! Как не стыдно! Ведьма! Тьфу! Никогда к ведьмам не ходила! – распиналась какая-то баба, таща за собой детей.

- А кто к ним ходит? Никто! – вторили ей голоса. – Ведьма! От них все беды! То урожая нет, то покойники с кладбища лезут! Тьфу!

У меня пока не появилось желание оживлять местное кладбище. Чтобы оживить суровый быт крестьян культурно –покойной программой. А что? Должно появиться?

- Да! Никакого проку! Вред один! Как сглазит, так все из рук падает! – кипятились жители, пока я даже не знала, что ответить.

Послышался галдеж, уверяющий, что хуже меня никого свете нет никого. Что я прямо сейчас побегу заломы делать! Если бы мне еще уточнили, что такое заломы, то я бы, наверное, подумала, делать их или нет.

Поорав, толпа стала расходиться.

- Ноги моей в этом нечистом доме не будет! – прикрикнул мужик какой-то. И грозно нахмурил брови, погрозив мне пальцем.

- Ведьмы нам еще не хватало! Старой еле сдыхались! А тут новая! – распинали меня, на чем свет стоит. Я сидела молча, даже не зная, что ответить.

Дверь закрылась, а я вздохнула. «Все! Можешь отпускать!», - выдохнул боевой бес, забирая хвост у друга.

- Я не хочу быть ведьмой, - поежилась я. – Отправьте меня домой.

- Поздно тебе домой! Никак отсюда не уйдешь! Все мы тут во власти Хозяина Болот! Куда не беги – все его царство! Отрезал он от мира нашу Россоху! Никого отсюда не выпускает! Пускать-пускает, но обратно в мир дороги нет! – вздохнули бесы.

Один высморкал свой пяточок в старый бабкин платок, скомкал и прижал его к груди.

- Неужели? – ужаснулась я, вспоминая Хозяина Болот. Стоило мне только подумать о нем, как в избе запахло тиной болотной. Да так отчетливо, что я перепугалась. Словно голос на ушко прошептал: «Направо пойдешь, в мои объятия попадешь! Налево пойдешь, в мои объятия попадешь! Прямо пойдешь, в мои объятия попадешь! Назад пойдешь.... Мне продолжать? Или сама догадаешься?».

- Ой! – испуганно дернулась я, вжимая голову в плечи. Голос казался таким реальным, словно я снова очутилась на болоте.

- И вот на тебя вся надежда! – вздохнули бесы. – Бабушка наша, как могла болота сдерживала! Да вот силы у нее мало было! Сможешь с Болотником совладать, вернем тебя обратно!

- То есть, погодите. То есть, сюда можно, а отсюда уже никак нет?!, - прошептала я, понимая, что мне придется остаться здесь, пока я не совладаю с Хозяином Болот.

- Ой, да тут и без него нечисти хватает! То дворовой кого-то поймал и отмутил! То кикимора кур передушила! – махнули лапками бесы. Стоило мне глубоко вздохнуть, обдумывая перспективы, как ... дверь в избу скрипнула.

- Помощи прошу, ведьмушка – матушка! - слышался еле слышимый голосок той самой бабы, которая детей уводила и плевалась громче всех. – Я тебе гостинчик принесла! Вот, пока тепленький! Лучшие отобрала для тебя, родненькая...

Она развернула платок, а там лежали красивые пирожки. Румяные, прямо сказочные.

- Погодите, - заметила я очень злопамятным голосом. – А не вы ли мне тут недавно...

И даже прищурилась, вспоминая крики.

- Ой, матушка, - завывала баба, качая головой. – Не серчай! Погадай на судьбу дочери моей старшей! На сносях она! Вот и сердце не на месте! Как разродиться!

- Пошли прочь! – обиженно заметила я, злобно зыря на бабу.

- Ой, ой, пойду, матушка! День видать такой, что гадать нельзя! Так бы и сказали, а гостинчики себе оставьте! – откланялась баба, исчезая за дверью.

- Это что такое бы-бы-было? – округлила глаза я, глядя на бесов.

- Привыкай, - вздохнули бесы, переглянувшись. – Это всегда так! Тебе еще посвящение пройти надобно! Сегодня ночью на росстань идти! В собаку лезть!

- В какую собаку? Я не помещусь! – ужаснулась я, чувствуя себя крайне неудобно. Вот вляпалась я! Теперь еще в собаку лезть! Они тут все с ума посходили?

- Ой, матушка! – слышался голос, а дверь снова скрипнула и отворилась. На пороге стояла та самая бабка, скрюченная как знак вопроса. Он еле-еле ползла, хватаясь руками за стены. – С гостинчиком я к тебе! Молочка козьего принесла! Спинку ты мою полечи!

- Вон отсюда! – страшным голосом крикнула я. Бабка, которая только что ходила по стеночке маленькими шажочками тут же

шмыгнула за дверь. На пороге она растянулась и упала.

- Ох! – простонала бабка, вставая. И тут же замерла, прохрустевшись. – Ой! Спасибо тебе, матушка! Спинушка-то прошла!

Бабка подскочила резвой козой и тут же бросилась прочь, пока бесы смотрели на меня с уважением. Но я ведь ничего не делала! Я хотела уронить челюсть от удивления, но пол был очень грязный, и я передумала.

- Пойдем! Посвящать тебя ведьмы будем! – дернули меня бесы. – Время уже! А без этого никак!

- Это что такое происходит? – спросила я, слыша новый стук в дверь.

- А, это местные! К нам бегают! Как скопом соберутся, то хоть сжечь пытаются, то еще че-нибудь удумают! А как по одиночке, так «ма-а-атушка, спаси!». Привыкай! – развели руками бесы. – Думаешь, раньше по-другому было? Нет, все так же! Зато кормят, правда, тайком! Ты чего это расселась! Силу передали, теперь посвящение надо! Сначала разденься догола! Без этого никак! Тебе просто силу не дадут!

- А голой дадут? – ужаснулась я, поплотнее запахивая пальтишко. Пусть оно и промокло насквозь, но все еще худо-бедно грело.

- Ритуал есть такой! – тормошили меня бесы. – Чтобы силу тебе дали ведьмовскую! Без нее ты никак колдовать не сможешь! Так, мелочи!

Я думала. Если есть хотя бы шанс выбраться, то им нужно воспользоваться! Ладно, один раз потерплю!

Снимая пропахший болотом плащ, стягивая кофту с ряской и стаскивая штаны вместе с хлюпающими сапогами, я чувствовала, как меня морозит.

- И волосы распусти! – командовали бесы. Я стянула резиночку для волос, обнажая тонкие запасы кальция и вечную косметическую инвестицию. Если все ожидали роскошный водопад шевелюры, то я расстрою их. Накладной хвост остался у меня в руках.

- Да, - переглянулись черти, пока я вытаскивала заколки.

- Ну? Посвящайте! Только быстро! А то мне уже холодно! – поежилась я, пританцовывая на месте.

- Так не здесь посвящают! Посвящают либо в бане, либо на кладбище, либо на росстани! – заметили черти.

- Баня! – тут же согласилась я. – Только учтите, я париться умеют только на работе!

- В бане не выйдет! Там банник лютует! – заметили черти. – Что-то он последнее время нервным стал! К нему соваться – себе дороже!

- Тогда на кладбище! – согласилась я, вспоминая мрачные голбцы на росстани, поросшие сухой травой.

- На кладбище у нас контры! Хозяин кладбища уж больно недолюбливает ведьм! Эта старая бабка всех поименно знала! Бывало идет по кладбищу, со всеми здоровается. А кому-то еще кулаком грозит!

- Росстань? – уныло спросила я, пряча прелести руками. – Только быстро! Посвятились и хватит! И я сейчас накину что-нибудь, а то до росстани дойти надо!

- Нельзя! – в один голос заорали бесы. – Так, ты свечи взял? Книгу взял? Валидол взял? Все! Мы готовы!

- А что это за посвящение? – спросила я, уже жалея, что на это согласилась. Мало того, что ноги мерзли, так еще и вид у меня был дурацкий.

- О, ничего страшного! Свечки зажжешь, книгу откроешь, прочитаешь, что там написано, появится жуткая, страшная собака. Ты в нее полезай! А там тебе все скажут! Ну, когда-то именно так и было!

- Нет, ты что ее так сразу пугаешь? Там лебедь зубастый появиться может! – возмутился второй бесенок. – В него тоже лезть надо! А там, кто силу дать согласиться, тот и придет!

Мне хотелось пройти это все побыстрее, чтобы избавиться от Хозяина Болот и вернуться домой. Если другого выхода не было, то придется потерпеть!

- Ну, чего встала! Пошли! – дернули меня бесята в сторону двери.

- А таком виде? – ужаснулась я. – В чем мать родила? Мне что? По кустам шуршать, пока с голой попой до росстани добегу!

- Да не бойсь! Спит уже деревня! – успокаивали меня, открывая двери. И правда! В деревне было тихо. Даже свечи в окнах не горели. Лишь сизые дымки коптили пасмурное ночное небо.

- Поторопись! – тащили меня, пока я стыдливо пряталась кустами. Нет, зря я на это согласилась! А вдруг кто увидит?

- Долго же она, - вздохнул один из бесов, поглаживая черную книгу со старинным замком.

- Так она огородами пробирается! – махнул второй, пока я осторожными перебежками миновала кусты.

- Ааааа!

- Вот и до малины добралась! – вздохнул бес, сжимая черные, кривые и оплывшие свечки в руках. – А малина в этом году вон какая уродила!

- Ааааай! – взвизгнула я, перелезая через чужую оградку.

До росстани мы добрались без приключений. Не считая царапин от малины, которые я расчесывала. Теперь я напоминала кроваво-полосатого тигра в грязных носках.

- Вот! – показали мне на неудобный перекресток. Голбцы хранили молчание.

- Не бойсь, не откопаются! Им колы поставили! Двоечники они! Так, надеюсь, еще не истлели! – усмехнулись бесы, расставляя свечи и книгу. Клуб любителей чтения голышом при свечах объявил свое первое и, надеюсь, последнее заседание.

- Обычно ведьмы в этот момент прихорашиваются! Мало ли, с кем торговаться придется, - заметили бесы. – А явиться кто угодно может! Но ты смотри! Торгуйся! Меньше бесов, больше силы! Ну что стоишь? Читай!

Я осмотрелась, растирая озябшие плечи. Старинная книга открылась, знаки на ней засветились. Я не понимала и половины из того, что мне нужно было прочитать. Но меня согревала мысль, что ведьма способна улететь отсюда! И никакие болота ей страшны не будут!

Стараясь не пропустить буквы, я читала по слогам. Погода была безветренная. Свечи, похожие на черные кривые сосульки таяли на глазах.

У меня складывалось впечатление, что я читаю состав нового крема против ранних морщин.

Конечно же, крем был против ранних морщин. Он был глубоко возмущен этим фактом. Но дальше возмущения дело не сдвинулось. Он щипал, возмущался так, что на утро пристыженные морщины должны были покинуть лицо раз и до глубокой старости. Но морщины оказались глухи к мольбам. Крем возмущался до утра. Но морщинки победили!

Я была уверена, что ничего не случится. И даже расслабилась, разводя руками, мол, сделала все, что могла! Как вдруг позади себя почувствовала смрадное дыхание. Обернувшись, я увидела жуткую псину, которая капала слюной мне на плечо.

- Все! Спасибо! Я передумала! - дернулась я, пятась от ужаса. – Извините за беспокойство! Я передумала!

Но псина решила, что я в нее полезу, даже если я буду не очень с этим согласна. Если не вся, то хотя бы по частям!

- Помогите! – взвизгнула я, пытаюсь дать деру. Как вдруг псина увеличилась в размерах, отворила вонючую пасть, напоминающую пещеру Алладина, схватила меня, подбросила в воздух и ... проглотила...

- Ой! – схватилась за сердце я, ощупываясь со все сторон. Вместо гостеприимных внутренностей, я очутилась в темноте.

- Эй, - позвала я, слыша эхо, как в пещере. – Здесь есть кто-нибудь? Где тут силу получить и расписаться!

- Какая встреча!– послышался до ужаса знакомый голос.

Глава третья. Договор – не приговор!

Глава третья. Договор – не приговор!

Запахло болотной тиной. Откуда-то повеяло сыростью. Я опустила взгляд на свои дрожащие колени. «А обратно из собаки как?», - заволновалась я, представляя огромного адского пса, сосредоточенно пытающегося вернуть меня обратно в ближайших кустах. Горящие глаза выпучены, хвост оттопырен, а я вылезая, прощаясь: «Спасибо огромное! Теперь я – настоящая ведьма! Спасибо! Буду распоряжаться силой мудро и так далее...».

Почему-то место выдачи силы представлялось мне совсем иначе. Я представила горящую огненную кассу, в которую стоит целая очередь из голых колдунов и ведьм.

- Следующий! Распишитесь здесь и здесь! – слышится гнусавый голос из огненной кассы. – Следующий!

Но все здесь было совсем иначе!

Вокруг меня горели черные свечи, словно очерчивая круг. Пламя нервно дергалось, словно предупреждая меня об опасности, затаившейся где-то рядом.

- Кто здесь? – спросила я, слыша эхо собственного голоса.

Пламя свечей легло, чтобы тут же встать...

- П-п-почему молчите? – услышала я свой собственный встревоженный голос, пока стыдливо прятала прелести обеими руками.

- Любуюсь, - послышался смех. Он был то здесь, то там. – Зачем пришла, моя сладенькая?

- Извините, я, видимо, ошиблась ... адресом, - поежилась я, видя зеленые глаза, вспыхнувшие совсем рядом.

С той стороны, где вспыхивали глаза, пламя свечей танцевало, как сумасшедшее. От страха мне казалось, что оно вот-вот погаснет!

– А где... этот... как его... р-р-рогатый... С которым торговаться надо? – робко спросила я.

- На зов ведьмы приходит тот, кто хочет взять ее... - послышался голос, сделавший многозначительную паузу, заставившую меня опасно скосить глаза. – Под свою опеку. И поделиться своей силой... Как видишь, я всех опередил... Так, что ты хочешь, ведьма?

- Может, мне зайти в собаку попозже? – с надеждой спросила я, мысленно уже приготовившись подписывать контракт на коже некрещенного грешника пером девственного петуха, вырванного в двадцать восьмой лунный день. А тут ...

- Помолчи, - тихий голос был совсем близко. Настолько близко, что пламя свечей с одной стороны дрогнуло, но не потухло. Я повернулась в эту сторону, подозрительно щурясь в темноту. Зеленые, как спелый крыжовник глаза смотрели на меня с высоты приличного роста.

- Договариваться будешь со мной, - послышался тихий голос Хозяина Болот с другой стороны. Я обернулась, снова видя страшные зеленые глаза. Пламя свечей с этой стороны дрогнули, заставив меня отшатнуться к противоположной стороне круга.

- А если я не хочу ... с вами? – осторожно спросила я, ежась от страха и холода. Еще бы! Тут тебя собака «ам-ам!», а потом голос знакомый.

«Собачка, собачка! Верни меня обратненько!», - умоляла я мысленно, поджимая руки к груди.

- Тогда останешься здесь, - рассмеялись уже с другой стороны. – А свечи твоего защитного круга уже прогорели на половину...

Что? Правда? На половину? Не может быть!

Я только и успевала оборачиваться, чтобы держать противника в поле зрения.

– Проси... - послышался голос неожиданно сзади, напугав меня. Я отскочила, чуть не уронив драгоценную свечу.

Просить? Как просить? Меня не предупредили, как вообще просить эту самую силу!

- А сила... эм... свежая? Тогда... Дайте мне, пожалуйста... эм... магической силы, - голосом, словно выбираю конфеты за спиной продавщицы, вежливо попросила я.

- Сколько? – послышался четкий вопрос. – Сколько силы тебе нужно?

Сколько? Как определить, сколько силы мне нужно, чтобы выбраться отсюда? В чем вообще она измеряется?

- Д-д-двести ... - прошептала я первое, что пришло мне на ум. «Ньютонов! Сколько вам можно говорить, что сила измеряется в ньютонах!!!», - расхаживала в памяти строгая учительница физики, одергивая костюм, похожий на ковер моей бабушки.

- Д-д-двести ... - смутилась я, пытаюсь изгнать образ физички. – Ньютонов!

Амперы накалялись! Я чувствовала, что прошу того, не зная чего! Мне казалось, что мне должны были молча выдать силу под роспись! И не задавать вопросов, сколько силы мне нужно!

- Хорошо, - послышался тихий смех. Свечи снова дрогнули, не пуская в мой круг зеленоглазую нечисть. Они предупредительно вспыхивали то там, то тут, предупреждая о его приближении к кругу.

- Для чего она тебе, ведьма? – послышался сладкий голос. Свечи предупредили, о том, что он сзади. – Почему ты дергаешься, ведьма?

- Просто стоять спиной к собеседнику, - оправдывалась я. – Не очень вежливо. А к таким, как вы, еще и страшно! Так, что за вопрос? А! Вспомнила... Для чего?

Мне показалось, что к защитному кругу потянулась черная рука, проведя по невидимой границе света.

Тут прямо, как с кредитом! А что? А для чего? А поручители есть? А квартира есть? Ну как же! Квартира под залог квартиры!

- Я планирую делать добрые дела, - заметила я, до конца не понимая, для чего нужна мне эта сила, кроме как сбежать отсюда!

- Тьфу! – послышался голос, а следом смех.

- ... Настолько добрые, чтобы кровь в жилах стыла от моей доброты! – тут же переобулась я, поглядывая на свои замерзшие ноги и свечи.

- Так, а это уже интересно, - голос был справа. Свечи подтверждали, роняя черные капли воска на красивую мозаику на полу. Интересно, где это я? Мозаика была зеленой с желтыми и розовыми вкраплениями.

- У меня поручители есть! – добавила я, вспоминая, как брала кредит. – Судимостей нет, справку о зарплате можете затребовать на работе... Ничем не болею... На учете не состояла, не привлекалась... Наклонностей и склонностей не имею...

Вот так я брала кредит на холодильник!

- Значит, сила тебе нужна, чтобы творить злые дела? – спросил знакомый голос, а глаза появились прямо передо мной. Я даже попятилась.

- Разные, - уклончиво заметила я, с тревогой глядя на свечи. Не говорить же ему, что сила нужна, чтобы его победить?

- Почему ты мне врешь? – послышался вкрадчивый голос Хозяина Болот.

- Я? Вру? – почти натурально удивилась я, осматриваясь по сторонам в поисках того, кто тут может врать.

- Мне плевать, какие дела ты будешь делать, моя сладенькая, - послышался голос. А я прямо чувствовала, как меня уже облапали взглядом. – Я не люблю, когда мне врут...

- Хорошо, - выдохнула я, видя, что свечи выгорели больше чем на половину. – Я хочу вернуться домой... Такой вариант вас устроит?

- О! Совсем другое дело, - послышался смех. И все-таки! Мне уже интересно, где я? Похоже на большой зал. Только темно и ничего не разглядишь!

- Ну? Где договор? – спросила я, все еще прикрываясь руками. – Где нужно подписать?

- Как тебя зовут? – послышался голос, а я выдохнула с облегчением. Значит, скоро это кончится!

- Иванна, но только не смейтесь! – предупредила я замусоленной до оскомины фразой. – Иванна Сергеевна Сусанина! Нет, не родственница! Просто родители – приколисты! Ждали мальчика! Мама

хотела назвать Дианой, а папа уперся. И когда оформлял, пошутил! А паспортистка – дура!

- Иванка? – послышался голос. – Значит, Иванка? Или лучше Ива? Вот твой договор!

На границе света и тьмы застыла рука, сверкнувшая золотом браслета. Знакомые длинные когти держали тонкий лист, на котором значились незнакомые буквы. Когтистый палец прижимал перо...

- Тебе придется его взять, - заметил голос Хозяина Болот, пока я жалась, как могла, прикидывая, как расписаться и не стать звездой журнала для взрослых.

- Достаточно протянуть одну ручку, взять перо и... - убеждали меня, но я грозно сверкнула глазами. И тут меня осенила гениальная идея.

Склонившись, я взяла перо зубами, пытаюсь нарисовать подобие своей росписи. Чернила были красные, словно кровь. Они капали на пол и пергамент, где красовалась моя огромная корявая роспись.

- Гфе ефе рафпифатьфя? – спросила я, сжимая в зубах перо.

Если что страховочку мне уже оформили. Я такого страха натерпелась!

- Это твой договор, - заметил голос Хозяина Болот. – Нам нужно скрепить наш договор!

- Тьфу! – выплюнула я перо, понимая, что степлера у меня нет. – Извините, «скрепкоплюя» у меня нет. Скрепочки тоже...

- Нет, - послышался вкрадчивый голос, Хозяина Болот. – Это немного не то...

- А! – закусила я губу, перехватывая руки так, чтобы ничего видно не было. – Вот!

Я протянула скрюченную руку для рукопожатия. Она при этом умудрялась еще и прикрывать часть груди. «Пока вокруг меня круг, он не сможет меня тронуть!», - утешала я себя, протягивая дрожащую руку чуть дальше. Эта мысль меня очень успокаивала.

- И все? – удивился голос в темноте, а светящиеся глаза прищурились на мои дрожащие пальцы.

- Я видела ваши зубы! – предупредила я, стараясь вежливо улыбнуться. Но сама в этот момент с ужасом вспомнила клыки. – И все!

Только бы не выйти за круг! Только бы свечи горели помедленней!

- И как же я тебе, по-твоему, силу передам? И скажу свои условия? – послышался смех, а зеленые глаза опустились на мою руку. Пальцы дрожали от напряжения, потому что их пришлось высунуть за границу защитного круга.

- Так! – втянула я руку обратно. – И что же ты хочешь в обмен на силу?

- Я хочу... - послышался шепот совсем близко. – Хочу тебя, сладенькая моя... Твою кровь...

- Кровь? – ужаснулась я, ревниво оберегая свои литры. Ничего себе! – Нет! Я отказываюсь!

- Поздно, моя сладенькая, - послышался смеющийся голос. – Ладно. Подумаешь, успокоишься... Я же не всю кровь прошу... Это не больно... Это как поцелуй... Просто очень страстный... Но сейчас я предлагаю скрепить сделку. И от того, как мы ее скрепим, будет зависеть, сколько силы ты от меня получишь...

- Спасибо, не надо! – занервничала я, глядя на круг из черных свечей. – Я... Я передумала!

Я подняла глаза, видя высокий силуэт, стоящий на границе круга. Темно- зеленая рваная рубаша, штаны и сапоги с золотой вышивкой – выглядели так, словно он недавно купал кошку. Пояс из золотых пластин казался целой сокровищницей, взятой напрокат в каком-то музее. Корона из веток с золотым плетением сверкнула зелеными камнями, повторяющими блеск коварных глаз.

Темно- зеленый сапог сделал шаг в круг. Я с замиранием сердца ждала, как его отбросит в сторону... В этот момент все свечи разом погасли, а я застыла в серо- зеленой мгле. Что? Как?

- Круг! – ужаснулась я, видя сизые дымки погасших свечей под ногами. – Он же как бы...

- Не переживай, я отлично вижу в темноте и уже все рассмотрел, - послышался голос на ухо.

Меня сжали в объятиях...

- Что мне твои свечки! Это чтобы вы себя поспокойней чувствовали, - послышался голос, совсем близко. – Одно дело, когда вы нормально разговариваете. А другое дело, когда трясетесь и двух слов связать не можете! Поэтому мы и придумали для вас «защитный круг», который мы не нарушаем исключительно потому, что валяющееся в обмороке тело не сильно склонно к разговорам...

- То есть, вы его могли нарушить в любой м-м-момент? – ужаснулась я, чувствуя, в какой опасности была все это время. Но по сравнению с той опасностью, в которой я сейчас – это ерунда!

- Готова скрепить наш договор? – послышался голос над ухом.

Глава четвертая. Брысь от меня!

Глава четвертая. Брысь от меня!

- Нет, - испуганно прошептала я, чувствуя, как меня обнимают сильные руки, ловко поймав меня в свои объятия. У меня не было ни единого шанса вывернуться и спастись.

Меня поймали, словно птичку в клетку, но я все еще продолжала трепыхаться, затравленно озираясь по сторонам.

- Я слышу, как испуганно бьется твое сердечко, - шепнул голос мне на ухо, пока я из последних сил пыталась дернуться. - Пришла за силой, а сама брать не хочет...

- Оно просто очень впечатлительное. И помнит ваши зубы, - уперла я руки в его грудь, понимая, что все тщетно! Мне не вырваться! Я настороженно притихла.

Хозяин Топей и сам напоминал болото. Стоит попасть к нему, так уже не выпустит.

- Я тебя не съем... - утешали меня и гладили меня по растрепанным волосам, словно успокаивали ребенка.

- Не сегодня точно...

Зловещий смех окутал меня мурашками.

Тихие голоса внутри умоляли меня бежать! Бежать обратно к кругу. Их шепот сливался в хаотичный гул, заставив зажмуриться.

- Помни. Чем дольше выдержишь, тем больше получишь... - послышался голос возле моего уха. Руки скользнули по моему силуэту. У меня перехватило дыхание. – Все честно...

Я почувствовала, как меня резко прижали к себе да так, что дыхание перехватило. Это было даже немного больно! Стиснув зубы, я отворачивалась, боясь встретиться взглядом с зеленою чужих глаз.

Его губы медленно раздвигали мои, заставляя замереть и не шевелиться...

Одновременно с этим его руки пришли в движение, страстно запутываясь в моих волосах. Что-то внутри дрогнуло... Кажется, впервые в жизни. Но я тут же одернула себя: это – просто ритуал...

Всего лишь сон. Просто сон... А руки – просто руки... Ничего, завтра я проснусь... Обязательно... Он страстно вынимает душу поцелуем, но это – всего лишь сон. Это не реально... И я ничего не вижу. Только чувствую.... И содрогаюсь, вцепившись, как клещ в его одежду.

Я чувствовала себя такой беззащитной в его руках под натиском зловещего поцелуя. Мое тело сминали жадными объятиями. По моей спине скользили когти, словно решая, что вырвать первым. Сердце или душу?

В мои полуоткрытые губы вместе с поцелуем медленно втекал горький яд, заставляя жадно глотать его и тут же задышаться им.

Стоило мне ощутить боль от его властных рук, я вздрогнула в его руках от необузданной страсти, пропитывающих мои губы терпким ядом.

Под страстным натиском его губ я теряла нить, связывающую меня с реальностью.

Я покачнулась, глядя невидящим взглядом куда-то в темноту. Мои глаза расширились, словно видели то, что не должен видеть никто... Все мелькало ужасно быстро, и я не успевала толком ничего разглядеть...

Древние звезды зависли над шепчущими лесами, отражались в прудах, откуда выныривали бледные девушки с тускло мерцающими глазами, глядящими в пустоту... Небо затягивалось тучами, а выше деревьев бродила огромная бесшумная тень, закрывая собой луну... На пустых дорогах являлись странные люди с горящими и жадными глазами, словно высматривающими кого-то ... Поля золотой пшеницы колыхались, а по ним шла красавица – невеста, с серпа которой капала кровь... А черными воронами с деревьев взлетала затаившаяся смерть, подкарауливающая случайного путника.

Я вцепилась в его рубашку, разрывая ее руками. Страсть его губ породила жуткие и невероятные образы, от которых все тело дрожало, а колени прогибались.

Мои руки порвали его рубашку, потянув вниз, сорвав драгоценность с его шеи. Она звякнула о каменные плиты пола.

Я явственно чувствовала привкус крови на своих губах и выгибалась от его нечеловеческой силы. В глазах темнело от каждого его выдоха в мои губы.

Вкус горьких пряных трав смешивался с волнующей упоительной болью и трепетом.

Его пальцы переплелись с моими и потащили меня за собой в страшный омут... Или я покачивалась, теряя равновесие, или пол под нами превратился в тот самый омут, в который мы медленно погружались, сливаясь в страшном, незабываемом поцелуе...

- Ааааа! – закричала я, сжавшись всем телом и глядя невидящими глазами в темноту.

Задыхаясь, я прижалась лбом к его груди, вздрагивая и ужасаясь тому, что теперь творится внутри меня.

Мои перепуганные и растерянные глаза смотрели на мои дрожащие руки, пока я приходила в себя, жадно глотая воздух.

- Хочешь такой силы, которой еще не знала ни одна ведьма? – прошептали мне, со страстным и вожделенным нажимом глядя мои плечи. – Я могу дать тебе ее, если ты ... согласишься...

Сердце пропустило удар.

- ... на большее... - послышался шепот, который прошелся звоном по всему телу.

У меня мгновенно вспотели ладони, и сердце пропустило еще один удар.

Когда мне наконец удалось кое-как перевести дух, Хозяин Топей отодвинулся и со странной иронией посмотрел на меня. Я сразу поняла, что это была именно та степень близости, которая требовала ритуала.

Но не та, на которой настаивали его жадные руки. Смысл его слов только-только дошел до меня, постучался, переминаясь на пороге. Я поняла, что он ждет ответа. Поэтому не выпускает меня из объятий.

Так, хорошо... И силы хотелось... А то вдруг мало взяла?

Мои руки кровожадно сжали лохмотья на его груди.

- Хочу... - сладко прошептала я, склонив голову на бок и тряхнув волосами. – Только силу вперед, а то знаю я... Утром о силе даже не вспомнят...

- Боишься, что я не выполню обещание? – послышался раскатистый смех. – Хорошо...

Хозяин Топей снова прикоснулся губами к моим губам, заставив захлебнуться силой... Косясь одним глазом, я медленно, но уверенно тянула его в сторону погасших свечей...

Если я так пришла, то так смогу вернуться... Откуда-то у меня появилась странная уверенность. Может, ее давала сила, а может, я просто надеялась на свое везение...

В последний момент, когда нога еще чуть-чуть и шагнула бы в круг, я оттолкнула его, чувствуя, как мои пальцы загорелись. Но Хозяин болот не упал. Он покачнулся, рассмеялся, но тут же сузил глаза, понимая, куда я устремилась. Значит, я все делаю правильно!

Меня попытались схватить.

- Я просто припудрю носик! – выкрикнула я, чувствуя, как проваливаюсь в темноту.

- Эй, ведьма! – трясли меня за плечо.

Я нехотя открыла глаза, выдохнула и почувствовала, что лежу на скамейке, бережно укрытая одеялом. Предплечье что-то сдавливало, а я дернула плечом.

- Пышь, пышь, пышь, - работал тонометр в пушистых лапках одного из бесов. – Ой! Очнулась! Гляди! Очнулась!

- И?! Дали? – заскочил на меня второй бес.

- Нет! – нервно дернулась я, вспоминая страшный взгляд обманутого мужчины, уверенного в своем очаровании... «Убью!», - прошептали его губы перед тем, как я исчезла в темноте.

- Да что ты так нервничаешь? – переглянулись бесы, не подозревая, какого размера неприятности ожидают меня при следующей встрече. Один из бесов шмыгнул пяточком. – Сколько дали? Ну, рассказывай! Кто там был?

- Двести ньютонів дали, - проворчала я, садясь на скамейку и обматываясь одеялом. Я сверкнула глазами, морщась и прикасаясь к распухшим, зацелованным губам.

- Ты два дня лежала! Мы уже скорую вызывать хотели! Реанимировали тебя, как могли! Сначала дали слабительное, потом антибиотик! Потом дали средство от поноса! Потом жаропонижающее! Короче, все, что у нас было! – нервничали бесы, показывая тонометр, таблетки и справочник, открытый на странице «Желудочная колика».

- Кто был? – пристал ко мне один из бесов, а я так и не знала, кто это: Антипка или Анчутка, – Кто пришел? Нет, если наши, то я всех знаю!

- Никто!!! – рывкнула я, нервно кутаясь в одеяло и злобненько сопя на весь мир. – Никто не пришел! Никого не было!

Я снова провела языком по зацелованным и припухшим губам.

- Что? Прямо вообще никто не пришел? – заглядывали мне в глаза с подозрением. – Не может такого быть!

- Никто, - проворчала я, пряча под одеялом царапины от чужих когтей.

Внезапно старенькая дверь заходила ходуном. В щелях мелькнула чья-то жуткая тень. Послышалось жутковатенькое завывание.

- Эй, домовой! – проворчали бесы. – Поди разберись! К нам нечисть какая-то в избу ломится!

- Я и из-за печки покричу. «Пошел вон!!!», - слышался скрипучий голос.

За дверью кто-то ходил и подвывал. Потоптавшись и сообразив, что дверь гостеприимно не распахнется, этот жуткий кто-то ушел.

- Ушел? – слышался скрипучий голос из-за печки. – Во-о-от!

- Ты гляди, как у нее глаза светятся, - переглянулись надоедливые бесы, сидя на мне. – Зеленые... Болотные...Погоди!

Я замерла, словно меня поймали с поличным.

- Нет! – буркнула я, кутаясь в старенькое одеяло и пряча румянец, который накатывал на меня каждый раз, когда я вспоминала нежные и жадные руки. – Никого не было! Никто не пришел! Так, бес какой-то... Поговорили, постояли... И ничего не было! Он мне силу, а я... я расписалась где надо! Все!

Щеки полыхали пожаром, пока я ковыляла к деревянной площадке с водой.

- Ничего себе! Я впервые такое вижу! Ты чувствуешь, сила какая от нее идет? – слышалось за спиной, пока я жадно пила воду, пытаюсь погасить пожар внутри.

- Мне кажется, мы просто с таблетками переборщили! Смотри какая нервная! Надо было ей всю пачку успокоительного вместе со слабительным сыпать! А не половину!

Я нашла какую-то рубаху, натягивая ее на себя. Так! На болота я больше ни ногой, ни рукой, ни головой, ни другими частями тела!

- Раз рассказывать не хочет, так надобно самим все разузнать! – переглянулись бесы. – Ты пока посиди, а мы мигом! Ты вон! Книгу осваивай пока!

И бесы бессовестно исчезли, бросив меня одну в старой избе.

Я отходила, кутаясь в старое одеяло, и смотрела на старинную черную книгу. Страницы у нее пожелтели от времени. Зловещие символы напоминали буквы. А на каждой странице была картинка, нарисованная от руки. Причем, довольно красиво.

Я открыла ее на первой попавшейся странице и встретилась глазами с... Хозяином Болот. Он улыбался зубастой улыбкой, глядя ядовитым взглядом.

- Да что ты будешь делать! – разозлилась я, перелистывая страницу... Так, это у нас растения... Вот у нас заговоры... Интересно!

В окно послышался стук, заставивший меня вздрогнуть. Кто там пришел?

- Кто там? – опасливо спросил домовый из-за печки. У меня не было сил даже удивляться, что здесь есть домовый. – А! Девка какая-то пришла на ночь глядя!

- Никого не принимаем! – поежилась я, вспоминая подвывания.

Но дверь уже открылась, а на пороге мялась девица со свертком.

- Вот, матушка – ведьмушка, - елеино проворковала девушка, - Принесла тебе гостинчик...

Она развернула, а оттуда высыпались красивые алые бусы.

- Приворожи парня! – умоляющим голосом попросила девица.

Глава пятая. Конечно Вася! А кто его не знает?

Глава пятая. Конечно Вася! А кто его не знает?

Я смотрела на перепуганную девицу, которая жалась в дверях. На ней была рубаха, подпоясанная расшитым пояском. Тяжелая коса с шелковой лентой вызывала у меня приступ мучительной зависти.

- Приворожи, ведьма- матушка,- проскулила девица, заглядывая мне в глаза.

- Нет, до свидания! Я приворотов, отворотов, не делаю, лампочки не вкручиваю! У меня отвертки нет, - нервно пошутила я, вежливо взглядом выпроваживая девицу за порог.

- Не приворожите – пойду, утоплюсь! – горестно воскликнула девица. – Или прямо перед домом у вас удавлюсь! И всем скажу, что ведьма погубила! Все знают, куда я пошла!

- Что?! – ужаснулась я, отвлекаясь от книги. – Так, иди сюда! Я силой втащила девку в дом и усадила на скамейку.

Девушка сложила руки на коленях, зыря по сторонам. Из ее платочка виднелись шелковые ленты, гребень и нитка бус.

- Солнце мое, ясное, - терпеливо начала я, подсаживаясь ближе к насмерть перепуганной девке. – Пойди, отдохни и подумай! А надо ли тебе оно? Если мужик не любит, то зачем насиловать бобика? Зачем натягивать мурзика на глобус? В любви все просто! Не хочешь любить – не мучай гормоны! Ну не любит, найдется тот, кто полюбит! Делов – то! А то что?

В этот момент я представила бедного мужика, который даже не в курсе, что его тут привораживать пришли!

- Привяжу я его к тебе магией, а дальше? Бегать будет к тебе, но любить не будет!

Я осторожно, как начинающий врач, открыла книгу на приворотам, читая все, что написано. И на всякий случай подглядывала, а вдруг что не так скажу? Волосы на голове зашевелились. Я взглянула на гостью, решив, что мне проще взять веревку, отловить ее Васютку и привязать к ней на морской узел.

- Мне навсегда надобно! – всхлипнула девка, а ее руки дрожали.

- Как тебя зовут? – спросила я, листая книгу и ужасаясь предложенным приворотам.

- Марусенька, - вздохнула девушка, нервно теребя тугую толстую косу с шелковой лентой на конце.

- А если кто появится, полюбит? Этого куда денешь? – развела я руками. – Будет у вас под кроватью жить? Тапки суженного сторожить? Или где? В огороде ему будку сделаешь? Ну подумай сама! Ты вон какая молодая, красивая! У тебя еще все впереди! И запомни, не один мужик не стоит, чтобы ты ради него ... Запомни! Топиться только в глазах! Вешаться – только на шею!

Я была красноречива, как никогда. Уже через десять минут я расхаживала по скрипучим половицам, размахивала руками, объясняя, что ни один мужик не стоит того, чтобы играть в Муму в ближайшей луже!

Девушка кивала, соглашалась и теребила бусы в платке.

- А потом мне что? Отвораживать? Так мы ж навсегда приворот делаем! – пылко заметила я, снова пролистывая книгу. – Если любовь

придет? Настоящая? Так что ты эти глупости брось!

Красавица кивала, соглашалась, опустив голову.

- Я все поняла, - покивала девица, нервно перебирая бусы. – Только Васютку приворожите... Чтобы других девок не замечал!

- Мне проще его отловить и глаза выколоть! Гуманней будет! – ужасалась я, читая привороты и поглядывая на Маруську.

- И чтобы от меня не ушел никуда! – вздохнула Маруська, то сплетая, то расплетая косу.

Ой! Вы серьезно? Я нахмурилась, читая очередной приворот. Да мне проще подкараулить его и ноги ему сломать! Он потом еще спасибо скажет, узнав, от чего я спасла его!

- Привяжи его ко мне, ведьма-матушка, - понурилась девка, нервно перебирая свои сокровища. – Да накрепко!

- Сейчас ведьма возьмет веревку и будет твоего Васютку ловить! – обиделась я, понимая, что говорить с ней бесполезно. И отпускать тоже нельзя!

Только сейчас я заметила, что ее запястье перемотано. На тряпице виднелось коричневое пятно крови.

- Что с рукой? – спросила я, видя, как девка нервно зыркнула на меня, ревниво пряча повязку.

- О забор накололась, - спешно ответила она. – Так приворожите Васютку?

- Хорошо! – вздохнула я. – Приворожу! Еще раз? Как его там?

- Вася, - вздохнула девка, снова теребя свои сокровища. – Ваську-то моего все знают! Первый парень на деревне!

- Отлично! – заметила я, водя носом по старинным символам. Я не сильно верила в привороты. Зато верила в идиотов.

Я очень надеялась, что сейчас с умным видом пошепчу какую ерунду, девка успокоится и немного поумерит свой пыл.

Содрав со стены первый попавшийся под руку пучок трав, я стала водить им в воздухе.

- ... Пусть... эм... Василий, души не чаёт в Маруське, пусть привечает... - сочиняла я на ходу, поглядывая на Маруську, которая застыла с открытым ртом. – Пусть ... эм... проходу не дает! Пусть только к ... Маруське идет!

Дальше я не придумала. Но очень надеялась, что подействует!

Поводив травой перед носом Маруськи, я только собиралась ее убрать, как вдруг глянула на траву.

К моему удивлению трава в руках загорелась зеленым светом. Я и сама не верила своим глазам. Неужели этот Властелин Комаров все-таки слово сдержал?

- Ой, благодарствую, матушка, - рассыпалась в любезностях счастливая Маруська, оставляя мне узелок с бусами.

Я посмотрела на траву, горящую зеленым в руках, и осторожно положила ее на стол. Из узелка высыпались ленты, бусы и ... золотой гребень.

- Ничего себе! – удивилась я, рассматривая гребешок. Он сверкал драгоценностями, пока я с подозрением смотрела на зеленые камни, напоминающие чьи-то глаза. Я дернулась, чувствуя, как наперегонки сжались сердце и попа.

Вечер подкрадывался незаметно. Бесы еще не вернулись. За печкой кашлял домовый. Я сидела, опасливо глядя на двери и читала книгу. Где-то вдалеке слышалось пение, как вдруг мне чуть не выбили дверь стуком.

- Открой!!! – послышался женский визг, от которого я вскочила, как ужаленная.

Дверь отворилась сама, а мне навстречу вбежала Маруська. Рубаха на ней была порвана, венчик съехал на бок, а в глазах был такой ужас, что словами не передать!

- Что ты наделала! Ведьма проклятая! – визжала Маруська, цепляясь за меня.

Следом за ней слышался топот.

- Марусечка! – слышались мужские голоса. – Сердце мое!

Недолго думая, я закрыла двери, подпирая их тяжелой скамейкой. А следом на скамейку я втащила тяжеленный сундук.

- Ой, горе мне! – выла Марусечка. – Ты мне кого приворожила!

- Васю, как и просила! – рывкнула я, удивляясь, как смогла поднять такой тяжелый сундук.

Выглянув в окно, я увидела восемь распаленных мужиков, настойчиво решивших снести мою избушку. Маруся сидела возле печки, обняв колени и тряслась!

- Ой, Марусечка!!! – слышался мужской голос. В окне появилась рыжая борода и покрытое веснушками лицо. – Свет очей моих!!!

- Это кто? – спросила я, видя, как упорно ломятся в мою избушку.

- Это Васька Рябой с Мельницы! – визжала Маруська.

В другом окне елозил еще один мужик. Один глаз у него был, как бы закрыт, словно в него что-то попало, зато второй распахнут.

- Это твой Вася? - спросила я, глядя на перепуганную Маруську.

- Нет! Это Васютка Кривой! – взвизгнула Маруська.

К окну пробился старый дед, он клюкой разгонял остальных.

- Это дед Василий! – ревела на полу Маруська.

- Ой, люблю, не могу! – орал дед, пытаюсь клюкой разбить окно. – Пошли прочь! У меня, может, така любовь в последний раз! Скоко не шевелилось, а тут как зашевелится!

Я выглянула в окно, видя, как по двору без штанов бегают еще какой-то парень.

- Этот что ли? – ужаснулась я, таща Маруську к окну.

- Нет! – шмыгнула она носом. – Это Васютка – Дурачок с околицы!

- Мяяяяяу! – орал кошачий голос.

- Хочешь, я догадаюсь, как кота зовут? – мрачно вздохнула я, пытаюсь держать оборону.

Дверь под натиском страсти не выдержала. Сундук перевернулся, а скамейка отъехала в сторону.

Я схватила стул, готовясь держать оборону! Маруська забилась под печку, пока я воинственно отмахивалась стулом от Васютки – Дурачка с околицы. Зато справа напирал дед Василий! Остальные представители прекрасного имени Вася решили заходить со всех сторон.

- Ой!!! – взвизгнула Маруська, пока я щедро пыталась остудить пыл влюбленных Василиев прицельными ударами в места не столь отдаленные, но очень чувствительные!

Васютка- Дурачок хоть и бегал со спущенными штанами, был самым проворным! Одним метким ударом я чуть не отбила ему будущую династию. Зато справа нахрапом лез Вася Кривой! Я замахнулась стулом и теперь Васю придется переименовывать! Волосы липли к лицу, позади слышались всхлипы.

- Вот он мой! Мой Васенька! – кричала Маруська, тыча пальцем в нашествие Вась. – Васеньку моего не трожь!

Кот прошмыгнул у меня между ног, и с радостным мурчанием бросился к Маруське.

Так, какой из них ее? Я что-то немного растерялась в обилии Вась. Пока я проводила коррекцию кармы и прочищение чакр стулом, Маруся визжала, как сирена.

В дом вползло нечто, покрытое землёй. Следом, качаясь и утробно урча, вошли еще двое. Вид у них был, как у ливерной колбасы.

- Иииии! – пискнула на ультразвуке Маруська. – Это же Васька Меньшой и Васька Старшой! Их по весне схоронили! А то... Васька Дырявый!!!

- Домовой!!! – заорала я, пытаюсь отбиться стулом.

- Че? Э, не! Я и отседова поругаюсь! Пошли прочь! – кряхтел домовой за печкой. – Ты меня кормила? Нет! Поила? Нет! Вот чем мог, тем помог! Покойников зарывайте сами!

Нас зажимали в угол!

- Ты по Васеньке моему не попади! – умоляла Маруська.

Из печной трубы еще кто-то упал прямо на пол. Пепел и сажа заставили меня закашляться. Теперь все Васи были на одно грязное лицо!

- Ну че! Разведали все! – слышались знакомые голоса бесят.

- Помогите! – взвыла я, ломая стул об какого-то Васю. Надеюсь, не нашего.

- А ну брысь! – завопили бесы.

- Ой, да не видят они нас! – дернул один другого.

- Сейчас увидят! – слышался голосок кого-то из бесят.

И тут Васи замерли, видя, как перед нами вырастают два беса. Маруська тут же в обморок упала. А Вась, включая мертвых, из хаты, как ветром сдуло. Даже окна выбили...

- И любовь за собой уберите! – возмутилась я, размахивая чьими-то штанами.

Я выбросила их из дома.

- Ох, - выдохнула я, оседая на пол с остатками стула.

- Ты че удумала! Ты, когда привораживать будешь сразу спрашивай! Какой? Васька Хромой? Васька Кривой? Васька Рябой, дед Василий! – распинали меня бесы, пока я растирала сажу по лицу, приходя в себя. – Ничего, всех отворожили, всех отвадили!

- Я вообще не собиралась приворот делать! – возмущалась я, таща Маруську в сторону скамейки. Та внезапно глаза открыла, вскочила и дернулась в сторону двери. Только дверь ходуном заходила.

Я сидела на скамеечке, глядя на свои руки.

- Учиться тебе еще и учиться! – заметил бес, который сидел справа.

- Да! Пока научишься, вот тады и роды принимать сможешь! – толкнул меня локтем второй.

- А кто из вас Антипка? Кто Анчутка? – устало спросила я, обещая никого больше не привораживать. Никогда!

- Она нас не различает! Во дела! У меня глаза хитрые! А у Антипки глаза умные! – пояснили бесы.

Как вдруг дверь чуть не выломали. Я вздрогнула, уже планируя хвататься за стул, как в избу вбежала та самая баба, которая погадать просила.

- Ой, горе, матушка - ведьма! – завывала она с порога.- Как прознала, так сразу к тебе кинулась! Дочка моя, Акулинушка, рожать решила! Мы ее в баню, а ее... банник не пускает!

Глава шестая. В карты на кожесдирание!

Глава шестая. В карты на кожесдирание!

- Что? В баню?– шепотом возмущалась я, чувствуя себя крайне неудобно. – Нет, ну я могу сходить поговорить... Но результат не гарантирую!

По мою душу уже стояла целая мрачная процессия с факелами. Я опасно высунула нос, понимая, что нашествие Васюток – ерунда по сравнению с тем, что ждет меня сейчас.

- Куда! – взвизгнула я, чувствуя, как меня хватают и тащат. – Я гель для душа забыла! Полотенце! И шлепки! Мало ли, что у вас там в бане водится!

- У нас в бане много чего водится! – слышались голоса селян.

- Я про грибок! – возмутилась я, понимая, что моего мнения никто не спрашивал! А ничего, что я еще ничего толком не умею?

- Чудная! – послышался чей-то гнусавый голос.

- Лопочет что-то по свойски, по ведьмовскому! – обсуждали меня за спиной крепкого мужика, который тащил меня вперед попой.

- Втыкуха! – сплюнула бабка, которая ковыляла, опираясь на узловатую палку.

- Шкирла! – согласились все, пока я требовала отпустить меня!

Теремок стоял возле речушки, которая уныло протекала вдоль деревни. С виду он напоминал сарай. Вокруг все поросло травой, дверь была закрыта. В кривом оконце горели свечи.

- А идите-ка вы в баню! – возмутилась я, пытаюсь одернуть задрвшуюся рубаху.

- Туда и идем! – подхватили селяне, воинственно размахивая мной. Видимо, в качестве акта устрашения нечисти.

- Ааааа! – хваталась за огромный живот девица. И мучительно стонала, пока меня добрые люди толкали в сторону банной двери. – Ой! Ах! Не могу уже!

- Вот! Ведьма – матушка! – все сразу стали подозрительно вежливыми. Я уже усвоила, что раз все стали вежливыми, то где-то меня поджидает неприятность. И чем вежливей становились люди, тем больше масштабы неприятностей!

- Тук-тук! – постучалась я, слыша, что в бане кто-то есть.

Стоило мне обернуться, как я увидела, что вся деревня уже стояла на расстоянии: «Ты чихни, а мы в окопе!».

- Третий пар уже спустили, небось! – негромко переговаривались бабы. – Нельзя в баню после третьего пара! Банник кожу снимет! И после захода солнца нельзя! Там черти веселятся!

После таких новостей мои коленки дрогнули. Дрожащая рука все не решалась лечь на ручку и открыть дверь в обитель чисто вымытого зла.

- Ой! – простонала роженица, решив рожать именно сейчас!

Я трусливо пыталась в запотевшем оконце разглядеть, кто там так шумит. Шумели там так, словно проходила сельская дискотека.

- Извините, к вам можно? – робко-робко спросила я, словно вежливо интересуюсь, когда освободится сельский туалет. Но ни на чем не настаиваю!

За шумом, который доносился из бани, будоража тишину темной ночи, меня явно не услышали.

Дверь внезапно открылась сама, заставив меня отпрянуть с поднятыми вверх руками. Я ничего не трогала! Оно само!

- Ох, еле успели! – слышались знакомые запыхавшиеся голоса бесов. – Ты там это! Понаглее! Поняла?! Пришла! Прикрикнула, ногой топнула! Глазами зыркнула!

- Представь, что ты соседка снизу! Да! – подзуживал меня один из бесов. – Пришла, руки в боки уперла, наорала, подзатыльниками всех повыгоняла! Поняла?!

- Д-д-да, - кивнула я, нервно сглатывая. Соседка снизу.... Хорошо... Поняла... Фу-у-у-ух!

- А почему именно в бане? – возмутилась я, разводя руками.– Неужели других мест нет?!

Мне до ужаса не хотелось идти и разбираться с местным бомондом.

- Как почему?! – переглянулись мои бесы. – Банник должен защитить мать и младенца от нечистой силы! Все в бане рожают! Иначе утащат! Но и в бане нужно быть внимательным, чтобы дитя не подменили! Поэтому тебя и позвали!

Я развернулась на носке, собираясь идти прочь.

- Не бойся! Там мелочь одна! Да так с десятков мелочи какой-нибудь набилось! – утешали меня бесы, поворачивая обратно в сторону бани. – Ты их мигом разгонишь! Помни! Лицо суровое! Брови нахмурь! Еще хмурь! Морда-кирпич!

Я обернулась на село. Те отошли на настолько безопасное расстояние, что их с трудом можно было разглядеть в темноте.

- Так, репетируем! – настраивали меня бесята, бегая вокруг меня.

Я нахмурила брови, повела плечом и расставила босые ноги пошире.

- А ну пошли вон! Брысь отсюда, нечисть! – выдала я очень грозным полусшепотом.

Бесята переглянулись. Один из них скукожился и показал рукой что-то вроде: «Так себе!».

- Я же тебе говорю! Мелочь там бесится! Видишь, третий пар уже был! Да и ночь на дворе! Вот и собралась нечисть в бане! До петухов будут сидеть! – махнул пушистой лапкой бесенок справа. – Но оберег держи! На всякий случай!

Мне на шею надели какую-то веревочку с уродливой висюлькой.

- И вот возьми!

Мне снова пришлось подставить голову, чтобы пушистые лапки беса нацепили на меня еще несколько украшений, напоминающих косточки, обмотанные нитками, черепки птиц и прочие производные декоративно-прикладного кружка для маньяков от шести и больше лет строго режима.

С берегами было как-то спокойней. Поэтому я решилась!

- Ладно! – вздохнула я, приоткрывая с душераздирающим скрипом старенькую дверь. В бане было темно и тихо...

- Странно! – удивилась я, видя, как в мрачной синеве вырисовывается предбанник. Стоило мне сделать шаг назад, недоверчиво глядя в окно, как я увидела свет и мелькающие тени.

Я вошла в притихшую баню, как вдруг... Мне показалось, что я переступила какую-то невидимую границу между предбанником и баней. В глаза ударил свет, послышались голоса, смех и гармонь.

- О, великая наглость! Дай мне силы! – прошептала я, сжав кулаки и готовясь поднять грандиозный скандал!

- Еще душ? – послышался противный голос. - Хорошо! Три так три! Что у нас козырь? Снова пики?

Внутри все галдело и смеялось на разные голоса.

- Куда шестой козырной дамой! Совесть тоже нужно иметь! Не шестой же подряд! – взвизгнул кто-то очень противным голосом. И все это под аккомпанемент бешеной гармонии.

- Все! У меня больше нет душ! Выхожу! – каркнул кто-то. Послышался звук, словно об стол шлепнули пачкой бумаги.

- Где тут нечистая сила превращается в условно чистую! – строго и громко спросила я, заходя внутрь самой бани. – А ну марш отсюда!!! Закрывайте ваш сельский филиал Лас – Вегаса! Я кому сказала!

Все, как меня учили.

- Ой! – послышался писк позади меня.

Гармонь тут же притихла. Воцарилась пауза.

Я уже сама поняла, что тут не «ой!». Даже не «Ой!!!», а «завещание на третьей полке слева!».

Но вот гармонь снова заиграла, так, словно гармониста искусал бешенный ансамбль народного творчества.

На меня смотрел толстый, закутанный полотенцем мужик с бородой. Вид у него был далеким от дружелюбия. Он держал в руках веер из черных замусоленных карт, бегая маленькими хитрыми

глазами то туда, то сюда. Рядом с ним сидел какой-то лохматый, черный мужик со светящимися красными глазами и рогами. Он тоже для приличия обмотался полотенцем, ритмично подергивая коровьим хвостом в такт музыке. Его светящиеся красные глаза рассматривали карты на круглом черном столе, а потом возвращались в свой веер. Изредка он чесал одно лошадиное копыто об другое. Рядом с ним сидел суровый мужик с белесыми глазами без зрачков и радужки. В его спутанных волосах виднелись листья, ягоды и ветки.

По другую сторону от пузатого сидел ...

Сердце, желудок и все внутренние органы ухнули вниз, заставив колени прогнуться, а руку уцепиться за дверной косяк побелевшими пальцами.

По другую сторону от пузатого сидел Хозяин Топей, дерзко скалясь на свои карты. Если не считать полотенца и моего взгляда, на нем не было ничего... Внушительный красивый торс сверкал капельками пота. Влажные волосы облепили шею и казались почти черными.

Я почему-то слотнула, скользя взглядом по его обнаженным плечам. Массивное золотое украшение лежало на груди, сверкая в свете жара, плывущего, словно мираж в пустыне, от раскаленных до бела камней. Рядом оплывал кубок, по стенке которого стекала бордовая капля...

Черные когти выбирали одну из карт, поглаживая каждую грань веера. Внезапно одна карта вспыхнула зеленым светом. И тут же погасла, вызывая дьявольскую улыбку.

Остальных гостей набилось еще ... нечеловек двадцать. Все уставились на меня. И вот зеленые глаза поднялись из-за веера карт, и ...

... сделали вид, что слабо меня знают!

Тем временем одна из карт, выложенных на столе, вспыхнула черным и поменяла масть. Хитрый красный глаз лохматого сощурился. Ее соседка – карта тоже вспыхнула и поменяла масть на черную.

В самый уголок забился гармонист с бешеными выпученными глазами. Он был седым и натурально пил на гармонии с такой скоростью и усердием, словно от этого зависела его жизнь.

- Пойдем отсюда быстрее, - взмолились перепуганные бесята. И впервые я была с ними согласна! Вот только ноги не слушались от

ужаса.

Только я отвернулась, как послышался незнакомый голос.

- Все! Нас заметили! – простонали мои бесы. Они казались такими маленькими и миленькими по сравнению с теми, кто сидел за игральным столом.

- А! Ведьма! – послышался голос пузатого сквозь яростные звуки гармони. – Кто девочек заказывал? Почему одна? На всех не хватит!

- Я возьму гармониста! Да, Степушка? Степушка, убавь звук! А то ведьмушку не слышно! – рассмеялся мохнатый с горящими глазами, поглядывая на седого мужичка, трусливо сидящего в уголке. На его коленях стояла потертая гармонь, на которой он почти беззвучно наяривал какую-то веселую мелодию. Глаза у него все еще были выпученными, а руки бегали так, что его вот-вот удар хватит. Только на этот раз играл он с остервенением, но тихо.

Я вспомнила бедную девушку, которая мучилась под баней и сжала кулаки.

- Извините, пожалуйста! – вздохнула я, уперев руки в боки. В бане было до того жарко натоплено, что мне показалось, здесь отмечают открытие филиала ада. – У нас тут роды! Попрошу освободить помещение!

Я сплюнула прилипшие к лицу волосы.

Послышался дружный смех. Смеялись они минуты две, пока я стояла, мысленно надеясь на свои обереги.

- Выиграешь в карты – освободим, - послышался голос пузатого.

- Это кто? – прошептала я своим бесам.

- Это банник... - шепнули мне. – С ним лучше не шути! Он тут хозяин!

- А если проиграю? – спросила я, с тревогой глядя на карты, разложенные на столе. Я в последний раз играла в карты в гостях. Без особого успеха!

- Садись! – тащили меня, освобождая место напротив Хозяина Топей. Я вцепилась в обереги на шее, вызывая у всех присутствующих взрыв хохота. – Только разденься для начала!

Я опомниться не успела, как на мне очутилось полотенце. Оно было недостаточно длинным, поэтому я искала им ту грань приличия, которую хотелось бы соблюдать!

- Простипома! – сплюнул гармонист, пока я стыдливо поправляла полотенце. Он выпучил глаза еще сильнее и заиграл с двойным напором.

- Мы играем в карты на раздевание, - послышался голос Банника. Он усмехнулся, поглядывая на всех присутствующих. – Если проиграешь, мы сдерем с тебя кожу!

Глава седьмая. Три в ряд!

Глава седьмая. Три в ряд!

- Я... я не умею играть в карты, - испуганно прошептала я своим не менее перепуганным бесам.

Из всех игр я умела играть втри в ряд! Я бы с удовольствием сыграла с местной нечистью в три в ряд, уложив всех рядочком и присыпав земелькой.

- Садись, ведьма! – послышался хохот банника. Меня шлепнули мокрой рукой по плечу, заставив покоситься на шершавую лапищу. Гармонист уже скосил глаза. Пот тек по его седому виску, но он все наяривал.

- Его зовут местный Поганини! – рассмеялся банник.

- Потому что для погани всякой играет? – наивно спросила я, глядя на бедного мужичка.

- Точно! – послышался смех, а меня снова шлепнули по плечу мокрой ладонью. – Ну что? Раздавайте карты!

Я сидела напротив Хозяина Топей, который смотрел на меня пожирающим взглядом. Его черный коготь скользил по драгоценному кубку, словно описывая его изгибы. Я вздрогнула и решила посмотреть на банника. Тот был весел, как никогда!

- А это что за бесы? – спросил лохматый с красными глазами.

- Это старые бабкины бесы! – присмотрелся банник, пока мои бесята сидели у меня на плечах.

- Мы не старые! Мне всего-лишь сто лет! – огрызнулся правый.

- А мне пятьдесят! Меня бабушка из яйца высиживала! – фыркнул второй.

Колода черных карт очутилась в руках Хозяина Топи. Он стал тасовать ее, пока я чувствовала себя крайне неудобно. Справа сидел огромный банник. Слева мохнатое нечто. Тот, с листьями в волосах сидел рядом с Хозяином Топей.

- Это – необычный дурак, - послышался смех Хозяина Топей. – В обычный мы не играем! Правила просты...

Он вынул одну из карт, не сводя с меня того самого взгляда, от которого хотелось провалиться сквозь землю. На карте была дама пик.

- Мухлюй, но так, чтобы не поймали! – заметил он. Зеленый свет обратил даму пик в пикового туза.

- Я не умею, - прошептала я бесам, пока гармониста колбасило в уголке.

- Ниче! Мы умеем! – шепнули мне мои бесы, немного утешая. У меня был только черный пояс по «шахматам», когда я психовала и переворачивала доску на третьем часу игры. И разряд по «шашкам», когда я разряжала атмосферу «а давайте во что –нибудь другое?».

Мои карты легли передо мной. Черные когти достали козырь.

- Пики, - заметил Хозяин Топей, скользя по мне взглядом, словно спуская полотенце. Или от его взгляда, или от тревожности момента, я выдохнула. И взяла свои карты.

Сердце ухнуло вниз, жизнь промелькнула перед глазами, когда я с ужасом смотрела на шестерки, восьмерки и одну... девятку.

- Ой, отмолю я тебя, - проворчала я, чувствуя, как у меня трясется рука с картами.

- Бей! – пискнул мне на ухо правый бес. С такими картами отбиваться можно только стулом! И чем под руку попадетя!

И тут я увидела, как шестерка превратилась в козырную! Бес на правом плече заерзал.

- Вот! - положила я карту сверху, выдыхая.

Я зыркнула на бедного гармониста, который напоминал Бетховена на портрете. Только у Бетховена был пышный парик. А у этого седые волосы сами стояли дыбом.

И тут в меня полетели карты. Одних козырных шестерок я насчитала штуки три!

- Так! – свесился с плеча правый бес. Мои карты поменялись. – Бейся!

Я стала осторожно выкладывать карты, боясь что мне еще подкинут козырных семерок.

- Отбилась, - послышался тихий голос Хозяина Топи. Он поднес кубок ко рту. Тонкая струйка явно не гранатового сока стекла по его губам, подбородку прямо на шею.

- Че это он на тебя так смотрит? А? – негромко заволновались бесы. Один держался за ухо, второй тянул волосы.

- Не знаю! – соврала я, вспоминая сладострастный, головокружительный поцелуй. – Не отвлекайтесь! На нас снова ходят!

- Не смотри на нее! – проворчал левый. – Она не вкусная!

- Да неужели? – вспыхнули глаза Хозяина Топей.

- Мы точно знаем! – вякнули мои бесы, заставляя меня мучительно покраснеть.

На самом деле мое сердце замирало, когда по мне полз его взгляд. Интересно, о чем он думает? Зеленый крыжовник глаз смотрел на меня в упор. Я не могла отвести взгляд, поддавшись знакомому очарованию, от которого хотелось бежать куда подальше. Зеленые глаза опустились в карты, чтобы резко подняться на меня.

- Дамой бей!!! – крикнули мне сразу в два уха, заставив дернуть головой.

- А! Дамой? – дернулась я, уставившись на картинки и мечась взглядом по картам. – Дама! Вот дама!

Конечно, это не мое дело... Но мне одной кажется, или это уже шестая пиковая дама?

- А ведьма смелая! – рассмеялся банник на ухо. – Другая бы уже бежала дальше, чем видела!

На красивых губах Хозяина Топей я увидела тень улыбки.

- Я вышел! – заметил он, высыпая на стол козыря.

- Тьфу ты! – послышался голос мохнатого. Он заерзал, а я отклонилась от него подальше.

- Я тоже! – хохотнул банник, глядя на меня. Его карты легли на стол, отбиваясь от моих. Я испуганно смотрела на оставшихся двух игроков. Карты кончились с невероятной скоростью!

- Сейчас Леший ходит! – послышался голос бесов.

Там чудеса! Там Леший ходит! И ходит он опять с тузов!

- Вышел! – рассмеялся скрипучим смехом Леший. Я похолодела, оставаясь один на один с мохматым, красноглазым и жутким типом.

Он выложил карты на стол, а у меня перехватило дыхание.

Нет, нет, нет... Я мельком пробежала по картам на столе, а потом сунула нос в свои, обмирая от перспектив!

- Нет, - заерзали бесы на плече.

Мой взгляд упал на Хозяина Топей, который смотрел на меня с усмешкой.

Неужели я проиграла? Сердце ухнуло вниз, когда я представила, что будет, когда загребу карты. В руках пушистого мелькала одна – единственная карта.

Я с надеждой и мольбой посмотрела на банника. Но тот был занят тем, что рассматривал банный веник. Потом мой тревожный взгляд упал на гармониста, который поднажал.

Я снова посмотрела на Хозяина Топей, чувствуя, как внутри меня дрожит трусливый заячий хвостик!

- Ладно, вы тут сдирайте кожу! – усмехнулся Хозяин Топей, глядя на меня свысока. Он встал, чуть не опрокинув свой кубок.

Он направился в обход стола, скребя когтями по черной столешнице.

- Жаль девочку, но вы потом расскажете! – внезапно произнес он, все еще скребя когтями по столу. – Как кричала она, бедненькая...

- Не тронь ее! – зашипели на него мои бесы. Вот, значит, как?!

- Веселье только началось! – возмутился банник, потирая руки. – А как же кровушка? Ну что ты, в самом деле! Самое интересное пропустишь!

Хозяин Топей прошел мимо меня, так ничего и не сказав. Он даже не обернулся.

Я смотрела на него, видя, как его силуэт исчезает в дверном проеме.

- Ой, мамочки, - выдохнула я, глядя на свои карты, которые от волнения расплывались перед глазами.

- Бейся! – послышался голос беса. Я посмотрела на карты на столе, а потом на свои... Погодите-ка! Одну минутку!

Закусив губу, я стала медленно отбиваться. Когда последняя карта легла на стол, я услышала фырканье.

- Отбой!!! – радостно закричали бесы на плечах. – Ходи! Мы ходим! На тебе! Получай!

- Ууух, - выдохнула я, выкладывая последнюю карту на игровой стол.

- Жаль, - заметил банник. – Ладно, уговор дороже денег! Освобождайте помещение! Сейчас рожать придут!

Мелкие черти, которые веселились сами по себе, вылетели прочь. Я покачнулась, чувствуя, как руки трясутся. Через минуту в бане было пусто.

- Тащи свою! – слышался недовольный голос банника. – А я пока полотенца подготавливаю! И воды согрею!

Гармонист, покачиваясь, выходил вперед меня. Он тяжело дышал, таща гармонь на спине. Руки у него все еще тряслись, словно перебирали невидимые клавиши!

- Послушайте, - дернула я его за рукав. Главное, чтобы банник нас не услышал!

- Ась? – слышался голос гармониста. Он стоял и смотрел на меня, пока я на всякий случай проверяла полотенце.

– Бегите, я постараюсь отвлечь банника! - прошептала я, поглядывая в жарко-нагретую баню. – Бегите, спасайтесь!

- Спасибо тебе за спасение, матушка - ведьма! – пытался отдышаться гармонист. – Век буду не забуду!

Я толкала его к двери, как вдруг слышался голос банника.

- Завтра в полночь черт на утопленнице женится! Придешь, Поганини?

- Во скока? – спросил гармонист, прислушиваясь к ответу.

- Как солнце сядет! – крикнул ему в ответ банник.

- Приду! – слышался голос гармониста, а я отпустила его взмокший рукав.

Он вышел из жаркой бани в прохладу. Прохлада открытой двери дунула на меня, слегка остужая пыл лишней раз творить добрые дела! Вот так ведьмы становятся злыми и черствыми!

- Все! Баня чистая! – выдохнула я собравшемуся селу, видя несчастную, взмокшую роженицу и ее семейство. – Можете заносить!

- Ууух! – стонала бедная, когда ее несли в жарко нагретую баню.

Значит так, да? Я вздохнула, глядя на дремучий лес, возвышавшийся за деревней!

- Нечисть, - фыркнула я, чувствуя, что все правильно сделала. – И нечего мне тут харизму раскатывать!

Бесы прыгали, обсуждая игру.

- Пропади ты пропадом! – процедила я, негодуя.

Внутри что-то неприятно ворочалось. Мне было как-то обидно за: «вы тут сдирайте, а я пошел!». Настолько обидно, что я сжала кулаки, медленно выдыхая. Мне хотелось взять рукав рубахи, вытереть губы, словно пытаюсь стереть его поцелуи со своих губ!

- Ну ты и ловкач! Это ж надо было карту прямо на столе подменить! Так бы не отбились! – слышался радостный голос беса.

- Да не скромничай! Все равно нас уже никто не слышит! – радовался второй. – Подмахнул карту прямо в масть!

- Я думал это ты! – слышался голос второго. – Я бы ни в жисть не отважился! Ладно менять карты на руках, но на столе! А если бы поймали?!

- А я был уверен, что это ты на столе карту поменял! – спорил с ним первый. – Ты что? Ее не менял?

- А кто тогда поменял карту?! – уставились друг на друга бесы. – Там же лежала бубна! А стала черва!

И тут я вспомнила, как рядом со мной проходила знакомая фигура. Вспомнила, как его по черной столешнице скребли черные когти.

- Все равно, я тебя недолюбиваю, - вздохнула я, сощутив глаза в сторону древних лесов.

- Ведьма! Ведьма! Рожает уже! – кричали мне, втаскивая меня в баню. В бане было уже пусто. Кроме роженицы, меня и бесов никого не было! Даже стол исчез.

- Ааааа! – страшно закричала роженица. Я глянула на нее и тоже страшно закричала: «Аааааа!». Наши «Аааааа!» почти слились в унисон. Я была девушкой очень впечатлительной.

- Ведьма! Ты че? Сомлела? – скакали на мне бесы. Я почему-то лежала на полу. – Эх, ладно! Отдыхай! Мы сами все сделаем!

В первый раз я слабо приоткрыла глаза, когда услышала.

- Тужьтесь, мадам!

Снова слышался страшный крик, от которого я снова провалилась в темноту.

Я слабо приоткрыла глаза после слов: «Поздравляю! У вас девочка!».

Рядом с измученной роженицей скакали мои бесы.

- Три пятьсот! – слышался голос беса. – Только что взвесил! Все! Уноси весы, Антипка! Неси... сантиметр!

- Пятьдесят два сантиметра! – глянули бесы на старую рулетку. У них на руках был сверток из полотенец.

- Красивущая вырастет! – радовались они, вручая ребенка перепуганной до ужаса матери, которая лежала, боясь шелохнуться.

- Ну все, - устало выдохнула я. – Мы пойдем домой?

- Куда домой! – переглянулись бесы. – А дите кто будет всю ночь караулить? Мы пока вокруг бани дежури́м! А ты тут карауль! Знаешь, сколько нечисти захочет подменить ее на полено!

Я сидела рядом со спящей матерью и ребенком, честно обещая себе не клевать носом. Проснулась я от того, что слышу детский плач.

- Баю-баюшки-баю! Эту ведьму я убью! – слышался голос банника. Я дернулась, понимая, что уснула. Банник стоял и нянчился с ребенком.

- Спи, давай, ведьма! С рассветом ты будешь дежурить! – буркнул он, нося малышку по бане и напевая колыбельную. – Кожу мы с нее сдерем! И по всякому – убьем! А-а-а-а!

Я уснула. Может, усталость, а может и булькающая колыбельная так подействовали, но я провалилась в сон. Как вдруг проснулась. В бане слышались голоса. Точнее не в самой бане, а в предбаннике. Ребенок спал возле матери, а я на одну полку ниже.

- Ну, послушай, банник, дружище! Я тебе твой долг прощу, если ты мне этого младенчика отдашь! – послышался голос, а я темноте предбанника увидела сверкнули красные глаза. – Одна душа взамен... Сколько ты мне проиграл сегодня?

- Не могу! Они напросились, - проворчал банник.- Даже ведьма напросилась!

- Ну чего тебе стоит! – послышался тихий зловещий и противный голос. – Ты просто отвернись! Потом поленце ей подложим! Никто ничего не заметит! Ведьма слишком молодая, неопытная! Не заметит или не отобьет!

- Ну хорошо, - согласился банник, а я почувствовала, как дрожат мои руки.

Глава восьмая. Не баньте меня, пожалуйста!

Глава восьмая. Не баньте меня, пожалуйста!

Волосы на голове зашевелились, как у медузы горгоны. Мрачная, темная баня наполнилась зловещей тишиной. Я осмотрелась по сторонам, скользнув взглядом по сложенным в огромную стопку дровам. Мой взгляд упал на полотенца, которые валялись на полу.

Я схватила первое попавшееся полено, а ребенка сняла со спящей матери и спрятала под деревянный ушат.

- Вот только попробуй мне заорать! – пригрозила я, с ужасом поглядывая на приоткрытую дверь в предбанник.

Потом для верности, я схватила еще одно полено, наскоро перемотав полотенцем, и положила возле спящей матери. Она обняла его и прижала к себе, так и не заметив подмены.

В темноте слышались осторожные шаги, напоминающие цоканье.

Я прижала к груди бревно, расхаживая из стороны в сторону по скрипучим половицам и нежно баюкая мою буратинку.

- Аааа! – подвывала я, расправляя уютный конвертик из полотенца. – Баю-баюшки баю...

Краем глаза я видела, как в приоткрытую дверь крадется абсолютно бесшумная, черная тень, нависая надо мной.

- Аааа! – баюкала я полено. – Ути какая ты красавица! Вот вырастешь – все мужики только о тебе говорить и будут!

Ага, бревно в постели!

Мать перевернулась на другой бок и простонала. Мрачная тень от стены отделилась, оборачиваясь в мохнатый знакомый силуэт. Я видела его краем глаза, а сама готовилась.

- Баю-баюшки - баю! Не ложися на краю. Придет черненький козел, и отхватит звиздюлей! – качала я, краем глаза поглядывая на крадущуюся тень.

- А! Увидала, значит! Дай сюда ребенка, ведьма! – слышался знакомый мерзкий голос.

- Нет! – прижала я к себе бревно, как родное. – Не отдам! Банник! Банник!

- Дай сюда! – слышался страшный голос. Ко мне потянулась черная лапа с узловатыми пальцами и давно не стриженными когтями.

Мохнатое, красноглазое рогатое нечто стояло передо мной, воинственно перебрасывая свой коровий хвост с одной стороны на другую.

Он попытался выдернуть у меня полено, но тут же получил им по голове. А следом и по бесстыжей морде! Я ударила наотмашь, решив, что в детские ужастики: «Не ходи, а то черт тебя схватит и съест!» срочно нужно уточнение «Не ходи, а то черт тебя схватит и обсосет!».

Я искренне считала, что у каждого юного волшебника должна быть своя волшебная палочка. Кажется, я свою уже нашла! Причем, бесплатно! На счет заклинаний все было просто! Я решила воспользоваться огромным словарным запасом, который пополнялся годами и разрастался с каждой свежей неприятностью!

Магический поединок продолжался. Противник, не ожидавший того, что я имею столь глубокий познания в магии, был слегка обескуражен. Он никак не мог предположить, что отбиваться я буду «ребенком». В разгар битвы я услышала за спиной тоненький детский писк. На мгновенье замешкавшись, я почувствовала, как меня толкнули в темноту предбанника. Потеряв равновесие, я ударилась головой о лавку. Но тут же вскочила на ноги.

Не обращая внимания на боль и гул в ушах, я бросилась обратно в баню, заслоня собой и мать, и «ребенка».

- Ааааа! - послышался отчаянный крик матери, из рук которой вырвали «дитя» - Не отдам!

Но вот уже мимо меня пронеслась черная тень, унося с собой сверток из полотенец. Ушат лежал на месте. Сердце замерло, когда я приоткрыла его и увидела малышку. Он суксилась и всхлипывала.

- Все в порядке, - утешала я ребенка, отдавая до смерти перепуганной матери. - Просили - полено, получите!

Остаток ночи я просидела, обняв колени. В маленьком кривом оконце так и не светало. В бане то и дело слышались шорохи и скрипы, словно по старым половицам ходит кто-то невидимый. Глаза слипались, я клевала носом, борясь со сладкой дремотой, окутывающей меня одеялом из мечтаний, воспоминаний и каких-то невероятных, фантастических грез.

Мне показалось, что я даже уснула. Но я лишь задремала, прислонившись к деревянной стене. Ведьмам, караулящим младенцев, полагается кофе вне очереди!

- Ведьма! Просыпайся! – дергали меня, пока я сонно хмыкала. – Вставай!

- Что? Где? – спросонья перепугалась я, проверяя младенца.

По мне прыгали мои бесы. Вид у них был очень встревоженный. Они наперебой пытались мне что-то сказать, делая страшные глаза и тыча пальцами в сторону двери. Сон как рукой сняло! Я вскочила на ноги, понимая, что мало что смогу сделать!

- Значит, обманула, да? – послышался противный голос. Красные глаза сверкнули в темноте, а в меня внезапно полетело бревно. – Ничего! Я свое возьму!

Он бросился к ребенку, хватая его и...

Я почувствовала, словно меня подменили. Дальше я ничего не помню.

Очнулась я, лежа на траве, чувствуя, что мне очень неудобно. Кажется, мне в спину упирается острый камень. На горизонте занималась алая заря. Хриплый петух оповещал, что долгожданное утро все же наступило.

- Что случилось? – прошептала я, глядя мутными глазами на бесов, сидевших рядом. И тут же дернулась. – Где мать и ребенок?

- Дома они уже! Мы их вытащили, - послышался вздох. Один бесенок чертил хвостом какие-то знаки. Второй сидел на камне, задумчиво подпирая голову.

- Откуда вытащили? – спросила я, пытаюсь присесть. Ой, а что с рубахой? Я рассматривала огромную дыру.

- Где это я так? – удивилась я, натягивая льняную рубаху.

- Это когда Нечистого выгоняла, - заметил сидящий на камне бесенок. – Ты хоть помнишь?

- А что я должна помнить? – очень осторожно спросила я.

- Тебе как? Сразу или очень деликатно? – спросил меня бес, вытаскивая травинки из своего хвоста.

- Давайте деликатно, - простонала я, все еще не помня ничего после того, как новорожденная малышка оказалась в черных страшных руках.

- Тебе до того, как ты Нечистого из бани за шкурку вытащила? Или после того, как сожгла баню? – поинтересовался сидящий на камне бес.

- А между можно? – спросила я, оборачиваясь на догорающее народное достояние. Ой, мамочки!

- У тебя глаза как вспыхнули зеленым. Ты как бросилась на него... И руки у тебя загорелись! - размахивал руками бес справа. – Прямо

вытолкнула из бани в...

Он замолчал, задумавшись.

- В дверь? – ужаснулась я, рассматривая свои руки.

- Назовем это «новая дверь», - переглянулись бесы.

- Ой, мамочки, - съежилась я. - Как мои хилые ручки смогли сделать новую дверь?

- Так ты ж не голыми руками! Ты же им дверь делала! И прикладывала, как уровень! – вздохнули бесы, глядя на меня не то с опаской, не то с уважением.

- Да вы что?! – ужаснулась я, глядя на тлеющие головешки, оставшиеся от бани. – Да я самое миролюбивое существо на земле! Я за мир во всем мире!

- Да-да! Ты примерно тоже самое и говорила! – встrepенулись бесы, пока я слюнявила пальцы, чтобы стереть копоть с локтя. – И добавляла, что сейчас покажешь ему целый мир! А потом уточняла, что загробный.

- Не может такого быть! – опешила я, рассматривая разодранную когтями рубаху. – Я не могла такого сказать!

- Не могла! – закивали бесы. – Ты это не говорила. Ты это орала!

А потом этот удрал, а ты постояла, посмотрела и напоследок сожгла баню. Потом пожалала плечами, спросила: «А с фи́га ли баня завалилась?» и рухнула на землю.

Глава девятая. К худу или к бобру?

Глава девятая. К худу или к бобру?

Кое-как встав, я поковыляла в сторону дома, прихрамывая почему-то на одну ногу и совесть. Позади меня уже всю суетились, пытаюсь потушить остатки бани.

Дверь скрипнула протяжненько и грустненько. Паутина, висющая по потолку покачнулась от дуновения сквозняка.

- Кто здесь? – спросил подозрительный голос домового из-за печки.

- Свои, - мрачно ответила я, падая на лавку.

Огромный клок шерсти и пыли медленно перекатывался, словно перекасти-поле. Сухие листья шуршали по углам. В давно немых окнах стоял вечный туман. Груда всякого мусора была заботливо

распихана, где придется. И в качестве акции устрашения поросла паутиной, которую караулил огромный четырехлапый паук.

- Ой! – ужаснулась я, поглядывая на паука. – Брысь!

- О! Ты уже познакомилась с Брысем? – переглянулись бесы. – Ты его не обижай! Он тут живет на случай, если понадобятся паучьи лапки!

Паук на четырех лапах уполз в темноту, намекая, что четыре раза он уже был полезен!

Внутри было какое-то странное чувство, от которого я никак не могла избавиться. Стоило мне подумать о чем-нибудь, как мысли медленно возвращались к зеленым глаза. Вот смотрю я на плесень, а она превращается в зеленые глаза... Смотрю на горшок, а он вдруг начинает улыбаться призрачной зубастой улыбкой. Может, это остаточное действие его чар? Или это как-то связано с силой, что он мне дал? Сила! Вспомнила!

- Ничего себе, - удивилась я, рассматривая свои пальцы. – Я прямо так вот взяла и... Эх, жаль, что я не помню! Значит, не обманул!

- Слушай, а ты случайно не у болотника силу брала? А то у тебя глаза странно горят! И сила какая-то зеленая! – подлез ко мне бесенок. – А то мы все узнавали, да разузнать не могли! Никто не признается!

- Антипка? – прищурилась я, глядя на бесенка, потешно морщившего пяточок. Вот все им нужно знать!

- Ага! Не у болотника ли? – встревоженно подлез второй. И тоже под руку. – Только не говори, что у него!!!

- Нет! Что вы! – отпиралась я, причем очень натурально. И округляла глаза. – Не у него! Точно! А зеленый вообще мой любимый цвет!

Тем временем щеки почему-то краснели сами по себе. Вот те раз! Опять напомнили!

- Ой, - тут же выдохнули мои бесы, сползая на скамеечку. – Хорошо, что не у Хозяина Топей! Он вообще редко кому силу дает! Но мы слышали, что дерет за нее...

Ой! Я снова покраснела и сделала вид, что милее пушистого паука-инвалида ничего на свете нет. Старенькая печка покряхтела, поворочалась, а я звонко чихнула.

- Я так понимаю, что теперь это – мой дом? – спросила я наиграно бодрым голосом. Нет, ну надо же как-то перевести тему! Да и самой

хотелось чем-то заняться, чтобы отвлечься от мыслей о коварной улыбке, спрятанной за шторкой темных волос.

- Да! Твой! – повелись на мою уловку бесы.

- Значит так! – уперла я руки в боки. – Раз мой, то нужно будет прибраться! Нельзя жить в таком ... мусоре! Кто со мной?

Я посмотрела на бесов. Один из них сидел и заплетал косичку на своем кончике хвоста. А второй ковырял лавочку.

- Мы – бесы! Мы как бы пакости должны делать! Давай кого-нибудь испортим? А? – тут же оживились бесы. И стали смотреть на меня умоляющими глазами, словно дети, которые просили конфетку.

- Достаточно моих испорченных нервов, - заметила я, осматриваясь по сторонам и прикидывая, с чего бы начать генеральную уборку! – Не хотите помогать? Тогда идите нафиг! Сама справлюсь!

Стоило мне только произнести это, как бесы тут же исчезли. Я замерла в растерянности. Они что? Обиделись? Ладно, когда вернуться, я попрошу у них прощения, если обидела. Все-таки славные ребята!

Домишка был маленьким. Однокомнатным. Со всеми удобствами в виде крыши и «не снесло ветром, и радуйся!». Сквозь дыру в крыше проникал луч света. Если в него зайти, то можно почувствовать себя супергероем!

- Крышей займемся потом! А пока что... ! – потерла я ладошки, выискивая, чем бы для начала подмести. – Все ненужное мы выбросим! А нужное – оставим! Зато сколько места освободиться! И справлюсь быстро!

Сушеные мумии мухоморов на ниточке вообще было не разглядеть из-за плотного слоя паутины. На покосившихся полках, держащихся на честном матерном слове и крови прибывавшего их умельца, лежали пучки трав, мешочки и прочая магическая ерунда, которую я решила пока не трогать.

Я взяла старый мешок, открыла его, видя сморщенную проросшую картошку. Картошка была старенькой и требовала к себе уважения. Поэтому я решила отправить ее на заслуженную пенсию и потащила мешок на выход. Сейчас соберем здесь огромную кучу! А потом придумаем, куда ее деть!

- Куды!!! – слышался скрипучий голос домового. На мешке сидел маленький волосатый старичок в старой рубахе, подпоясанной веревочкой. – Куды добро разбазариваешь! А ну втащи ее обратно! Пусть лежит. А то че? Кушать просит? Не просит!

- Хорошо, я не буду трогать вашу картошечку, - вздохнула я, хватаясь за мешок с какими-то гнилыми досками.

- А это куды потащила? Это про запас! – нахмурил кустистые брови дедушка, обнимая мешок обеими руками. – Не дам! Усе, что нажито непосильным трудом, пришла и разбазаривает!

- Ладно, - пожалела я домового, который смотрел на меня как мышь на крупу. – Пусть лежат опилочки! Мало ли! Вдруг котика заведем?

- Я предыдущего еле вывел! – снова нахмурился домовый, бережно таща мешок обратно. Он даже развесил паутину по нему! Все как было!

– Когда кого-то заводишь, у меня спрашивать сначала надо! – гордо произнес домовый.

- По поводу мужика тоже? – усмехнулась я, отгоняя мысли о Хозяине Топей. Дался он мне!

- И по поводу мужика! – насупился домовый. – Кота завели, а меня не спросили! Не в масть он был! Не в масть!

- А тебе что? Козырного подавай? – усмехнулась я, глядя на маленькие лапки на ногах домового. – Ой, какая прелесть!

- Так, лапки не лапать! – обиделся домовый. Я вздохнула и решила не заморачиваться, поэтому направилась в другой угол. О! Там был целый склад!

Моя рука потянулась к груде старых досок, которыми, видимо, что-то пытались латать. На досках уже расцвела плесень. Они почернели и никуда не годились.

- Да что ж тебе нейдет -то! – слышался позади меня скрипучий голос. Я оглянуться не успела, как на досках уже сидел домовый, любовно обнимая их, как родных. – Не дам! Тебе что? Выбросить больше нечего? Чего прицепилась к доскам-то? Для тебя что ли их тут складывали?

Я направилась в еще один угол, где валялись старые горшки. Один был треснут, второй разбит. Черепки были разбросаны по полу и тоже поросли паутиной.

- Значит, горшки я выкидываю! – торжественно объявила я, беря горшок, и тут же его у меня выхватили из рук.

- У тебя что? Руки чешутся? Пусть стоят! – надулся домовой, глядя на меня со смертельной обидой. – Вон еще сколько мусора по дому! Тоже мне, хозяйюшка!

И он любовно обнял старые горшки, сопя на меня и фыркая.

Спустя полчаса я стояла с мышинной черепушкой в руках.

- Вот все, что можно выкинуть! Разрешаю! – смиловился домовой. – А не то ночью приду и буду душить!

- Когда будешь душить, покупай парфюм подороже! – заметила я, понимая, что уборка не заладилась.

- Ой! – послышался голос позади меня. Я обернулась, видя бабу, которая идет ко мне вороватой походкой. Она все время осматривалась по сторонам, прижимая к груди сверточек. Одетая она была, как по униформе. Рубаха, юбка и коса. На вид ей было летпод сорок.

- Матушка – ведьмушка, - заняла гостья, проходя вслед за мной. – Вот, чем богаты, то и принесла! Дело у меня есть такое...

Она вдруг покраснела, а потом прошептала.

- Матушка-ведьма! Меня домовый ... по ночам... домогается...

Глава десятая. Запечный ловелас

Глава десятая. Запечный ловелас

Сказать, что я была слегка обескуражена – не сказать ничего. Маленький старичок в смешных лаптях мало походил на героя – любовника. Разве что на пенсии в обнимку с мемуарами о падших к его ногам женщинах.

- Домовой? – уточнила я на всякий случай, слыша, как мой ловелас возится за печкой, сипловато покашливая. – Домогается?

Если честно, то я насторожилась!

– Только ты никому не рассказывай, ведьма – матушка! – взмолилась баба, глядя на меня умоляющим взглядом.

- А какой мне смысл? Все строго конфиденциально, - успокоила я внезапную гостью, снова поглядывая на печку, за которой ворчал роковой обольститель.

- Втыкуха! – послышалось шуршание кустов под окнами. – Простипома! Тьфу!

Да, конфиденциальность в деревне – отдельная статья для убийства!

- Так, успокойтесь, - выдохнула я, глядя в несчастные глаза гостыи. – Вы точно уверены, что это – домовой?

- А кто ж еще! Он самый! – выпучила глаза женщина, всплеснув руками.

– Ой, стыдно мне было идти... Ой, как стыдно!

Она покраснела как бусы на столе, которые я случайно сдвинула рукой.

- Как лягу спать, слышу шорохи какие-то! Половицы скрипят, словно по ним кто-то ходит! - встревоженным полусшепотом продолжала баба, пока я еще раз пыталась примерить образ ненасытного героя – любовника на дряхлого старичка размером с кошку. Но даже в кожаных трусах с плеткой вместо веника он никак не тянул на ночного искуителя!

– Так чую, что рукой кто-то водит в темноте! По телу! А потом ...

Баба осмотрелась, в надежде, что ее никто не слышит. Говорила она тихо, краснела и переминалась с ноги на ногу.

- Слыхали, что ведьма баню сожгла! А Акулина ведьме пошла! – послышался громкий женский голос на улице. – Каждую ночь ее ... того! Домовой!

- Кого? – удивился второй женский голос. – Ведьму или Акулину?

- Батюшки! – ужаснулся третий женский голос. – Что за село! То ведьма проклятая баню спалит, то к Акулине домовый женихаться приходит!

Гостыя побледнела. Я тоже, услышав про баню.

- Так, на чем мы остановились? – спросила я, чувствуя, что в моем ветхом доме собрался светский раут местных звезд желтой прессы и зеленой зависти!

- Потом на кровать садиться... Я прямо чую! Но шевельнуться боюсь! Прямо страх такой нападает, что не вздохнешь лишний раз! – прошептала Акулина, делая страшные глаза. – Мужа я схоронила два года как! А тут...

- И? В чем проблема? – удивилась я, слыша, как кряхтит за печкой потенциальный «утешитель вдов». Меня пока утешало, что для вдовства мне еще замуж нужно выйти!

На улице послышался старческий голос.

- Здорова Игнатъевна! Слыхала! Ведьма баню спалила! Да откуда ж мне знать почему? Обозлилась на что-то! Видать, обидели, проклятую!

- А ты слыхала, что на Акулине домовой жениться обещал? – слышались женские голоса.

Я шумно вздохнула.

- А потом рядом ложиться, - полушепотом заметила баба, краснея еще сильнее. Разговоры на улице удалялись. – И снова рукой водит!

Она повела рукой в воздухе, словно поглаживая невидимый стол.

- Я лежу, пошевелиться боюсь! Все терплю! Страшно ведь! А потом... Как петух прокричит, он уходит! – в ужасе прошептала баба.

- Третьего от домового уже родила, лопатой убила и в огороде закопала! Вот те зуб! Сама слышала! – донесся женский голос с улицы. – А ты че думаешь, она к ведьме пошла? И та чертовка хороша! Баню сожгла! Ей бы лишь бы пакость сделать!

- Простипома! – сплюнул кто-то, вызывая у меня бурю негодования. – Обе!

- Может, есть какой заговор? – всхлипнул объект вожделения, пока я старалась не обращать внимания на сплетни. – Пошепчи, матушка! Страшно мне! Одна живу, вот и страшно!

- Что-то мне слабо верится, - повела я плечом, открывая книгу. Мой взгляд остановился на портрете Хозяина Топи. Вот почему, когда я открываю книгу, вечно попадаю на его страницу!

Раз я застряла здесь, то мне хотелось производить впечатление очень опытной и знающей ведьмы. Чтобы давить инквизиционные мысли непререкаемым авторитетом. Не нравилось мне это «проклятая»! Чего доброго удумают что-нибудь!

- Домовой, - шептала я, шурша ветхими страницами древней книги без названия. Про домовых я знала мало. Так, понаслышке. На меня с картинки смотрел бородатый дедушка с выпученными глазами. А чуть пониже пушистое нечто с волосатыми руками ну очень одинокого домового.

- Косички заплетает? – строго спросила я, скользя взглядом по старинным буквам.

- Нет, - сглотнула баба, сидя, как школьница в кабинете у директора.

- Ой, слыхала Микитишна? Новости-то какие! Ну окромя того, что ведьма наша проклятая баню спалила! – донесся далекий голос. Странно, но в избушке все было отчетливо слышно. – Акулина уже четвертого ребенка от домового в болоте топит! Вот клянусь тебе! Сама слышала!

- Шкирла! – согласился кто-то.

Я покосилась на окно, поросшее паутиной, а потом мой недовольный взгляд вернулся обратно в книгу. Разобрать буквы было ой как непросто.

Ничего такого про заигрывания домового нет! Кроме косичек!

- О, если домовой к вам явился, то он хочет вас о чем-то предупредить! Чаще об опасности! – прочитала я, поглядывая на печь. Мой-то к чему явился? Тоже вопрос! Теперь уже и мне было страшно. Надо будет спросить!

- Дык, о чем он меня предупредить хочет? – прошептала баба, сложив руки на груди.

- Видимо, о том, что жизнь вас тяжелая ждет! - попыталась утешить я несчастную, стараясь найти хоть что-нибудь полезное. Утешительница из меня была так себе. – Нелегкая жизнь!

Даже спросить не у кого! Бесы умелись куда-то, и до сих пор не вернулись. Где их, кстати, нелегкая носит?

- Он наваливался? – спросила я, хмуря брови, и мельком поглядывая на застывшую бабу, которая боялась даже прикоснуться к чему-либо. Поэтому и прижимала руки к груди.

- Да, наваливался! – ответила она, с опаской озираясь.

- Если на вас навалился домовой, - прочитала я как-то радостно, подозревая, что это может как-то помочь. – Нужно спросить: «К худу или к добру!». И ждать ответа. Он может либо выдохнуть: «Ху!» или «Добру!». Может иным способом показать будущее. Ежели погладит пушистой ладошкой, то жди добрых вестей! А коли шлепнет, то готовься слезы проливать!

- Ой! И спрашивала, и ждала! – покачала головой баба.

- А он что? – прищурилась я, поглядывая на свою печку. А что он там, собственно делает?

- Вчера ночью было к худу, к худу, к худу...! А потом как... к добру ... ! Это значит, к худым вестям? – скуксилась баба, расправляя

юбку на коленях. – А до этого, всю ночь прямо к худу! Только под утро к ... добру!

Я шумно вздохнула, примерно представляя процесс гадания!

- Ой, боюсь я спать в доме! А то опять придет! И снова то к худу, то к добру! – помотала головой баба. – Буду у кумы спать! А вы, ежели не верите, то можете сами у меня переночевать, ведьма – матушка! Пойдемте! В избу отведу!

Мне вспомнились слова бесов. Пока помогаешь людям - «ведьма – матушка», а стоит только что не так, то все! Проклятая ведьма! А мне еще баню, я так понимаю, не простили!

- Так, я помогу вам! – утешила я бабу, которая встала со скамейки.

Послышались голоса бесов. Они явились так же внезапно, как и пропали.

- Вы где были? – спросила я глядя на них.

Баба чуть в обморок не упала, но вовремя за стену ухватилась.

- Куда послала, туда и пошли! – ответил левый бес. – Ничего там интересного в Нафиге нет! Да, Анчутка?

- Мы же делаем все, что ты говоришь! – поддакнул правый. – Тебе рассказать, что там?

- Я вас никуда не посылала! – удивилась я, не обращая внимания на бабу, которая то и дело в ужасе пяtilась к двери.

- Ты нас нафиг послала! – заметили бесы, но я отмахнулась. Потом разберемся. Мне сейчас срочно нужно восстанавливать репутацию в глазах деревни!

- Тут с домовым разобратся надо! - проворчала я. – Вот, жертва его темперамента стоит!

На улице уже стемнело, намекая, что за печкой в чьей-то избе уже сидит маньяк наизготове! Нет, ну надо же!

- Пошли, будем домового твоего смотреть, - вздохнула я, беря бабу под локоть. Мастер спорта по ночным приключениям вышла на дело, ведя за руку потерпевшую от мужского внимания.

Деревня встретила нас одинокими огоньками окошек. Меня облаяла чья-то собака. Мимо меня прошла наглая курица, которой по такой грязи срочно требовались резиновые сапоги.

Мы прошли всего-ничего, как вдруг баба показала рукой на один из домов. Потрескавшиеся ставни еще хранили следы наивной живописи.

- Входите, матушка – ведьма! – ввели меня в темную избу, которая мало чем отличалась от моей. Разве что в ней было чисто.

Пока я рассматривала скудную утварь, старую прялку и выбеленную печь, слышались спешные шаги прочь.

- Будем делать засаду! – потерла я руки. – Главное, чтобы засаду не сделали нам!

Глава одиннадцатая. Будильник будешь?

Глава одиннадцатая. Будильник будешь?

- Что это может быть? – расхаживал один бесенок, стуча копытцами. Он напоминал Шерлока Холмса, которому собака Баскервиллей «нафурила» в ботинок. Второй бес сидел на сундуке, покачиваясь, словно записался на курсы верховой езды.

- Тебе же сказали, что домовой! – шмыгнул пяточком второй бес.

Я внимательно смотрела за печку, в надежде услышать шелест, покашливание или другие признаки присутствия. Но за печкой было тихо.

- А может – муж вернулся? – все так же расхаживал великий сыщик, авторитетно почесывая подбородок.

- Откуда? – на всякий случай уточнила я, присаживаясь на скрипучую старую кровать. При мысли о том, что это муж вернулся, мне стало как-то не по себе. Я взбила рукой серую подушку, рассеянно обводя взглядом сонную избу. Свет луны падал в оконце. Над прялкой серебрился столп пыли. Дом сам по себе поскрипывал. В печную трубу завывал зловещий ветер. А мне еще покойников не хватало!

- Оттуда! – заметил бес, замирая. – Может, соскучился? А?

- Тады сыростью пахнуть должно! – принялся второй бес, потешно морща пяточок. – А еда должна скисать и портиться! Причем, быстро! И земля могильная то там, то здесь должна появляться!

Я поежилась, представляя, как дохлый супруг настаивает на супружеском долге посмертно! Становится почетным некрофилом нашей деревни, я не хотела, поэтому вскочила и пошла проверять.

Приоткрыв горшок, на котором лежал платок, я попробовала пальцем пшеничную кашу. Вроде бы не испортилась. Молоко, стоящее в крынке тоже было жирным и вовсе не кислым.

В чужой избе пахло квашней и выпечкой. Бесы с любопытством рассматривали горшки, прикрытые платками. Непривычный запах чужого жилья всегда вызывал у меня странные, порой, противоречивые чувства. Казалось, он таит в себе секреты, которые хотят спрятать хозяева от посторонних.

- Не покойник! – с облегчением выдохнула я, мысленно закапывая любвеобильного покойника с букетом сухих цветов обратно в могилу.

- Ну тогда я не знаю! – развел руками бесенок. – Может и правда... домовой!

Время было позднее. Я прильнула к мутному окну, видя, как серые ночные тучи медленно и грузно скользят по небу.

- А чем деревня так Хозяина Топей прогневила? – внезапно даже для самой себя, вырвалось у меня.

- А кто его знает! – вздохнули бесы за спиной. – Но обиделся он крепко!

В избе напротив кто-то погасил свечу. И на кривой деревенской улице стало темно и мрачно.

- Пора делать засаду, - заметила я, скрипнув половицами. Осторожно, стараясь не шуршать, я легла на кровать, прикрывая глаза и делая вид что сплю. Трудно делать вид, что ты спишь, когда тебе действительно хочется спать!

- Бдишь? – услышался негромкий голос одного беса.

- Бдю! – отозвался второй. – А почему бдеть должен только я? Ты тоже должен бдеть!

- А ты думаешь, я не бдю? Еще как бдю! – обиделся первый. – Может даже посильнее тебя!

- Ой, ну прямо «забделся»! – фыркнул второй. – Ой, а ведьма не спит! Чего не спишь! Спи, давай! Мы разбудим!

Я обрадовалась, что у меня есть возможность поспать и стала укладываться. Незнакомый запах, скрипы, словно бревна трутся друг об друга, завывания ветра в печи и шмыганье бдительных бесов, - ничто из этого не помешало мне провалиться в сон.

Сон был тревожным, обрывочным и беспокойным. Мне почему-то снилось болото вокруг меня. Я видела свою руку, которая держала разорванную нить алых бус. Бусины, словно капли крови падали прямо в топь. Через мгновенье я видела уже не нитку бус, а

настоящую кровь, которая по капле капает в трясину. Потом снова бусы. Потом опять кровь.

- Ребята, что набдели? – шепотом спросила я, резко проснувшись и почувствовав холод ненатопленной избы.

- Пока ничего, - прошептали мне бесы. Я вздохнула, обняла чужую подушку, как родную и снова провалилась в сон, который засасывал меня, как трясина.

Внезапно я услышала шорох. Сначала я думала, что это бесы. Проснувшись и видя, как храпят на сундуке два очень бдительных бесенка, я насторожилась. Один бесенок обнимал второго. А второй свернулся калачиком и сладенько сопел.

Прикрыв глаза, я вслушивалась в странные скрипы и шорохи. Откуда-то повеяло холодом.

«Неужели и правда, покойник!», - ужаснулась я, чувствуя, как внутри меня что-то трясется и требует вскочить, завизжать и броситься вон. Все было в точности, как описывала хозяйка. Изба наполнилась странными, а порой, даже страшными крадущимися звуками.

- Я уделала Нечистого в бане, - мысленно убеждала себя я. – Что мне какой-то домовый? Или покойник?

От этой мысли у меня хотя бы перестали вздрагивать колени под одеялом.

Кто-то медленно шел по полу, все приближаясь и приближаясь. Внезапно я почувствовала, как с меня ползет одеяло. Я глубоко вздохнула, пытаясь тихонько приоткрыть глаза. Стоило мне сделать вид, что я сонно ворочаюсь, одеяло перестало сползать и замерло на месте.

Но как только я задышала ровно, одеяло снова принялось сползать на пол. Я почувствовала прикосновение руки, которая скользит по моей ноге, задирая мою рубашку. И все это в почти полной тишине.

Кровать рядом скрипнула, словно на нее кто-то присел. Потом она скрипнула еще раз, прогнувшись под тяжестью чужого тела, решившего, что лучший будильник должен будить внутри, а не снаружи! Но в мои планы это не входило!

Охоту на любителей спящих красавиц торжественно объявляю открытой!

Я решила не мелочиться! И схватила домового за ... будильник. Как только будильник оказался в моей безжалостной руке, послышался

такой визг, от которого проснулись бесы, падая с сундука спросонья.

- Попался! – закричали они, пока я видела высокий силуэт, который мечется в сложном для мужчины выборе. Убежать, оставив в руках ведьмы будильник, чтобы весь остаток жизни присаживаться под каждым кустиком. Или все-таки попытаться спасти своего пленного друга.

Лерочка из финотдела всегда говорила. За мужика, девочки, нужно держаться обеими руками. Иначе он уйдет! Под волшебным воздействием ее хищного взгляда мужчины тут же превращались в редкостных козлов, всем видом намекая, что держаться за них – себе дороже.

И я решила последовать ее мудрому совету, цепляясь обеими руками за репку, которую решили посадить в меня этой ночью.

Я держалась так крепко, как дед репку, как бабка дедку, как внучка бабку и так далее.

Но таинственного домового, видимо, в детстве учили: «Сам погибай, но товарища выручай!». Поэтому операция по спасению рядового Райана сопровождалась сопением и попытками разжать мои руки. Все силы были брошены на эту операцию, но я держала так, словно гадалка нагадала мне, что это – последний мужик в моей жизни!

- К худу или к добру? – спросила я.

Внезапно мои руки вспыхнули зеленым светом. В этот момент таинственный домовый наконец-то подал голос.

- Пусти! – выдавил он из себя.

Для домового он был как-то очень крупноват. А для покойника – слишком бодреньким.

Бесы прыгнули на него, а я отпустила, чтобы тут же вскочить с кровати и помочь бесам. В свете моих горящих рук, я увидела заросшего мужика, перепуганного насмерть!

- Ну что, мой хороший, - заметила я, все еще с удивлением глядя на свои руки. Они светились чуть заметным болотным светом. – Делаем сглаз или порчу?

- Не надо, ведьмушка – матушка... - взмолился мужик.

- Хорошо! Поясняю для особо впечатлительных. С глаз долой? Или я тебя порчу. Возможно даже стулом! - хохотнула я совсем по-ведьмовскому.

- Не признал, ведьма- матушка, - ныл загнанный в угол мужик. Окно было открыто. С улицы веяло прохладой.

- Ты зачем бабу пугаешь? – заметила я, понимая, что это - обычный сельский парень. – Половицами скрипишь! А?

- Так ведь я... это, - опустил глаза мужик.

- Ну, продолжай! – я почувствовала облегчением. – Зовут тебя как?

- Андрейкой, - послышался ответ. Бесы держали его за ноги, а он не понимал, что происходит. И почему он не может убежать.

- Так, Андрейка, ты бабу зачем пугаешь? – повторила я свой вопрос.

- Не смотрите на меня так. У вас глаза жуткие... Зеленые, - вжал в голову плечи Андрейка. На нем была рубаха и спущенные штаны. Все свое хозяйство и палисадник вокруг него, он стеснительно прикрывал обеими руками.

- А ты рассказывай, не стесняйся, - наседала я, мило улыбаясь.

- А к кому мне еще ходить-то? А? – выкрикнул Андрейка. – Меланья замуж вышла! Авдотья померла! А мне –то страсть, как хочется!

- С тобой все понятно, - уперла я руки в боки. – Итак, дружок. Если еще раз ты сюда проберешься, я тебе твою репку из палисадника с корешками вырву! Ни «страсти», ни «хочется» уже не будет! Ты меня услышал?

- Д-д-да, - закивал Андрейка. Голос у него стал внезапно таким радостным. Он был уверен, что его отпустят. – Да! Ведьма – матушка!

- Ты со мной не шути, - предупредила я, нагоняя страху. – И чтоб ноги и прочих органов твоих здесь не было!

«Домовой» превратился в дворового, а потом в уличного, улепетывая в темноту.

- Никакого домового нет, - выдохнула я, чувствуя, как уходят тревожность и страх. – Просто парень какой-то к ней в дом залезал. Ладно, пойдем хозяйку будить.

За окном закричал петух, пронзительным и хриплым кукареканьем оповестив деревню, что время тайн, загадок и нечисти уже прошло.

- Как вы думаете? Здесь вообще домовой есть? – спросила я, заправляя чужую кровать.

- Нет, скорее всего! – отозвались восторженные бесы. «Ты видал. Как она его уделала! А? И про сглаз, и про порчу!», - переговаривались они.

- Нет, так нет! – послышался внезапный голос за печкой. - И все-таки мы знаем, что она еще та... шалабайка и втыкуха!

Я не знала, где живет кума и где искать хозяйку. Но стоило подойти к своему дому, как я увидела ее. Она стояла и жалась, кутаясь в платок, заглядываясь на мою скрюченную яблоню.

- Ну что сказать? – усмехнулась я, видя, что деревня еще спит. – Не домовый это был. Мужик какой-то по ночам приходил. Но я его отвадила. Больше никогда не придет. Можете спать спокойно!

Баба замерла, опустив глаза.

- Это как так получается, что не придет? – внезапно произнесла она, поднимая на меня растерянные глаза. Ее руки мяли платок. И вид у нее был вовсе не радостный. – Как же я теперича без любви буду? Я думала, что вы пугнете его... Испужаете, как следует... И женится! Пусть плохонький, но муж!

Здрате, приехали, передаем за проезд нервными клетками.

- А тут эвонна как получилось, - лепетала баба, явно недовольная результатом.

Мимо нас упорная бабка тащила не менее упорную козу.

- Пойдем, Зорька! – скрипела баба. Она зыркнула на нас. – Простипома!

Я посмотрела на козочку, а потом вернулась взглядом к бабе, которая для верности даже за яблоневою ветку ухватилась.

- Не придет, значит... - вздыхала она. А потом пошла себе по тропинке, ведущей от моего дома на улицу. Которая, видимо, не зарастет никогда.

Стоило мне вернуться в дом, прикрыть дверь и присесть на скамейку, как на улице послышался гомон рассерженной толпы.

- Где эта ведьма?!

Глава двенадцатая. Я и сосанные коровы

Глава двенадцатая. Я и сосанные коровы

Я бросилась к оконцу и попыталась протереть его рукавом рубахи, чтобы понять, что это за несанкционированный митинг под

яблоней! Даже в мутное стекло было видно, что вокруг моей избушки робко, но с вилами топчется целая деревня!

- Плохо дело, - перепугалась я, глядя на бесов круглыми глазами. – Кажется, сегодня у деревенских будет шашлык. Только мы уже не увидим, как его будут снимать!

- Открывай, ведьма проклятая! – барабанили в мою хлипкую дверь, заставив меня забиться в угол. – А ну быстро открывай! Ишь, че удумала! Схорониться от нас решила! Ну уж нет!

К мутным окнам прильнули любопытные рожи. Я встала, одернула рубаху и мужественно распахнула дверь.

- Без паники! – утешали меня бесы, пока я думала, что же такого успела натворить?

- Явилась! – недовольно переглянулись жители от мала до велика. В дверной косяк почему-то был вбит нож. Прямо по самую ручку. Я попыталась сделать шаг с крыльца, но словно наткнулась на невидимую стену. Меня отбросило назад, пока я с удивлением смотрела на рукоять вбитого ножа, чуть-чуть высовываясь из-за двери.

- Это, чтобы ты из избы не вышла! На всех ведьм действует! И иглы в порог втыкают! – послышался испуганный шепот бесов. – Есть много способов! И голой попой на печку садятся!

- Только на раскаленную! Чтобы получить инвалидность и орден за помощь при задержании! – буркнула я, проверяя рукой невидимую стену. На ощупь она напоминала стекло. Но видно ее не было!

- Шум из избы твоей доноситься! – уперла руки в боки дородная женщина с тяжелой косой. В косе уже виднелась серебристая проседь. На рубахе был красивый орнамент, на юбке – пятно. Она вышла вперед, грозно нахмурившись.

- То воеет, то стонет, то хохот стоит страшный! – округлила глаза баба, обращаясь к жителям. – Мимо шла, а там такое творится! И в окне свеча горит! И гармонь играет! И черти в обнимку с утопленницами пляшут! Полсотни набилось! Сама видела! И топчут! И гогочут! Аж жуть берет!

Я заглянула в избу, понимая, что пора бы действительно подать объявление: «Сдам роскошные апартаменты со всеми неудобствами для проведения нечистых корпоративов, бесовских свадеб и проклятых поминок!». Полсотни чертей? Они что? Как селедки в бочке стояли, дыша друг-другу в затылок? Это что за автобус в час пик? Да тут я при

всем желаним чертей тридцать только затрамбую! Ладно, если с ноги то сорок! Но уж никак не пятьдесят!

Силой воображения я попыталась заставить автобус с чертями танцевать. Но даже воображаемые черти, стоящие, как маринованные огурчики в банке посмотрели на меня с укором. Я поднажала воображением, и черти стали вяло двигаться. Пока что со стороны это напоминало оргию. Только на лицах вместо удовольствия было мучение!

Мы с моим воображением сошлись на том, что черти поднимут руки вверх и будут делать детсадовские фонарики кистями рук. Ух, какое страстное фламенко!

Ну, это ерунда! Это мы уже проходили! В глазах соседей тихие посиделки с подружкой всегда превращаются в шумные проводы в армию. К полуночи они плавно перетекали в шабаш с черной мессой и приношением в жертву женской ласке соседского ни в чем не повинного кота.

- Вызывайте милицию! – пожалала я плечами. – Где у нас тут закон, что ночью нужно соблюдать тишину? А? Так что идите-ка вы на букву закона! Далее...

- Бери на себя! – шептали бесы. – Бери! Все бери! Со всем соглашайся! Побесятя, успокоятся! А того и глядишь – бояться будут! Лишний раз мимо не пройдут! Дорогу не перейдут!

- Я... эм... - замаялась я, почти согласившись. Нет, почему бы и не попробовать?

- Внимание, - торжественно заявила я, стараясь не нервничать. – Озвучиваю расписание! Шабаша в моей избе проходят в понедельник и в четверг! С полуночи и до последнего вареного кота! Это понятно?

Лица побледнели.

- Так, вторник, среда, ночь. Моя избушка превращается во дворец бракосочетаний. Короче, черти на утопленницах женятся! – вспомнила я слова банника. – Если что, всегда нужны свидетели! Желательно вкусные. Форма одежды парадно – выносная!

- Батюшки! – перепугались местные.

Деревенские переглянулись, пока я придумывала расписание дальше.

- В пятницу у меня день жертвоприношений! Особенно, тех, кто проходит мимо избы! – прищурилась я. – Так что ночью ко мне не

шастать! А на выходных ночью у меня ... у меня... я... я злая, как черт, потому что у меня выходные, а вы приперлись! А это, поверьте, страшнее, чем понедельник, вторник, среда, четверг и пятница вместе взятые. По поводу ПМС – не хочу пугать вас заранее!

И я многозначительно улыбнулась.

Толпа занервничала, стала переглядываться еще сильнее. Многие уже понимали, что зря пришли.

Но потом, убедившись, что их много, решили не отпускать меня. Я чувствовала себя председателем колхоза и местным участковым по совместительству!

- Ты нас затопила! – послышался голос какого-то деда. На меня смотрела сотня недовольных глаз.

Это мы тоже проходили. Три пятнышка на потолке от протекшего крана превращаются в Великий Потоп. Да такой, что пришлось сооружать Ковчег, чтобы погрузить туда золото, паспорта и кота!

Я снова осмотрела на свою одноэтажную избушку на окраине, в которой водопровод бывает только в дождливые дни.

- Только избу справили! Только новоселье! – жаловались друг другу несчастные жертвы магического произвола. – Как ведьма проклятая затопила! Ну, вот, поди ж ты!

То, что вы живете в аду, еще не означает, что я не закрываю кран!

- Погляди, что ты натворила! – бушевали местные, размахивая руками. – Река разлилась, всю низину затопила!

Я не успела ничего возразить, как деревенские продолжили.

- А она у моей коровы по ночам молоко пьет! Сам видал! Этой ночью в сарай захожу, а она там лежит и молоко из-под коровы сосет! – вякнул бородатый мужик в старой рубашке и обвислых штанах. – Я перепугался, а она обернулась какой-то тряпкой черной и вон вылетела.

- Я молоко стараюсь пить только кипяченое... - брезгливо начала я, но меня никто не слушал. – Или пастеризованное... И вообще, у меня аллергия на лактозу, если что!

- Это она ко мне полетела! – внезапно в толпе завизжала баба. – Муж спит, а мне не спится что-то! Смотрю, по огороду кто-то ходит! А это она! Ходит и что-то шепчет! И редьку ест! Видать, к неурожаю! Долго ходила, шептала... А потом сорокой обернулась и ...

Редьку? Да я ее даже по акции в магазине не брала!

- Она у меня ночью тоже корову сосала! Сидит, значит, жабой и сосет молоко! Глянула я на нее, а это она! Как петух пропел, так сразу исчезла! – возмущалась старуха в серо-коричневом платье. Скрюченные пальцы провели в воздухе. – Зуб даю!

- А у меня сегодня змеюкой обернулась, к Буренушке мой подползла и все молоко выпила! – крикнул кто-то из задних рядов, поднимая целую волну возмущений.

По уверениям селян, во мне должно плескаться литров сто молока, местные коровы должны прятаться или залезать на деревья при виде меня. Зато количество мужиков, соблазненных мною этой ночью, приближалось уже ко второму десятку.

- Иду я, значит, с козой своей мимо! С Зорькой! А ведьма как зыркнет злым глазом! Стоит, смотрит, сама злющая! И видно, что сглазила! – вылезла вперед та самая бабка с козой. Коза была при ней и жалобно блеяла. – У меня спину скрутило, а у козы молоко испортилось!

- Меееее! – выдала испорченная коза, брыкаясь и упираясь.

- А ну быстро козу поладь обратно! – потребовала бабка под одобрение толпы. – Чтоб молоко прежнее было! А то горькое какое-то! И кислое! Поладь, говорю! И вкус у него не тот!

- Я не трогала вашу козу, - ледяным голосом произнесла я. Но козу уже втащили на порог.

- А что ж молоко испортилось? А? – прищурилась подслеповатая бабка, пока Зорька намеревалась боднуть ее и резво убежать в закат.

- Ну поделай что-нибудь! – нашептывали бесы, суетясь вокруг козы. – А то эти не успокоятся!

- Хорошо, - вздохнула я, срывая какую-то ветку. Я едва дотянулась за ней, чтобы не врезаться в магическую стену. Все затаили дыхание, ожидая, что будет. Я тоже затаила дыхание, ожидая, что придумает мое воображение!

Я обошла козу несколько раз, хлопая ее веточкой. Бесы держали несчастное блеющее животное. Сначала по часовой, потом против часовой, помахала веткой над ее головой, словно отгоняя мух.

- Бу-бу-бу-бу-бу, - пошептала я, помахивая веткой над козьими рогами. – Абра Кадабра Брысь Молоко Вкуснее Становись!

Все это время люди стояли, боясь даже пошевелиться.

- Все, - выбросила я ветку и отряхнула руки.

Бабка потащила упирающуюся козу обратно. Среди присутствующих стояла тишина.

Я недовольно смотрела на нож в дверном косяке, как бы намекая, что пора бы меня отсюда вызволить! Бесы изо всех сил пытались его выдернуть, но не могли.

- Ой! Поладила! – бежала через все село бабка, вызывая у толпы одобрительные выдохи.

- И чтоб больше так не делала! – погрозили мне сухоньким пальцем.

Толпа уже расходилась, а бесам наконец-то удалось вытащить проклятый нож. Хороший нож, кстати! В хозяйстве пригодится!

Стоило мне только схватиться за скрипучую дверь, как вдруг откуда-то с низины послышался крик.

- Маруська пропала! Маруська! Видали, как на болота пошла! Сегодня ночью! – задыхался голос.

При мысли о болотах я вздрогнула. Мой взгляд скользнул на мои руки. Словно во сне я видела, как падают алые бусинки в страшную топь.

Глава тринадцатая. На работу на болота!

Глава тринадцатая. На работу на болота!

- Пущай ведьма идет на болота! – донеслось до моих ушей. И толпа, которая только-только получила зрелища и уже почти разошлась, снова собралась под моим домом.

Я успела закрыть дверь, спрятавшись возле печки.

- Ведьма! Выходи! – кричали мне настойчиво.

Нет, нет, нет! На болота я не пойду! Там достопримечательностей нет! Ну, кроме одной... Одного... У одного... А я что-то вообще не горю желанием совершать по нему экскурсии.

- Жгите избу! – воинственно крикнул кто-то снаружи. – Пусть выходит, ведьма – поганая!

Женщина есть, селенье есть, но кони на скаку и горящие избы в планы этой женщины не входят!

Я пулей вылетела из-за двери, в ужасе видя, как какой-то мужик показывает на крышу моего дома.

- Вы что творите! – возмутилась я, глядя на местных.

- Опомнись, ведьма! – схватили меня бесы, пытаюсь остановить и затащить обратно в дом.

- Помоги, ведьма - матушка, девку разыскать! – внезапно переобулись местные, опасливо поглядывая на меня. Вид у них был очень жалобный. Даже шапки поснимали, обнажая зализанные макушки. Если бы не горящий факел в руке молодого парня придурковатого вида, я бы даже решила, что они и правда очень милые.

- Я на болота не пойду! – твердо ответила я, приняв решение. – По деревне – пожалуйста! На болота – нет!

Стоило мне снова зайти в избу, как вдруг послышались крики: «Жги, жги проклятую чертовку!».

Я еще не отошла от двери и от почтительной вежливости. Поэтому дернула дверь обратно, видя, как снова сползают только что нахлобученные шапки. Бабы ревели, обнимая облепивших их детишек.

- Помоги, ведьма – матушка... Без тебя не справимся, - послышался полный почтения голос. Все стояли, бросая на меня робкие взгляды, преисполненные надежды. Сейчас они были милыми, как котята, но я знала, что стоит мне зайти в дом, как начнется!

- Сгинет девка на болотах, - всхлипнула баба, стоящая ближе всех ко мне. Петиция к моей совести закончилась тяжким вздохом, прокатившимся по толпе.

Совість обычно меня не ела. В последнее время она уныло сидела в наморднике и изредка гадила в настроение. Но тут что-то зашевелилась и посмотрела на меня грустными глазками: «Может, спасем, а?».

Спасем, спасем! А кто нас спасать будет? А? Ничего, что у нас долг перед местным расхитителем девственности? Что мы кредит на силу оформляли, под страстные проценты? Что в нашем договоре есть мелкий шрифт, который нельзя читать детям, чтобы они не узнали, как и при каких обстоятельствах, они появились на свет?

- Найдите нашу Маруську, - послышался голо, полный отчаяния. От толпы отделилось семейство.

Наверное, в каждом человеке есть жалостливая железа. И сейчас ее массажировали взгляды семьи этой треклятой Маруськи. Снятая шапка в дрожащих руках седого сгорбленного отца тоже наминала несчастную железу, требуя выдавить немного жалости и сочувствия.

Поджатые губы матери, всхлипывающие красные носы братьев и сестричек, - все они атаковали мою жалостливую железу со всех сторон.

- А в деревне ее точно нет? - спросила я, чувствуя, что начинаю сдаваться.

Сопля, текущая по губе красного от рева мальчика на руках у матери пыталась выжать из меня остатки жалости. А что? Все режут, и он ревет!

- Вы точно хорошо искали? – с надеждой спросила я, чувствуя, что еще не насобирала достаточно жалости, чтобы идти в дремучий и страшный лес на гостеприимные болота отдавать долги.

Все решил коптящий факел в руках идиота неподалеку от моей просевшей крыши. То, что это – идиот, я поняла по тому, что его держат трое. Включая одного из Васюток.

К его сожалению инквизиция так и не открыла здесь филиал. Горящие глаза намекали, что раньше мечта жарить красивых ведьм казалась несбыточной! Но сегодня все может измениться!

Эх, меняю большое доброе сердце на коттедж на берегу моря!

При мысли, что девушка- цветочек по имени Маруська никогда не станет бабой – ягодкой и бабушкой - овощем, закончив жизнь на болотах по моей вине, мне стало неуютно.. Я даже нервно расчесала руку, поглядывая на застывшую вокруг моего дома деревню.

Деревня смотрела на меня, а я сомневалась. Я сомневалась, а факел горел. В тот момент, когда сено, которым заткнули дыру в крыше, почернело, я поняла, что я – самая жалостливая ведьма на свете!

- Хорошо, я отправлюсь на болота, - мрачно заметила я. Лица тут же прояснились. И все стали расходиться. Надеюсь, на сегодня окончательно!

Стоило всем разойтись, я бросилась тушить крышу. Пока я срывала и затаптывала солому, бесы прыгали вокруг меня.

- Ночью на болотах опасно! – кричал один бесенок, тоже топча солому. Второй попытался хвостом подцепить мелкое яблочко с кривой яблони. Бес предложил яблоко мне, но я отказалась! Второй раз узнавать вкус половины червяка, мне не хотелось.

Уставшее за день солнце закатывалось за дремучий и зловещий лес. Черные от времени домики стали темно малиновыми. Даже грязь

на дороге показалась вареньем.

- Я придумал! – внезапно обрадовался бес с яблоком. – Тебе не придется никуда идти!

- Неужели? – обрадовалась я, проверяя, не горит ли у меня крыша. Встав на цыпочки, я водила носом по соломе. Нет. Крыша не горит. Но, видимо, уехала, раз я согласилась еще раз вернуться на эти жуткие болота!

- Да! – гордо ответил бесенок, сияя от счастья. – Ты можешь не идти на болота! Знаешь, что мы сделаем? А! Никогда не догадаешься, что придумал Анчутка!

Меня схватили за руки и повели в дом.

- Болотник ведь сильнее тебя, да? А что если мы ... - загадочным голосом произнес Анчутка. Я заметила, что у него рожки поменьше. Да и сам он чуть меньше, чем Антипка. К тому же глаза у него розовые, а не красные. Хоть различать буду, а то уже стыдно!

- Что если мы... - в голосе бесенка было столько коварства, словно он придумал нечто гениальное. – Обратимся к твоему покровителю? А? Пусть он разбирается с Хозяином Топей? Он ведь сильный? Не так ли? Вот пусть и говорят! А? Здорово же я придумал? Нет, ну правда здорово! Скажи, Антипка?

- Ага! – так же радостно закивал Антипка. – Дело говорит! Если ведьма не справляется, то может вызвать его!

Исключительно с целью послать обратно! Хочу посмотреть на этот акт самобичевания! На губах оживали призраки поцелуев. Каждый призрак поцелуя шептал: «Может, ты и совершала добрые дела, переводила старушек через дорогу, кормила голодных котят и никогда не промахивалась мимо урны, но сейчас я поцелую тебя так, что в даже в аду на тебя будут смотреть с уважением, как на почетную грешницу!».

- Зачем тревожить покровителя? – занервничала я, стараясь спрятать пылающий румянец. – Он и так занят! Скажет еще, что мы сами разобратся не можем! Так! Мне нужны все обереги, которые есть! Ну прямо все-все-все! И побольше!

- О! Это мы мигом! – обрадовались бесы, перерывая старый хлам.

- Вот! Вот! Вот! – цепляли мне шею перья птицы, связку веточек, мышиную черепушку, раскрашенную под корявую хохлому, связанные шерстяной нитью косточки...

- От зверя лютого, от человека лихого, от умысла злого, - перечисляли бесы, снаряжая меня в пеший эротический тур.

- От умысла злого побольше, пожалуйста! – попросила я, чувствуя себя с берегами чуточку уверенней.

На груди болталась целая помойка. На руках были какие-то нитки с бусинками и косточками, пучки трав, похожих на старую полынь.

- А есть оберег от... - заметила я, слегка смущаясь. – От... домогательств... Нет, ну мало ли, кто в лесу встретится? Да? Вы так не считаете? Предохраняться, так по полной! Да? Разве прежняя ведьма не боялась в лес ходить без оберега?

Да что ж я так нервничаю! На мне столько оберегов, что Хозяин Топей будет мне из другой части болот орать!

Я так и не решилась сказать бесам правду. Тогда придется рассказывать про долг, а мне не хотелось травмировать детскую психику.

- Есть! – обрадовались бесы, исчезая под лавкой, прикрытой какой-то замусоленной тряпкой.

- Вот! – показали мне доску. Доска была старой, плесневелой. В ней была дыра, в которую кто-то продел старую лохматую веревку. Я смотрела на эту доску во все глаза! Надо же! Я ее чуть не выбросила! Думала – просто мусор. А это, оказывается, оберег!

- Это доска из гроба первого покойника, похороненного на кладбище! – гордо заявили мне бесы.

- Ну ... Как бы ... - прикидывала я, куда деть доску. Не на шею же я ее повешу? И в руку не возьму? Хотя, стойте! Придумала!

- Вот еще есть! – тащил мне веник каких-то трав. – Тоже на!

К трусам были привязана доска и веник. Все это пряталось под рубашкой.

- Я готова, - заметила я, шурша и шелестя берегами.

Когда обереги были на все случаи жизни и на все позы, в которые жизнь готова меня поставить, я успокоилась.

Между ног у меня двусмысленно болталась на веревке и выглядывала из-под рубахи гробовая доска с гроба первого кладбищенского покойника и кусочек савана с первого покойника в этом году! И веник сухих трав воинственно шуршал. Средства магической контрацепции мешали при ходьбе и бились об ноги, но еще никогда я не чувствовала себя такой защищенной! Даже если все

это не действует как оберег, кто будет нападать на девушку, у которой между ног что-то болтается и громко шуршит?

Глава четырнадцатая. Тирлич и тоя

Глава четырнадцатая. Тирлич и тоя

Я вышла из избы, видя, как блёстками рассыпались первые звезды. Некоторые звездочки подмигивали мне с черного покрывала неба. Я шла по дороге, пока рядом шелестели два беса, обсуждая, нашу будущую встречу с Хозяином Топей. Огромная луна светила тусклым светом, словно прожектор. Деревья отбрасывали жуткие тени, пугая меня мыслью о том, что водится в древнем ночном лесу!

- Да не бойсь за нее! Если что ее покровитель придет и защитит! Вон сколько силы он ей дал! Видать, понравилась ему! Она у нас девка видная! – махнул рукой Анчутка, пока мы подбирались к росстани с тремя безымянными могилами.

Огромная луна освещала три покосившихся голбца – скворечника. Из одной заросшей могилы вдруг появилась грязная рука.

- Аааа! – дернулась я, видя, как рука шарит по окрестностям.

- Пить... - послышался сиплый голос. – Пить...

- Кровь?! – ужаснулась я, видя, как трава возле голбца подозрительно шевелится. Я даже ускорила шаг, сминая в руке все обереги. Я приготовилась защищать свою жизнь! И возможно даже поленом. Руки тряслись, ноги тряслись, колени стукались об доску. Даже ведьмам бывает страшно.

- Ой! – послышался голос, а на фоне огромной луны вырос пошатывающийся силуэт.

- Мамочки! – перепугалась я, как вдруг силуэт запел какую-то народную песню. Что-то вроде: «Выйду ночью в поле с конем, ой, мороз- мороз!».

И побрел неуверенной походкой в сторону деревни.

- Фу-ты, - выдохнула я. – С такими алкоголиками и маньяков не надо! Нечего людей пугать! И без тебя страшно!

Мы вошли в древний страшный лес. В лесу стало сразу темным-темно.

- Возьмемся за руки друзья, - прошептала я, по запаху чувствуя приближение гиблых топей. – Чтобы нас сожрали бутербродом!

Я очень надеялась, что хоть какой-нибудь оберег да подействует! Среди странных, а порой даже страшных и непонятных звуков,

наполняющих ночной лес, я растеряла остатки нервной системы.

На болотах стоял густой туман. Где-то пилил сверчок. Звук был таким громким, что казалось, там не сверчок, а целый сверчище! И если он вдруг прыгнет на тебя, то повалит на землю и затопчет насмерть. Там, далеко в тумане вопило что-то жуткое. Я еще не поняла, хорошо ему или плохо. Но встречаться с ним и узнавать я не собиралась! В мои планы не входила мучительная смерть после вопроса: «Кто здесь?».

Туман клубился, обволакивая поросшие мхом кочки, цеплялся за вывороченные корни деревьев и всячески убеждал уйти отсюда подальше.

Я опустила глаза, надеясь найти следы пропавшей девушки и застыла, видя, что стою грязной босой ногой на разорванной нитке алых бус, которые лежали у самой кромки болота. Они напоминали кровь, застывшую каплями на примятой траве.

Где-то неподалеку в лесу послышались осторожные шаги, словно кто-то пробирался через чащу. Я спряталась в кусты, заставив шаги трусливо замереть. В темноте я отчетливо видела свет в лесу. Странно, но свет в лесу остался, а шаги приближались. В ночной тишине слышалось сопение. Мне уже стало страшно!

Кто-то крался, продираясь сквозь мрачные заросли. Я высунулась, бесы следом. И тут я увидела белую рубашку, склонившейся к болоту девушки. Волосы ее были распущены и даже украшены венком. Я почувствовала укол ревности! А для кого это мы так наряжаемся? Не для комаров, случайно? Если для комаров, то я совсем не против! Я только за!

Девушка осмотрелась и опустила руку в болото.

- Это – не Маруська, случаем? – спросила я, пытаюсь вспомнить, как выглядела та самая Маруська.

- Не, не она! Или она! – порадовали меня ответом бесы.

- Хозяин Болот приходи, - послышался шелест ее голоса. – Гребешок подари... Как у Маруськи гребешок хочу! Кровью плачу!

Что? Что она там сказала про кровь?

Пока что это напоминало то, как мы в лагере вызывали матюкливого гнома. В свете луны, зависшей над болотами, мне было видно, как ее бледная дрожащая рука водит по стоялой воде.

- Я здесь, золотце, - послышался шепот. Я увидела, как девушка испуганно смотрит на то, как прямо из глубин топи поднимается знакомая фигура. Хозяин Топей держал девушку за руку, которую она опускала в болото.

Золотце?

Я сузила глаза.

Значит, у нас тут золотце. Ну-ну...

Бедняжка дрожала, венки съехал на бок, а потом и вовсе прошелестел в траву. Она и не заметила, глядя на Хозяина Топи, словно зачарованная.

Тот припал губами к ее руке. Глаза его горели в темноте тусклым зеленым светом. Девушка стояла, боясь пошевелиться, глядя на свою руку, над которой в долгом и страстном поцелуе склонился болотник.

- Видала, что он с девками делает! – засопел мне ежиком в ухо один из бесов. В темноте они были для меня одинаковыми. – Он их кровь пьет...

- Погодите, они кровь на подарки меняют? – едва слышным шепотом спросила я, глядя на застывшую девицу.

- Что ты хочешь? - послышался нежный и очень вкрадчивый голос, когда Хозяин Топи оторвался от бледной и дрожащей руки. Но саму руку он так и не отпустил.

- Бзззз! – выдохнула я, глядя на самого большого комара, которого видела в своей жизни.

По щечке девушки скользила когтистая рука.

– Гребень, ленты, или тебе показать сокровища, спрятанные на болотах.

Один взмах руки и болото засветилось золотым светом, словно под толщей ряски и мутной воды были спрятаны несметные богатства.

- Может, сама выберешь, что тебе нравится, - прошептал болотник. Дальше я не расслышала из-за проклятого сверчка, который вздумал пилить на всю громкость где-то рядом.

Я видела, как девушка смотрит в болото, словно замороженная. Из-за камышей было не видно, что там, но золотистый свет уверял, что там что-то очень интересное! Настолько, что девушка сделала шаг вперед. Она уже стояла на самом краю. Золотистый свет озарял ее лицо и подсвечивал волосы. Хозяин Топей медленно исчезал под водой.

- Все! Конец девке! Видать, не в первый раз приходит!– пискнул бесенок, сидящий рядом. Он зажмурился, прикрывая руками глаза.

Я смотрела то на бесов, то на девушку, которая вот-вот шагнет в топь.

- Нет! – не выдержала я, вылетая из кустов, когда девица подняла ногу, чтобы шагнуть в самую трясиину.

Я успела в последний момент, рванув ее за рубашку на берег. Свет золота померк. Смертельная ловушка захлопнулась, но кроме ведьминского копчика никто не пострадал. Я лежала, придавленная девкой, которая только-только опомнилась.

- Ты с ума сошла! – заорала я, вылезая из-под нее. – Ты смотри, куда идешь! Он же тебя в топь заманивает!

- Ааааа! Ведьма! – закричала девка, глядя на меня круглыми голубыми глазами. На ее правой щеке была вмятина шрама, а на носу горстка веснушек.

Она вскочила на ноги, бросаясь в лес.

- Ведьма! – кричал голос, теряясь в лесу. Я отряхнулась, звеня и шелестя браслетами, и встала на ноги, высматривая белое привидение ее рубахи. В траве лежал упавший веноч... Он был каким-то странным. Я взяла его в руки, чувствуя, что он словно обжег меня.

- Ой, - выдохнула я, от неожиданности роняя его в траву и рассматривая свою руку.

- Это не просто веноч, моя сладенькая. Это защита. Тирлич и тоя, - слышался голос за спиной, заставивший меня вздрогнуть. – Ты зачем помешала мне охотиться? А?

Я не заметила, как по мне поползли его руки, оплетая мою талию змеями. Зеленые рваные рукава действительно почему-то напомнили мне болотных гадюк. Золото браслета сверкнуло в свете луны.

- Убери руки, - прошептала я, пытаюсь снять их с себя. – Зачем ты ее утопить хотел?

- А как мне еще выманить тебя на болота? – шепнули мне в ухо. Ну, береги, не подведите!

- Почему на берегу лежат разорванные бусы? – выдохнула я, нервно сглатывая. Когтистые руки пока замерли на талии и в целом вели себя вполне пристойно.

- Не понравились, видимо! - усмехнулись мне вкрадчивым голосом.

Я почувствовала, как меня вертанули на месте, словно в танце, и мы очутились лицом к лицу. Я смотрела в крыжовник глаз, упираясь руками в его грудь. Под пальцами левой руки прощупывалось золотое украшение.- Я рад, что ты пришла, сладенькая моя, - улыбнулись мне, помня про зубы. Мне казалось, что вокруг все растворяется в его глазах и улыбке. Я забыла о том, что хотела спросить.

Рука легла мне на грудь. Я дернулась, пытаюсь убежать в лес. Меня с легкостью отпустили. Я неслась через кусты, оглядываясь, как вдруг выбежала на берег болота. Как?! Я же в другую сторону бежала.

Над болотом стоял злой хохот.

Я дернулась, снова отбегая от болота так далеко, как могла! Перецепившись за поваленное дерево, я едва не потеряла равновесие и снова очутилась на берегу болота под зловещий смех.

- Это что такое! – перепугалась я.

- Это блуд! – крикнули мне голоса бесов. – Сюда! Беги на голоса!

- То, что меня тут за блудницу держат, я уже поняла! Почему я возвращаюсь на болота? – закричала я, бросаясь на голоса, но снова оказываясь на том же самом берегу.

- Потому что я так хочу! – послышался смех Хозяина Топи. – На этот раз она сама пришла. И отобрать ее вы не сможете! Если только она сама не сможет уйти! А она не уйдет. Должок у нее есть передо мной. За силу, что я ей дал...

Мне кажется, что бесы валяются под каким-нибудь кустиком в глубоком обмороке!

- Так как на счет долга? – послышался смех, а меня резко обхватили руки. Хозяин Топи прильнул ко мне всем телом. – Я смотрю, ты пришла во всеоружии!

Он положил руку на мои обереги, хомутом обвивающим шею.

- Так, это у нас от слова злого! – заметил Хозяин Топи, срывая с меня первый оберег. – Разве я тебя хоть раз обидел злым словом?

Оберег упал в болото, чтобы тут же утонуть на моих глазах. Такое чувство, словно он гадает на ромашке.

- Любит, - произнес голос мне прямо в ухо.

- Это у нас от человека лихого! – сорвали с меня еще один оберег, опуская в болото. – Я – не человек... Не любит...

Обереги падали в омут один за другим, булькая трясинной. «Любит, не любит»... Этот гад на мне гадал!

- О, ты серьезно? – удивился Хозяин Топи, рассматривая в руке какие-то перышки. Впервые на его лице читалось удивление. – Думаешь, все настолько плохо?

Глава пятнадцатая. Вылюблю и высушу!

Глава пятнадцатая. Вылюблю и высушу!

Перед моими глазами на разорванной веревке висел оберег – перья, скрученные черной ниткой.

- Эм... - растерялась я, не зная, что и думать! Бесята вешали на меня обереги на все случаи жизни. Я даже не запоминала, что от чего!

- Это у нас для облегчения родов!? – послышался изумленный голос Хозяина Топей. Не помогает! Я только что чуть не родила, представляя, что обо мне подумали после такого оберега.

А потом еще раз чуть не родила после шепота на ушко:

- Я бы его оставил. На всякий случай.

Вместо того, чтобы сорвать его с меня, как другие обереги, его пригладили рукой, оставив болтаться на груди.

- Я не для этого сюда пришла! – выдохнула я, видя, как очередной оберег летит в болото. «Любит – не любит». – Я ищу девушку, Маруську!

- Ты думаешь, я их по именам знаю? – послышался шепот. По груди скользнула рука. Черный коготь зацепил еще один оберег. Их осталось так мало! Большую часть уже навсегда поглотила мерзкая и страшная трясина.

- Любит... - шептали мне на ухо, обжигая шепотом.

Болотные туманы окутывали нас, словно намекая, что видеть, что со мной будет дальше не желательно ни впечатлительным детям, которым еще не рассказали главного, ни впечатлительным взрослым.

- Не любит, - снова шепнули, срывая с шеи последний оберег. – Ах, у нас еще на ручках! А я уж было расстроился! Но тут еще есть!

- Неужели на тебя не действует ни один оберег, - поежилась я, чувствуя, как меня держат одной рукой, а второй гадают на чью-то любовь!

- Действуют, - послышался смех. – Заметь, как я увлекся. Почему ты не спросишь, на чью же любовь я гадаю!

- Потому что мне это совершенно не интересно! – гордо произнесла я. «На чью?!», - бушевало что-то ревнивое внутри меня. – «Кому тут волосы жить мешают?».

- Неужели? – прошептали мне в ухо, с силой дернув еще один оберег.

- Абсолютно! – твердо ответила я.

Надо бежать! Но как? Я снова попаду на болото! Что же делать? Мало того, что ничего про Маруську не разузнала, так еще и... Ой! Даже думать об этом страшно! Лучше бы никуда не ходила! Впредь буду знать! Лучше жить под кустиком, чем... чем...

Я стиснула зубы, вращая в голове мысль о том, с каких это пор я ревную местную нечисть к деревенским красавицам? И с каких это пор его рука лежит на моей груди.

- Спасибо, что держишь меня за грудь. Мне так почти не страшно! Поверь, если ты уберешь руку, грудь отвалится! – скрипнула я зубами, понимая, что внутри меня сидит две ведьмы. Одна кричит, чтобы рука осталась. А вторая требует убрать ее немедленно! Этот шабаш никак не мог определиться.

«Бежать!» - билась в голове мысль. – «Вырваться и бежать!».

С руки стекла веревочка с какими-то серыми камушками и булькнула в воду. От когтя, сорвавшего веревку, остался след.

- Не любит, - усмехнулись мне в щеку. Вторая рука была чистой. Обереги с шеи, кроме одного, для облегчения родов, уже давно утонули в болотной тине.

- И кто ж тебя не любит, кроме всех? – спросила я, скосив глаза на красивый профиль, склонившийся, как вампир к моей шее.

- Та, кто приходит на болото, увешанная оберегами, - голос изменился. Он уже не был вкрадчивым и ласковым.

Если честно, я испугалась. Только что он был ласковым и вкрадчивым, а теперь ... бррр!

- Ну, во-первых, - заметила я, все-таки не теряя надежды на спасение. – Дорога через росстань и лес - очень опасная. Мало ли, что может приключиться! Так что они не от тебя, ни в коем случае! Даже не думай!

- Да ну? – не поверили мне, когда я случайно увидела взглядом лежащий в траве веночек. Как он сказал? Тирлич и тоя? Если этот веночек так действует на меня, то на него он тоже действует? Может,

местные деревенские красавицы что-то смыслят в оберегах? Вот обидно было бы, если бы девки знали про обереги больше, чем ведьма!

Эх, дотянуться бы и проверить!

- Я еще один нашел! Оберег, чтобы кикимора кур не душила! Да ты вооружена до зубов! – удивился болотник, вытаскивая из ворота моей рубахи тонкую нитку с дырявым камушком. – Любит!

Я не заметила, как очутилась по колено в трясине, ласкаемая жадными руками. Они скользили по моему бедру, многообещающе сминая рубаху.

- Одну минутку! – заметила я, понимая, что расплата неизбежна. А, судя по жадным глазам, с меня возьмут с такими эротическими процентами, что здоровья не хватит!

Рука опустилась до такой степени неприличия, что нащупала букет трав, весьма обтрепанный за время прогулки.

- Это что такое? – послышался удивленный голос болотника. Он шуршал сухостоем, не понимая, что такое нащупал. Мне кажется, что любой мужчина будет не рад букету между ног прекрасной дамы. К тому же, на веревочке. К тому же, привязанному к трусам!

- Это, - дернулась я, понимая, что у меня появился шанс выбраться на берег, пока меня не утащили в болота. – Тоже оберег!

- Значит, не любит, - заметил Хозяин Болот. Что-то мне слабо верилось в правдивость такого способа гадания. – А нет! Любит!

Из меня вытряхнули еще один букет сухих трав.

Я оттолкнула Хозяина Топи и сделала молниеносный рывок на берег, падая в самую грязь. Рванув веревку с доской изо всех сил, я ударила ею наотмашь по протянутой мне руке, потом ударила еще раз, и еще.

Нет, какая чудесная все-таки доска с гроба первого покойника, похороненного на кладбище! Лучший из всех возможных оберегов! Я бы даже сказала, вещь!

Ой! Я что? Случайно вместе с веревкой соврала с себя трусы? На конце коротенькой веревочки болтались они! Единственные кружевные стринги во всей деревне!

- Не любит! – крикнула я, понимая, что оберегов на мне больше не осталась.

В отчаянии, я отползла, с трудом выбираясь на берег. Мои руки цеплялись за жесткую траву. Я уже вырвала несколько пучков, чувствуя, как меня тянут обратно.

Чтобы дать себе хоть один шанс, я бросила в гадателя доску, краем глаза видя, как вслед за ней улетают не самые прочные кружевные стринги, лишая меня почетного титула «самая скромная ведьма во всей деревне, потому что хотя бы носит белье в отличие от других».

Словно розовый флаг, мои трусы воинственно и гордо реяли на другом конце веревки, перед тем, как упасть вместе с доской к ногам чудовища

- И все-таки любит! – рассмеялся болотник, поднимая мое кружево. Мне кажется, он догадался, что это такое! И очень заинтересовался! Еще бы! Не каждый день от него трусами отмахиваются!

- Однако, стоит проверить, - послышался голос, совсем близко, а меня повалили на траву, страстно целуя в губы.

Как там бесы говорили? В случае чего кого там звать нужно? Покровителя? Да?

- Что? – послышался голос. Надо мной застыло красивое чудовище. Я смотрела на свои светящиеся руки, которые только что упирались в его грудь.

- Меня? Моей же силой? Силой, которую я тебе дал? – послышался рассерженный голос. – Не даром. Ну хорошо! Сама напросилась!

Ну все, мне конец!

А вот потом точно конец!

Почти сдавшись под натиском его поцелуя, я почувствовала, как что-то обожгло мои пальцы. Это был веночек, застрявший в траве. Тирлич и тоя!

Схватив его рукой, преодолевая боль, словно держишь очень горячую кружку и мечтаешь ее поставить куда-нибудь, я решила все-таки дождаться конца страстного поцелуя.

Я выставила веночек – оберег между нами, ощущая, как он жжется! Но в то же время я заметила, что и Хозяин Топи слегка отстранился.

- Что? Неприятно? Да? – прошептала я, глядя в крыжовник его глаз.

- Да, неприятно, - рассмеялся Хозяин Топи, а его голос слегка дрогнул. - Но, в конце-концов держишь его ты, а не я...

Хватка ослабла, и я решила не терять свой шанс.

Ай! Я уже не могла терпеть эту боль и отбросила венок в камыши, завернув пальцы в промокшую и холодную ткань.

Мокрая рубаха облепила тело. Но я натягивала ее изо всех сил, чтобы скрыть пропажу! Если бы сейчас ко мне полез мужик, который выглядит так же, как и я, я бы бежала дальше, чем видела!

Что это? Я почти добежала о кромки леса, как вдруг увидела огонек!

- Сюда, ведьма! – кричали бесы. – Сюда! Мы тебя выведем!

Я ломала ветки, рвала рубаху, спотыкалась, оглядывалась, но бежала на желтый огонек.

- Ура! – слышались радостные голоса бесов, когда я упала на колени и оперлась на руки. На пеньке стоял догорающий огарочек свечи. Вот, значит, что это был за огонек в лесу! Девки - хитрые. Они свечки оставляют, чтобы не блудить! Эти маленькие бесята, видимо, за свечкой бегали!

Скрипучий смех за спиной мурашками пробежал по моему телу.

- Втыкуха! – слышался незнакомый мне голос. Он словно ветер пронесся среди мрачных деревьев.

- Леший! – переглянулись бесы.

Я кое-как встала и отлепила насквозь мокрую, покрытую тиной рубашку от тела.

Не успела я ничего понять, как бесы бросились врассыпную!

Глава шестнадцатая. От слова лихого, от чупакабра злого

Глава шестнадцатая. От слова лихого, от чупакабра злого

- Где? – ужаснулась я, сплевывая тину. Ну и ночка выдалась! Никакого Лешего не вижу! Деревья вижу, кусты вижу, Лешего не вижу.

- Чур, нас, чур! – заорали бесы из кустов. – Не походи к нам, нечисть!

- Вы о чем? – спросила я, осматриваясь по сторонам. Я сняла с волос сопли тины.

- Она разве? – слышались опасливые голоса бесов. – Точно она? Не похоже! Больше на Лешего смахивает!

Дожили! Меня уже нечисть боится!

- Да, это я, - заметила я, понимая, что выгляжу ужасно. – И как ни странно еще живая!

Бесы потихоньку вылезли из кустов, прищуриваясь, как старенькая бабушка на таракана в тарелке. Я сплюнула болотную воду, чувствуя, что если деревня не идет на болота, то его вонючий филиал идет в деревню.

- Ну и ну! – переглянулись бесы, пока я выжимала рубаху и стряхивала с руки тину. Но тина липла ко мне, словно чей-то прощальный взгляд.

Мы шли по тропинке, пока я стучала зубами от холода.

- Ууууу! – послышался жуткий и зловещий голос. На тропинку в лунном свете выползло на четвереньках жуткое нечто. По очертаниям оно напоминало человека, только глаза у него светились, как у кошки.

- Что «ууууу»? – хрипловато выдохнула я, видя, как чудовище идет на попятную обратно в кусты.

- Дожили! Меня уже даже ... как его зовут? – спросила я, трясась от холода.

- Заложённый покойник. Видимо, его в овраге схоронили, ветками и камнями присыпали, - слышались голоса бесов. – Так всех заложённых покойников хоронят! Чтобы землю не осквернять. И чтоб домой не вернулся. Вот и рыскают по округе...

- Понятно, - протянула я, пожелав покойнику удачи.

Мы добрались до избышки с петухами. Хриплые петухи надрывались, покачиваясь на кривых заборах и соломенных крышах. Их противное кукареканье отгоняло ужасы ночи, разрывало темные чары неба и возвещало, что наступил новый день.

Дверь в домик скрипнула, я чувствовала, как за мной тянется запах болота. Уставшее «болото» переехало на скамейку, прикидывая, в чем искупаться.

- Вот кто бы мог подумать! – слышались приглушенные голоса бесов. – Что болотник тебе силу дал! Его же как огня боятся!

- Видела, как боятся! – вздохнула я, заметив старый ушат. – Каждую ночь девки к нему так боятся, что стадами бегают! Боятся, но бегают! Что-то вроде, ой, как страшно, завтра еще пойду!

- А все почему, потому что украшения он им дарит! Где они тебе шелковый платок найдут? А тут и принарядиться, и похвастаться можно! Пусть подружки обзавидуются, а парень приметит!

- Они ему кровь, а он им украшения! – продолжил Антипка. – Надрезала руку, в болото опустила, позвала и вот тебе новый гребень или ленты! Опасно, но идут!

- К нему не зарастет народная тропа, - отмахнулась я, мечтая поскорее смыть с себя запах болот. – А где воду взять?

- А из колодца натаскать! – переглянулись бесы. – Там, за домом колодец есть!

Взяв ведро, я направилась к колодцу, не без тайной надежды не встретить никого. Старый колодец выглядел так, словно из него что-то выползет. Прицепив ведро к крюку, я бросила его в гулкую темноту, прислушиваясь к плеску воды. Пока я ветрела ручку с цепью, мысленно умоляя цивилизацию быстрее придумать водопровод, в колодце послышался странный плеск и шипение.

- Кто тут пришел? – донеслось страшное из глубин колодца.

От испуга я уронила ведро, чтобы услышать глухой удар и поняла, что отвечать уже как бы бессмысленно.

- Я, - пожала плечами я, снова пытаюсь вытащить свою воду. Больше мне не отвечали.

- Вы там в порядке? – крикнула я в темноту.

Но в ответ прозвучала тишина.

- Извините, пожалуйста! – крикнула я, вытаскивая ведро и таща его в сторону дома.

На десятом ведре мне уже было все равно, как я выгляжу. Единственное, что я хотела бы видеть себя без ведра, и желательно спящей.

Выплеснув от души половину ведра себе на ноги, а вторую в ушат, я заглянула внутрь.

- Теперь бы ее согреть, - заметила я, пробуя студеною колодезную воду рукой.

- Ты с русалкой уже познакомилась? – наперебой спросили бесы. – С ней дружить надо! Она много чего знает!

- Спасибо, своевременно, - заметила я, не понимая, что русалка делает в колодце.

- В книге есть заклинания! Бабушка пользовалась! – заметили бесы, неся книгу. Я присела на скамейку, вытянула грязные ноги и стала листать фолиант.

- Заклинание для нестоячки, - удивилась я, перелистывая страницу. – Заклинание для стоячки... От падучей, от лихоманки, от рожи, от грызи, от грыжи... Ничего себе!

В книге среди пожелтевших страниц пряталась вековая мудрость, но даже она не знала, как вскипятить воду! Хотя, кажется, нашла!

- Ну –ка, - облизала я губы, вставая и идя к ушату.

Все казалось предельно просто. Одно четверостишие и рука в воде. Что может быть проще? Я засунула руку в воду, подглядывая в книгу.

- Вода-водица студеная... - шептала я, глядя на свою позеленевшую руку. Внезапно моя рука вспыхнула, а я выдернула ее, послав зеленую вспышку прямо в печку, потом в бесов, потом в стену.

- Эй!!! – завопили бесы, не ожидавшие такого поворота событий. Они в ужасе попрятались за печку, пока я, бросив, книгу, размахивала рукой, как бластером, истребляя все на своем пути. Схватив себя за кисть, я уже и не знала, куда и выстрелить!

- Мамочки! Как это остановить! – тряслась я, открывая целую очередь по печке.

- К логопеду сходить! – икнул за печкой какой-то бесенок. Он высунулся, и тут же упал обратно.

- Ма-а-а-ама! – кричала я, в надежде, что все закончится прямо сейчас. Постепенно выстрелы стали реже, а я опустила руку, понимая, что сила есть, ума не надо.

- Пробуем еще раз! – сглотнула я, видя следы на печке. – Вода-водица, студеная...

- Ты пробуй, пробуй. Мы в тебя верим! - заметили бесы, натягивая горшки на головы, как каски. Один наклонился за печку и вытащил какой-то поднос, выставив его на манер щита.

- Вода-водица! – шептала я, глядя на свою руку под водой. Заклинание давалось мне нелегко. Половина слов была очень странной. Но вот рука засветилась, и вода стала нагреваться.

- Ура! – обрадовалась я, видя, как над ушатом пошел пар. Покидав туда травы, по запаху напоминающие травяной чай, я погрузилась в горячую воду.

- Вот! – бросили мне из-за печки серенький мешочек. – Мыло!

- А вот тебе ... хмель для душа! – кинул Анчутка в воду красивые шишечки.

Пока я мылась, пытаюсь смыть с себя позор и запах проклятых болот, в дверь забарабанили.

- Ведьма – матушка! – послышался женский голос с подвыванием. – Хтой-то курей ночью передушил! Усю кров с них выпил! Кто это мог быть?

- Мне что? Выживших кур допросить? – раздраженно заметила я, понимая, что даже у ведьмы должен быть перерыв на обед.

- Как кто? – спросила я, щепкой выцарапывая грязь из-под ногтей. – Чупакабра!

- Ой, - перепугался кто-то. – Чупакабра! Батюшки!

От меня отстали, поэтому остаток дня я пыталась привести в порядок рубашку и себя.

- Больше на болота не пойду! – ругалась я, пытаюсь травами отстирать запах тины.

- Маруська нашлась! Маруська! – послышался радостный крик. Что? Маруська?

- Она пряталась у подружки своей, чтобы Васька ее искал! Думала, что будет плакать, искать, а он вон как! Так бы в погребке и просидела, если бы про чупакабра не услышала! Вот перепугалась девка! – слышалось с улицы. – Васька ее так и не искал!

История обрастала подробностями. Я бы тоже не стала ее искать! Наверное, потому, что подругу звали Федька Кучерявый. Редкое женское имя, между прочим!

- Втыкуха! – постановила деревня и угомонилась.

ТЬфу! А я из-за нее чуть долг не отдала!

Я выжала рубаху и повесила сушиться на печку. Бесы скучали, играя в карты. Домовой жаловался на жизнь. Изба скрипела, ветер завывал в трубу.

- Оброни меня от силы поганой, от чупакабра злой, от слова дурного, от глаза лихого! – слышался чей-то далекий голос. – Батюшки! Теперь еще и ходить страшно!

Я немного повертелась и легла спать, как вдруг проснулась от крика бесов:

- Ты что, ведьма?! С ума сошла?! Ты себя погубить хочешь?

Глава семнадцатая. Лягушка - путешественница

Неожиданно для себя я очнулась, стоящей на росстани. Из одежды на мне была только дремлющая совесть. На обеих руках висели бесы. Зато за бесами в грязи тянулись две колеи аж до самой деревни.

- Очнулась! – выдохнул Антипка. – А мы уж думали, что все!

Я зябко поежилась, пытаюсь осознать, что это – никакой не сон. Холодный ночной ветер обнимал озябшее тело, поднимал волосы и заставлял стучать зубами.

- Нет, ну лежишь себе, лежишь, как вдруг встала! – размахивал руками Анчутка. – Ну, думаем, сейчас сходишь за кустик и вернешься. А ты такая идешь себе...

Что мне понадобилось ночью на росстани? Где-то возле голбцов снова кто-то зашевелился и что-то промышал.

- Пить меньше надо! – с укором заметила я, видя, как местный филиал ликеро-водочного завода ковыляет обратно в деревню, качаясь и что-то бурча.

- Ты за дверь, а мы за тобой! – пересказывали мне бесы то, чего я буду стесняться завтра утром.

- Может, я в туалет решила сходить? – предположила я, немного успокоив себя этой мыслью. Нет, ну мало ли? Вдруг присела под яблоней, а меня спугнули?

- Ага, со словами: «Иду к тебе, любимый!», - закивали бесы, глядя на меня очень встревоженными взглядами.

- Что? – округлила глаза я. – К какому любимому я собиралась? Если бы я собиралась к любимому, то, поверьте, я бы за три дня ноги брила и за сутки стрелки рисовала!

- Но ты мылась сегодня, - переглянулись бесы.

- Ладно, пойдем домой! А то холодно! – поежилась я, пританцовывая на месте.

Всю обратную дорогу я пыталась вспомнить, что же такое мне снилось? И куда я так резво наострила лыжи.

Дверь в избушку скрипнула, я кое-как отмыла босые ноги, вспоминая, что босиком ходить очень полезно для здоровья.

Пронзительно зевнув, я решила, что на сегодня приключений достаточно. Сон мутным болотом затягивал меня.

- Иди ко мне, красавица, - слышался зловещий голос, похожий на шорох. – Иди ко мне...

Мне казалось, что я не сплю, а в углу мой избы вырисовывается темный силуэт, протягивающий мне руку. Черные пальцы манили за собой.

- Ведьма!!! – послышался отчаянный крик бесов, а я очнулась, оседлав поваленное дерево. Вокруг меня шелестел дремучий лес. – Ты чего это?

- Меня кто-то звал... - прошептала я, слезая с коряги.

- Мы тебя звали! – наперебой кричали бесы, таща меня обратно.

- И что-то мне подсказывает, что это... - напряглась я, чувствуя, как ветер овеивает мой попец холодком.

Я осеклась, слыша разговор неподалеку.

- Ну зря ты на нее наговариваешь, Настасья! Не шляется она среди ночи! – послышался скрипучий голос.

- Да вот же она! Тьфу! – опешила одна из бабок, которой не спалось. Бабки смотрели на меня круглыми глазами.

- Втыкуха! – хором выдали две бабки, глядя на то, как я робко прикрываю прелести. Они тут же сменили маршрут.

- Завтра сходим за могильной землей. А то примета плохая ведьму встретить! – махнули бабки, пока я экстренно эвакуировала остатки репутации домой. Неизвестно, что страшнее? Встретить голую ведьму или двух подозрительных бабок, идущих на кладбище за могильной землей?

Скрипнув дверью, я натянула на себя рубаху и стала расхаживать по скрипучим половицам.

- Ладно, я спать! Вы караульте, - предупредила я бесов, зябко поджимая ноги. Что-то мне подсказывало, что мыть их не стоит.

- Иди ко мне. Неужели ты не соскучилась? – обволакивал сладкой пеленой голос. Мне казалось, что меня обнимают и целуют в кромешной темноте.

- Отстань, - вяло сопротивлялась я нежным поцелуям плеч и рук. Я чувствовала прикосновения, чувствовала, словно меня куда-то уносит... Поцелуи стали настойчивыми. Я даже распробовала их, понимая, что это всего лишь сон. А во сне хоть бордель открывай! Я уже обнимала сама, сладко вздыхая...

- Эй! Ведьма! – тормошили меня бесы. Даже сквозь пелену сладкого сна прорывались их голоса. – Ведьма! ВЕДЬМА!!!

Очнулась я, страстно обтирающей ... яблоню! Мало того, что я обняла ее двумя руками, как родную, так еще и, судя по прилипшему к губам листику, пыталась соблазнить!

- Тьфу! – дернулась я, делая вид, что между нами ничего не было. Я стояла в темноте, пытаюсь понять что происходит.

- Только ты легла и захрапела, - размахивал руками Анчутка.

- Я храплю? – удивилась я.

- Как только ты захрапела, как вдруг опять встала и пошла! Мы тебе кричали, за руки тянули, за рубаху тянули, но ты идешь себе, словно не слышишь, - наперебой рассказывали бесы, поглядывая друг на друга. – Вот кое- как мы тебя к яблоне оттащили, а ты ее обняла и начала: «Любимый!».

Я потрясла головой, пытаюсь понять, что со мной не так! С каждым разом сон был все ярче и ярче, красочней и красочней.

- Так, надоело! Несите веревку! – решительно заметила я, заходя в избу. Я налила студеной воды в какие-то ведрышки, поставила их возле лавки, а сама улеглась, требуя, чтобы бесы меня привязали. На всякий случай.

Только мне удалось улечься на жесткой лавке, как вдруг снова послышался голос. Перед глазами горел яркий и красивый огонек. Он был зеленым и вертлявым. То здесь, то там.

- Иди ко мне, моя красавица, - слышался сладкий шепот. – Не бойся... Иди...

- ВЕДЬМА!!! – заорали мне в ухо страшным голосом бесы. Что? Где? Ой!

Золушка в одном ведре на ноге почти дошла до росстани. Веревка висела у меня на шее. Но самое страшно, что мне показалось, - ее грызли!

- Ты че удумала! – суетились бесы, пока я решительно шла в сторону дома, громыхая «туфелькой».

- Мне снится голос, который зовет меня, - начала я, растирая виски. – Он похож на...

- На? – спросили бесы, на всякий случай, держа меня за рубаху.

- Не знаю... Я не могу понять. А еще был огонек... Зеленый, - напряглась я, вспоминая сон.

Я умолкла, а потом мои глаза расширились.

- Скажи, а Хозяин Топи тебя не целовал? – слышались встревоженные голоса бесов.

- Нет, что вы, - сглотнула я, вспоминая страстный и опасный поцелуй. – Мы просто поговорили... Немного поругались...

- Это хорошо! А то если бы целовал, то все! Считай, пропала девка! – обрадовались бесы. – Ладно, домой иди! Будем тебя привязывать покрепче.

Возле двери лежали грабли. Под ногами стояли ведра с водой. Ржавая колодезная цепь обматывала меня несколько раз и приматывала к лавке. Лавка была примотана к печке. Возле окна лежали грабли поменьше.

- Спокойной ночи, - вздохнула я, гремя цепью.

- Не зарекайся! – покачали головой бесы.

Очнулась я в лесу от крика бесов. На спине у меня болталась лавка. С ней я напоминала черепаху – дистрофика. Лоб болел, а рубаха была вся порвана.

- Что? Опять? – кисло вздохнула я, гремя цепью. Еще немного и я бы дошла до болот, если бы лягушку - путешественницу не привязали к дереву.

- Пойдем домой! – тащили меня уставшие бесы на себе.

- Смотрите! Вон где ее черти носят! – ужаснулась какая-то баба, констатируя факт.

На чернильном небе брезжила алая полоска рассвета.

Меня внесли в дом, приставляя дверь к дверному проему.

- Ну и дела! – вздохнули бесы.

- Ну и дела, - зевнула я, понимая, что ужасно хочу спать. Как вдруг в дверь отчаянно постучали.

- Кто там? – еще раз зевнула я, пытаюсь снять с себя оковы.

- Помоги, ведьма-матушка! Девка гибнет! Жених ее ночью к ней ходит! – причитала под дверью баба.

- Поздравляю! – махнула я рукой. – Совет да любовь!

- Помер он той весной... - слышался вздох. – Но ходит...

Глава восемнадцатая. А он встает!

Я сидела перепуганным совенком, глядя на дверь, которую до ужаса не хотелось открывать. К девушке ходит п-п-покойник? Мамочки!

- Вы точно уверены? – с надеждой спросила я, вспоминая лихого «домового». – Может, парень какой деревенский к ней наведывается?

- Эх, своими глазами видала! Грязный, страшный, Ночью в дверь стучит, она открывает, и он входит... - вздохнул голос за дверью.

- В избу? – спросила я, пожившись.

- Когда в избу, когда так, - просто ответила женщина. – Бывало прямо с порога миловаться начинают! Гибнет девка! Не ровен час, заберет он ее с собой! А она у меня одна!

Я уже для себя выяснила. В этой деревне на десять девчонок по статистике один домовый, один покойник, один Васька и один болотник. Я, конечно, могу ошибаться, но очень не хочу!

- Спасите дочечку! – умолял меня голос за дверью. – Ночь ей одна осталась! Иначе задавит!

- Как задавит? – удивилась я, не припоминая, что жених с машиной.

- Задавит ее, к себе в могилу утащит! – причитала женщина под дверью. Она предлагала мне отбить жениха да так, чтобы он больше не приходил. Отправить его, так сказать, в магический нокаут!

- У меня... эм... отпуск! – заметила я, не желая отбивать чужого жениха. Особенно покойного. – Буду числа ... эм... двадцать восьмого! Месяц я решила не уточнять!

- Ой, беда... Ночь девке осталась! – ревели у меня под дверью, пытаюсь разбудить мою ведьминскую совесть. – Отчитайте его!

При слове «отчитайте», я представила себя стоящей напротив зеленого зомби с жухлым цветочком. «Ай-я-я-яй! Ну вот кто так делает! Нельзя так делать!», - грозила я пальчиком непонятливому жениху.

Хотя, в прошлый раз меня тут домовым пугали! Не знаю откуда, но у меня появилась странная уверенность, что жених и вовсе не дохлый. Скорее всего, кто-то из деревенских придуривается. Испачкать рубаху грязью – проще простого!

- Что мы только не делали, матушка – ведьма! Ничего не помогает! – подвывали у меня под дверью. – И маком сыпали...

Я чуть не поперхнулась, представляя этого кренделя, обсыпанного маком.

- Вы бы еще глазурью его покрыли, - проворчала я, подбираясь к книге.

- Вот зря смеешься! Средство очень действенное! – закивали бесы, помогая мне раскрыть мой чародейский талмуд.

- И брата на сестре женили, - причитал голос под дверью.

- Это что за сериал? – ужаснулась я, прислушиваясь.

- Это когда берутся двое детей, брат и сестра. Наряжают в жениха и невесту. А когда этот, покойник приходит, ему говорят, что брата на сестре женят. А он такой: «Так негоже!», а ему в ответ: «Так негоже, чтобы мертвый к живой ходил!». И он уходит, - пояснили бесы.

А! Как я мало знаю о ведьмином ремесле! Я так понимаю, что мужика на посмертную премию «Крепкие нервишки» номинировали!

- И вшей ели, - продолжал причитания голос за дверью.

- Я очень рада за ваши гастрономические эксперименты, - опасно заметила я.

- Это семечки едят, а когда покойник спрашивает, ему отвечают, что вшей. Он говорит: «Так негоже!», а ему в ответ...

- Я уже поняла, - кивнула я, листая книгу в надежде найти хоть что-нибудь про ходячих мертвецов.

- И все равно ходит! – доносились до меня причитания.

Я остановила взгляд на странице, с которой на меня смотрел унылый жмурик рядом с красавицей – девицей. Все перечисленные способы были отмеченные, как очень действенные. А других не было. Странно!

- Я вечерочком к вам приду! – вздохнул голос. – И отведу! Глянете сами, ведьма-матушка!

Послышались шаги, идущие прочь от избы. Раздираемая зевотой, я решила поспать днем. Прикованная цепью, с двумя бесами, которые сидели на мне, я попыталась вздремнуть. Проснулась я, как ни странно уже под вечер.

- Выспалась? – ехидно спросили сразу трое. Бесы и домовый.

- Ну, вроде бы, да-а-а-а, - зевнула я, вдруг замирая с открытым ртом. На руке болтался обрывок цепи. Только сейчас я увидела, что дверь была забаррикадирована. Окно тоже. А у домового под глазом

появился фингал. Потрепанные бесы передыхали на перевернутом корыте.

- Понятно, - вздохнула я, как бы извиняясь. Ничего себе! Я цепи порвала!

И тут баррикада под дверью дрогнула от стука.

- Ведьма-матушка, - послышался знакомый льстивый голос. Баррикада еще раз дрогнула от стука. – Пойдёмте, провожу вас!

За окном висела глубокая и непроглядная ночь, укрытая таинственными туманами. Хотя, может просто пора помыть окно?

- Деревня засыпает, просыпается нечисть! – заметила я, уже передумав разобраться с любвеобильным жмуриком.

- У меня тут завал, - призналась я, разбирая старую домашнюю утварь, которую я мечтала сделать дикой и помойной.

Кое-как расчистив проход, я вышла в звенящий цикадами вечер. Корявая яблонька шелестела, ветер теребил мою разорванную рубаху и поднимал волосы.

Передо мной стояла темноволосая тетка с уставшими глазами.

- Сюда, ведьма –матушка, - позвала она. – Мы уж с отцом отблагодарим! В долгу не останемся! Только изведи его!

Я послушно шла вслед за теткой. Одинаковые дома смотрели на меня неодобрительно. В их кривых оконцах уже горели свечки.

- Сюда, ведьма-матушка! – позвали меня на старое крылечко. – А ну тихо!

Собака, облаявшая нас, тут же забилась под крыльцо. Скрипнула дверь, а я вдохнула запахи чужой избы. Опять квашеная капуста. Только на этот раз пахло не выпечкой, а сырым погребом.

- Ничего оставить нельзя! – причитала мать, доставая еду. – Все скисает! Вот, вечером подоила, поставила, а оно уже...

Мне ткнули под нос крынку с кислым молоком. Притихшие бесы семенили рядом. Огромный хлеб, подернутый плесенью, был завернут в полотенце.

Изба была большой, просторной. В ней даже было несколько комнат.

- Сейчас дочка придет! А мы пойдем у соседки заночуем! – хлопотала хозяйка, сокрушаясь над хлебом. – А ты прячься пока! Сама все увидишь!

Хозяйка вытерла руки о тряпку и вышла из дома, оставив меня наедине с тишиной и темнотой.

Я стала искать место, где можно спрятаться.

- За печку! – кричали бесы. – Под лавку! Накройся чем-то! За сундук!

Вариантов было много, поэтому я выбрала сундук. Накрывшись тряпкой, я сидела за сундуком, слыша, как дверь открывается. В комнату вошла девушка. Она была какой-то бледной, желтой, шла, покачиваясь.

Девушка еле добрела до лавки и легла на нее. Но пролежала недолго. Внезапно она подняла голову, хотя я не могла понять, с чего бы это?

И тут у меня мурашки по коже мурашки побежали, когда я услышала стук в дверь.

Девушка встала, радостно подбегая к двери. Послышался скрип, а я решила высунуться и посмотреть, где там наш жмурик.

- Все глаза выплакала, - редела девушка, пока я видела вполне себе представительного молодого человека. Не скажешь, что он полгода уже как бы все!

Скрипы половиц наполняли зловещую тишину чужой избы. Я приподняла тряпку, глядя на милующуюся пару, не видя в ней ничего подозрительного, как вдруг меня в бок локтем толкнул бесенок.

- Вроде обычный парень, - прошептала я, присматриваясь повнимательней. Чистенький, опрятненький... Без следов морального и просто разложения...

- А ты смотри внимательней, - зловещим холодком пробежали по коже слова бесенка.

Я прищурилась, как вдруг мне стало плохо... Это же... Ой!

Глава девятнадцатая. Жених с того света

На меня смотрел настоящий покойник. Вид у него был, правда, так себе... То ноги ломит, то рука отваливается...

Но сам жених показался мне знакомым. Кажется, я его уже видела! Погодите! А его случайно не Васей зовут? Не он ли ломился в мой дом во время нашествия «Васей»?

При мысли об этом я похолодела, чувствуя, как трясутся руки. Я тогда его не очень рассмотрела! Но мне кажется, что вот эта вмятина на черепушке явно от моего стула!

- Эй! – дернули меня бесы. – Гляди, что он с девкой делает!

Я дернулась, мысленно готовясь в очередной позе Камасутры, как вдруг увидела, что покойник взял девку за руку и потащил куда-то.

- Стоять! – выскочила я, видя, как красавица послушно идет за ним. – Вы имеете право хранить мычание! Каждое ваше слово будет использовано в фильме ужасов!

Я бросилась между ними, пытаюсь отбить девку, которая даже не думала трепыхаться. Если бы не я, она так бы и пошла следом.

Хватка у покойника была железной. Я смотрела в мутные, белесые глаза, на синие губы и пыталась придумать, как отбить несчастную. Пока что девка напоминала репку. Я держала ее за талию и тянула в сторону печи. Меня держали бесы. Покойник тянул в сторону двери. В конкурсе перетягивания мы с бесами начинали сдавать позиции.

- Пусти, говорю! – требовала я, пока девка пыталась отбиться еще и от меня.

Подскочив, я вцепилась в холодную и мертвую руку. Мои пальцы полыхнули, а жених отстранился, шарахнулся и ... исчез.

- Тут главное, чтобы она сама его прогнала! – авторитетно заявили бесы. – Вот как сама прогонит, так все! Не придет больше!

- Фу-у-ух, - обрадовалась я, видя, как плачет несчастная девка и рвется следом. – Так, красавица! Садись! Рассказывай!

Но девица сидела молча, роняя слезинки на руку. В темной избе не горела ни одна свечка. Было темно и мрачно.

- Тебе что? Живых мало? – размахивала я руками, пытаюсь убедить ее в том, что покойный жених – не самый подходящий вариант. – Ты сама подумай! У него кровоток кончился! Все! Чем вы будете заниматься долгими холодными вечерами под одним одеялом? Беседовать про погоду? Думаешь, первые сорок лет продержишься, а потом уже и не захочется?

Девка сидела, понуро опустив голову, и смотрела на свои босые ноги. В комнате пахло сыростью, а на половицах валялись комья земли.

- Вон, гляди, сколько живых ходит! – убеждала я, показывая рукой вокруг.

- Пропал он, - вздыхала девка. – Я ждала его, ждала, а потом несут весточку. Помер! Нашли! Вот и схоронили!

- Как зовут тебя, радость моя? – спросила я, пытаясь заглянуть ей в лицо. Но она его спрятала.

- Аглафера, - вздохнула девка. – Груша...

- А его... Васей зовут? – спросила я, уже мысленно готовясь к ответу.

- Васильком, - со вздохом ответила девица.

- Нельзя было на похоронах убиваться и на могилу бросаться! Иначе приманишь покойника! – встревали бесы. – Бабу одну муж покойный задушил! Убивалась, на могилу бросалась, а он пришел! Вместе с ней пахал, работал, в избу зашли, а наутро от бабы-то коса да кости!

- Вы с оптимизмом не перебарщивайте! – поежилась я.

Ближе к утру мы выучили наизусть и почти без запинки говорили одну фразу: «Негоже мертвому в живой ходить!».

- Он может и несколько раз за ночь! – внезапно заметил Анчутка, когда возле дома слышались шаги.

- Я за него очень рада! – отмахнулась я от бесов, которые уныло сидели на сундуке.

- Приходить! – перебили меня бесы. – Так что карауль ее до утра! Если до петухов удержишь, то все! Считай, спасла! Но лучше, чтобы она сама прогнала!

Тревожная ночь ползла синевой в оконца, шуршала подозрительными шагами, светила огромной луной. В лунном свете девка казалась еще бледнее, чем обычно. Глаза у нее были впавшие, а губы бледные, обескровленные.

- Нет, я все понимаю! – соглашалась я, скрипя лавкой. – Приятно, когда знаешь, где твой мужик, но ты сама подумай! Ноги об него не погреешь! Это сразу минус! А если у него в ответственный момент рука отвалится? А?

Девка то сплетала, то расплетала несчастную косу, нервно теребя старую ленточку. И повязки на руке не было. Это я сразу ревниво подметила. Значит, к болотнику не ходила.

Я дошла до того, что пыталась ей нагадать счастливую судьбу, брак и десяток детишек! Но пока что это слабо помогало!

- Мертвый он! Мертвый! – убеждала я, пока Груша сидела и качала головой. – Помер он! А ты – живая! Негоже мертвому к живой ходить! Поняла?

Вдруг в дверь послышался стук.

- Кто там? Катите свои яблочки обратно, на кладбище! – дерзко, чтобы не выдать страха в голосе, заявила я, подходя к двери. – Нет, Грушенька не выйдет! У Грушеньки экзистенциальный кризис. Это заразно!

Стук не унимался. Я осмотрелась, а потом увидела, что окно кухни выходит на крыльцо.

Я глянула в окно и увидела в лунном свете мертвого жениха, стучащего в дверь. Если честно, то выглядел он зловеще. Я даже поежилась.

- Молодой человек! Здесь вам не уполномоченные органы, в которые нужно стучать! – возмутилась я, не зная уже как прогнать его. Самой страшно!

- Пусть сама его прогонит! – напомнили меня бесы.

Я повела Грушеньку к двери. Пока что это напоминало детский утренник.

- Пойди прочь, - послышался слабый голос «невесты», которому я подсказывала. Мне кажется, ей было все равно, что повторять. – Ты мертвый, а я – живая! Не ходи ко мне больше!

Молодец! Справилась! Стук прекратился, а я сползла по стенке. Где-то орал горластый петух, рассказывая деревне о том, что ночь наконец-то отступила, унося за собой страшные тайны.

- Вот ваша дочь в целости и в сохранности! – вручила я желтую полуживую девицу матери и отцу. Домой я возвращалась уже в новой рубахе и с узелком. Приятно иметь дело с честными людьми.

- Так, действуем по старой схеме! – зевнула я, вваливаясь в избу. Новая рубаха была украшена красивой вышивкой и, самое важное, она была чистой!

Я засыпала на скамейке, тихо позвякивая цепью. На мне сидели бесы, о чем-то шепотом разговаривая. Под их шуршание, я и уснула.

Мне показалось, что я проспала все ничего, как вдруг проснулась от жуткого стука в дверь.

- Ведьма- матушка! – кричал кто-то истерично, пока я металась, пытаюсь разгрести завал. За окном уже было темно! Ничего себе, сколько я проспала! – Пропала Груня! Пропала! Бросились мы с отцом, а нет ее! Всю избу! Все подворье обыскали!

- Что? Неужели не подействовало? – переглянулись бесы, пока я разрывала завал под дверью.

Ночные гости смотрели на меня странным взглядом. Еще бы, разорванные цепи, которые болтались на мне, смотрелись очень многообещающе.

- Просила подарить мне цепочку! Мужик перестарался! – кисло отмахнулась я, не придумав ничего лучше. – Что у вас?!

- Пропала! Отец встал, а ее нет! Меня растолкал! – завывала баба, падая на грудь мужу.

- Кладбище! Он ее все-таки уволок! – пищали бесы, таща меня в сторону холма. Я быстрым шагом шла на холм, с которого всю деревню и окрестности было видно, как на ладони.

- Они всегда в могилу утащить пытаются! Дескать, лежать будем рядом! – пищали бесы, пока я чувствовала, что у меня руки трясутся. Это ж надо! Мы же вроде бы его отвಾದили!

- Приводит покойник невесту к могиле! – наперебой орали бесы в оба уха. – А потом с девки, как пелена сходит. Покойник ей говорит: «Полезай! Вот дом наш!». А если не полезет – задушит на месте! А если девка умная попадется, то скажет: «Давай, я вещи сначала отнесу, а сама потом!». И хорошо, если на ней одежды много! Будет по одной одежке скидывать!

Теперь я поняла, почему бабушка всегда говорила, чтобы я одевалась теплее! В три свитера и двое штанов с колготами. Видимо, на случай, если я вдруг познакомлюсь с покойником!

На кладбище маячило что-то белое, похожее на рубаху.

- Она там! – крикнула я, слетая с холма и бросаясь вдоль спящей деревни. Пришлось поднажать. Цепи звенели, а бесы верещали что-то оптимистичное: «эх, не успеем!».

Я добежала до кривой оградки, ограждавшей мир мертвых от мира живых.

Вдалеке я увидела старые деревянные кресты и могилу, возле которой стоит девушка.

- О, кто к нам пришел! – послышался сиплый голос, когда я бежала мимо могил к маячившему белому пятну.

- Ведьма новая! Молодая! – шуршали голоса, хотя рядом никого не было.

- Втыкуха! – сплюнул невидимый голос, похожий на бабкин.

- Как здоровье? К нам не собираешься? – участливо интересовались мужские и женские голоса.

- Да отстаньте! – отмахивалась я, решив, что потом потрясусь под одеялом от страха.

И вот я увидела знакомую девушку, стоящую на самом краю разрытой могилы. Белую рубаху поднимал ветер. Дерево рядом скрипело на все лады, а несчастная стояла и тряслась, дрожащей рукой снимая колечко и ме-е-едленно бросая его в могилу.

- Пойдем, любимая, - слышался тихий голос. Позади девки стоял мертвец.

- Иду, милый, - дрожащим голосом отвечала девка. – Вот только колечко отнесу!

- Пойдем, милая, - снова слышался тихий голос мертвеца.

- Иду, милый, - эхом отзывалась девушка. – Только косу расплету и ленту отнесу...

- Мы же его отбили! – ужаснулась я, перепрыгивая через чью-то могилу.

- Отбили! – растерянно пищали бесы. – Но, видимо, не до конца! Девку спасай! Иначе загубит!

Та бросила в разрытую могилу тусклую ленту, а потом стала медленно снимать с себя рубаху. По ее щекам катились слезы. Ветер трепал ее распущенные волосы, пока она тянула рубашку вверх.

- Так, это что у нас за разврат! – возмутилась я, хватая девку и таща к себе.

- Моя она, - глухим голосом произнес покойник, пока девка тряслась и рыдала. То ли от радости, то ли от впечатлений.

- Тю, так не интересно, - послышались голоса на кладбище.

- Спаси меня, ведьмушка, - тряслась девка на моей груди. Я пыталась утащить ее подальше от могилы, выставив вперед зеленеющую магией руку.

- О! Додумалась! По бусинке одной кидала! Молодец! – радовались бесы, заглядывая в могилу. – Иначе бы уже задавил! Видать, кто-то научил!

- Моя она, - снова послышался глухой голос мертвеца, пока я уводила девку подальше, радуясь, что чудом успела. – Сама просила! Сама звала!

- Он сейчас о чем? – спросила я, глядя на ревущую девицу, которая еле шла.

- Не серчай, ведьма – матушка.... Когда он пропал, я приворожила его. Думала, с другой загулял! А он мертвый уже был, - ревела девка, пока я тащила ее в сторону деревни.

Подул ветер, я обернулась. Кладбище хранило покой и тишину. На месте разрытой могилы виднелся поросший травой холмик. Ни покойника, никого не было.

- Ой, беда-а-а, - ужаснулся Анчутка, пока девка мне про приворот рассказывала. – Покойника приворожила! Теперь понятно, почему прогнать не смогли! Это же никак не снять!

- Только... - вздохнул Антипка, пока я еще раз тревожно обернулась на кладбище.

- Что только? – спросила я, все еще не веря, что успела.

- На себя перекинуть! – вздохнули бесы.

Глава двадцатая. Приворот - от ворот поворот!

Перед глазами встал труп с прямолинейным мужским кокетством интересующийся: «А вашей маме дохлый зять не нужен?». По спине побежал холодок. Все еще стоящий перед глазами мертвый жених намекал, что при жизни он был «Ого-го каким мужиком!», а сейчас уже «А- ха-ха, прекрати!». И опасности для женской чести уже не представляет. Я надеюсь!

Рядом вовсю ревела невеста, бормоча что-то про большую любовь и про « ой как страшно!».

- Скажи, ведьма! Тебе большая любовь нужна? – тормозили меня бесы. – Ну что? Будем девку спасать? Иначе утацит! Может, такая любовь раз в жизни бывает! А больше и не надо!

Я обернулась на кладбище, понимая, что искренне боюсь большой любви.

- Ладно, не реви, - посмотрела я на несчастную желтую девку. – Что-нибудь придумаем.

- А как от него вообще избавиться? – спросила я бесов. Груша пребывала под таким впечатлением, что ведьма, разговаривающая сама с собой, ее ничуть не смущала.

- Ты узнай, что она сотворила! А потом и думать будем! – тормозили мою совесть бесы.

Трясти Грушу долго не пришлось. Она выложила все как на духу, рассказывая про то, как решила приворожить пропавшего жениха. Заодно я узнала о нем почти все. Наверное, меня должно было утешить, что при жизни – это был первый парень на деревне.

- Ничего себе! Кто же тебя надоумил? – ужасались бесы, поглядывая на Грушу, которую я мечтала скушать.

- Как приворот перекинуть? – спросила я, глядя на бесов.

- Проще простого! Пущай она тебе его отдаст! – захопотали бесы, бегая вокруг меня. – А дальше мы сами! Пущай, как бы руку протянет, так и приворот отдаст. А ты как бы забереешь! Делов-то! Ты же ведьма!

Груша с радостью вручила мне своего жениха, когда мы почти подошли к деревне.

- Мама! Папа! – бросилась Груша к родителям, которые уже успели три раза поседеть.

- Девку берегите, - кивнула я, ковыляя домой. В голове зрел хитрый план.

Отворив дверь, избушки, я схватила колдовскую книгу. Так, где-то я видела кое-что.... Ага! Вот нашла!

- Заметь! И свечка ей не нужна! В темноте видит! – порадовали меня бесы, когда я задумчиво искала подходящую вещь.

- Ты че удумала! – насторожились бесы, когда я стащила со стола алые бусы, подаренные мне за приворот всех Вась в радиусе трех километров.

- Оберег буду делать! Я жениха на болота заманю, - усмехнулась я, коварно перебирая бусинки. – А от болотника оберег себе сделаю! Есть тут такой! Написано, что действует!

Пока я раскладывала бусы и свечки, бесы собирали траву, которая понадобится.

- Так, зуб покойника, - прочитала я, вопросительно глядя на бесов.

- Нету зубов покойника! Усе поиздержали! – пискнул Анчутка.

- А новых не наковыряли! – поддакнул Антипка. – Тут крикса по избам ходила! Усе зубы раздали! Целую челюсть!

- И... украденный в полнолуние саван заложенного покойника! – прочитала я, поглядывая на кучу хлама.

- Тоже нет! – развели руками бесы. – Чего нет, того нет!

- Ладно, надеюсь, зуб сам придет, - вспомнила я, что у меня тут личная жизнь с кладбища ковыляет. Ветер задувал в дымоход. Домовой кряхтел и сопел за печкой. – А саван где брать?

- Покойника караулить! – пожали плечами бесы. – Но не простого, а нечистого! И чтоб в полнолуние!

- А другие способы есть? – спросила я, понимая, что слегка поторопилась с хорошим настроением. Покойный в моем воображении Вася игриво подмигивал мне, намекая, что изменять не планирует!

- А что если? – зашушукались бесы, отойдя в сторонку и поглядывая на меня.

- Да не! Она не согласится! – махнул рукой Антипка, утирая пятак.

- Вы там о чем? – спросила я, слыша, как кто-то стучится в дверь.

- Кто там? – спросил домовой из-за печки.

Я выглянула в окно, видя стоящего на пороге покойного ухажера.

- Нет, ну хоть бы цветы принес! У тебя что? На кладбище цветов нет? – заметила я, храбрясь изо всех сил. Бледное лицо выглядело жутковато. Жених стоял не шелохнувшись.

- Знаешь, - заметила я, понимая, что не готова к визиту. – Я тут подумала! А почему бы тебе не изменить мне? А?

Но верный Вася стоял, как вкопанный и маниакально стучал в дверь. Где-то в дохлом теле теплилось столько любви и обожания, что он продолжал стучать в надежде, что я открою.

- Да ты че такое предлагать! – шелестели бесы.

И тут я вспомнила, что дом должен охранять домовой.

- Эй, иди! Отгоняй! У нас тут гость непрощенный! – гаркнула я в сторону печи.

- Пшел вон! – послышался скрипучий голос. А в дверь снова постучали. Пока я делала баррикаду, бесы что-то жарко обсуждали.

- Так, на что я там не соглашусь? – спросила я, подозрительно глядя в умные и хитрые глаза.

- Знаем мы, как вещь раздобыть! – переглянулись бесы. – Да вот только...

- Выкладывайте, - прокашлялась я, слыша, как ко мне снова стучится большая любовь.

Бесы шептали мне на ухо план, а я округлила глаза, поглядывая по сторонам.

- Вот, - скромно заметил Анчутка, водя копытцем по старым половицам и пряча лапки за спиной.

- Нет! Я к болотнику не пойду за саваном! – опешила я. – Нужно что-то думать!

И тут в дверь послышался еще один стук.

- А ну подвинься! – донесся до меня бас. Он был очень знакомым, поэтому я бросилась к окну.

- Пшли вон! – фыркнул домовый за печкой, когда дверь открылась. – Я защищал, как мог!

На пороге стоял знакомый банник, позади него седой гармонист, а дальше целая вереница очень своеобразных гостей.

- Вот эта ведьма баню сожгла, - указал на меня рукой банник. И все дружно посмотрели на меня.

- Всегда пожалуйста, - заметила я, чувствуя, что мне становится страшно от таких экскурсий.

Гармонист сплюнул соломинку, надвинул картуз, пока за спиной банника бушевали недовольные личности, претендующие на звание нечистой силы.

- Так что праздновать свадьбу черта и утопленницы будем здесь! Больше нечистых мест не осталось! – развел руками банник. – Подвинься, ведьма!

- Аааа, - опешила я, видя, как ко мне бесцеремонно вползают, влетают, вбегают гости.

- Господа, - дернулась я, словно с меня спало оцепенение. – Избушка не резиновая! Вы там это...

Невеста была бледной и растрепанной девушкой с мокрыми волосами. На ней была мокрая рубаха, украшенная водорослями. Жених напоминал козла снизу и в душе!

- Ты это... - дернул меня Анчутка. – С ними поосторожней! Они могут и сожрать тебя под конец!

- Что? – ужаснулась я. – И что делать? Может бежать?

- Нельзя! – дернул меня Антипка, опасливо глядя на гостей, которые чувствовали себя как дома. – Тебе нужно им понравится! Как гармонист! Он-то, видишь, полезный! Поэтому живой! Ой, не обновили мы оберег на избу! Ой, говорил я! А никто не напомнил! Беда-а-а!

- Ведьму! Ведьму! – наседали на меня представители нечисти, пока я видела, что гости только собираются. Пока что они собирались с духом, чтобы отомстить мне за баньку!

- Тяни время до петухов, - прошептал перепуганный Антипка, дернув меня за рубаху.

Васенька показался мне вообще пустяком. Ну, ходит покойник, и пусть себе ходит! Я ему что? Мешаю?

- Дорогие черт и утопленница, - едва ли не дрожащим голосом заметила я, беря себя в руки и глядя на счастливых новобрачных с улыбкой.

В этот момент все притихли, уставившись на меня мол, продолжай! Интересно!

- В этот знаменательный день, - очень официальным голосом, продлевающим мне жизнь, произнесла я, чувствуя, что накаркала себе расписание! – Мы собрались здесь.... В этом зале, кухне, спальне, гостиной и санузле по совместительству...

Я видела, что нечисти ужасно нравится. Они одобрительно кивают.

- Чтобы отпраздновать ваше мракосочетание! – вздохнула я, чувствуя, что у меня дергается глаз.

Все дружно захлопали и затопали. Дверь открывалась, а гости все еще стекались, как вдруг я повернулась, видя знакомое лицо. Внутри все ухнуло, а я подняла бровь.

- Я не опоздал? – послышался голос болотника, явившегося на свадьбу собственной персоной.

- С-с-согласен ли ты, уважаемый черт, - прокашлялась я, стараясь держать себя в руках. – Взять в жены эту очаровательную утопленницу? И пока ... эм...

Я подсмотрела в раскрытую книгу на странице обереги.

- Полынь, чеснок, железо и прочие обереги не разлучат вас? – спросила я, стараясь держаться.

- Согласен! – заметил жених.

- А вы, очаровательная утопленница? Согласны ли вы взять в мужья этого замечательного черта? – спросила я.

Утопленница что-то пробулькала и кивнула.

- Властью данной мне ... - произнесла я, поднимая глаза и видя перед собой зелень чужих глаз. - ... объявляю вас мужем и женой!

- Все! Можно жрать ведьму? – пискнул кто-то из гостей.

- Куда жрать? – возмутилась я, глядя как появляется стол со скатертью и везде загораются свечи. – Это только начало! А кто вам культурную программу вести будет? А?

- Горько! – заорали гости, пока я присела на краюшек скамьи.

- Доигралась? – послышался голос совсем рядом. – Не захотела приходить по хорошему, будет по плохому...

- Значит, это ты... - прошептала я, чувствуя, что эту ночь я не переживу.

- Зол я на тебя, ведьма, - послышался сладкий голос на ухо. – Очень зол.

- Может, договоримся? – с надеждой спросила я, чувствуя, что мне сегодня зажигать весь остаток ночи. – И мне бы еще одного покойника убрать...

- Как много ты хочешь, сладкая моя, - послышался тихий голос. – Значит, и цена будет высокая! Ты согласна?

Глава двадцать первая. Знай ведьму!

Мне кажется, что я оказалась не в то время и не в том месте. Место, в котором я находилась, впору прикрывать трусами. Да и времечко было так себе!

- Итак, что ты хочешь? – спросила я, глядя в зеленые глаза, которые ясно давали понять непонятливой ведьме, чего они хотят. На случай, если у ведьмы с пониманием было совсем плохо, глазам помогала рука с когтями, лежащая у меня на коленке.

- Значит, ты на меня какое-то заклинание наложил? – спросила я, вспоминая цепи, завал под дверью и двух часовых.

- Надо же тебя учить, - послышался голос возле моего уха. – Я могу пообещать, что сниму его, если сойдемся в цене. Или снимай сама.

- Нет уж, лучше сама! – вздохнула я, прекрасно понимая, к чему меня склоняют.

- Горько! – орала нечисть, требуя, чтобы жених с невестой показали дикую и необузданную страсть, но в рамках приличия.

Мне всегда казалось, что после двадцатого «Горько!», жених и невеста подумывают о разводе.

- Горько осознавать, что мужчинам от тебя только одно и нужно, - выдохнула я, глядя на когти, которые слегка сжимали мою коленку. Я

уже чувствовала, как вторая рука обнимает меня за талию, прижимая к себе. Я вдыхала запах трав, которые словно сладкий дурман, растекались по телу. Зеленые глаза приближались, а я чувствовала, что с каждым разом противиться этим чарам все сложнее и сложнее.

Когти прочесали мои волосы, едва коснувшись щеки.

Где-то громким стуком ревновал Вася. Он меня еще не знал, но уже ревновал и требовал срочно отпустить меня.

- И вообще, я прекрасно знаю, что тебе от меня нужно! – ответила я, косясь на Хозяина Топей.

- У тебя открылся новый дар видеть будущее? – удивился Хозяин Топей. – Тогда почему я о нем не знаю?

Пляски на моем потолке продолжались, пока я понимала, что до утра еще далеко. Зато на меня уже посматривают, как на свадебный торт, выбирая кусочек полакомей.

Настойчивый Вася считал своим долгом достучаться до моего чертового сердца и изредка маячил в окне.

- Ты согласна? – послышался очаровывающий голос на ухо. – Или сама...

Какое «сама»? Их вон сколько! Банник, по моей вине оставшийся на улице, уже косится на меня злобным взглядом.

- Хорошо, - кивнула я, понимая, что рано или поздно этот момент наступит.

Я насторожилась, чувствуя, как меня осторожно берут за руку. Его прикосновение вызвало толпу мурашек, бегающих по коже. Духота шумной избы сменилась прохладой ночи, которая опьяняла не хуже страстных поцелуев. А вопли и повизгивания – шелестом скрюченной яблони.

Краем глаза я видела горящий в окнах свет и слышала переливы гармонии, которую обещали сегодня порвать.

Я вдыхала жадные поцелуи, словно сладкую отраву, вливающуюся в мои губы, обвивая шею Хозяина Топей руками. Моя спина коснулась яблони, а я уже понимала, что сопротивление бесполезно.

Слишком крепкими были объятия, слишком сладким был шепот, слишком нежными были руки и страстными губы. Сдаваясь под напором страсти, я почувствовала, как подкашиваются ноги, как

прижимается ко мне чужое тело, как сжимают меня в объятиях сильные руки, вдавливая в мокрую от ночной росы траву.

Я плавилась от жадных поцелуев, переходящих в горячие укусы. Мне казалось, что за каждый такой поцелуй в аду меня должны обжаривать на сковородке, подбрасывая оладушком.

Эх, была не была! Я уже настроилась на то, чем завершаются такие прелюдии, как вдруг...

- Так вот, - прошептали губы, только прервав глубокий и сладкий поцелуй. – Мне нужно, сладкая моя, чтобы ты кое-что для меня сделала...

Хозяин Топей произносил это так, словно его губы ловили каждый мой вдох. Он нависал надо мной, а в голосе чувствовалась улыбка.

- Мне нужно, чтобы ты сдвинула один камень, - слышался голос, а меня коротко поцеловали. – Он находится в лесу. Собственно, это все, что мне от тебя нужно... Мелочь, а приятно... Тебе не составит труда! И только тогда я смогу помочь тебе!

Я распахнула удивленные глаза, понимая, что как бы уже настроилась увидеть небо в алмазах, а мне тут про камень!

Рядом никого не было.

Одернув намокшую от росы рубаху, как бы намекая, что пусть только попробует еще раз протянуть ко мне свои феромоны, я встала. Щеки пылали, а я мечтала освободить деревню от гнета чудовища, задушив его под своей яблонькой голыми руками. Но Хозяин Топей исчез.

- Да я тебе камни в почках сейчас уберу! – закричала я, бросая в темноту кислое и гнилое яблоко.

Уффф! Как я зла! Мне казалось, что в темноте слышится смех. Еще одно яблоко полетело в темноту.

- Любовь моя, - шелестел ко мне покойными булочками Вася, протягивая бледные руки. Он, конечно же, был очень ревнив, но, в тот момент, когда я тут жарко целовалась с Хозяином Топей, он решил поревновать молча, издалека.

- Да заройся где-нибудь, накройся памятником! – отмахнулась я, полыхая от гнева. – Марш отсюда! Все! Детское время окончено! Шуруй на кладбище!

В гневе я даже придала ему ускорение, чего сама от себя не ожидала.

- Так, а теперь с этими товарищами! – вошла я в избу, закатывая рукава рубахи.

Из дверей пинками вылетали гости. Я сдирала чертей с потолка, выбрасывая пачками.

- А теперь конкурс! Кто быстрее уберется из моей избы! – лютовала я.

«Ой! Ой!», - суетились вокруг меня Антипка и Анчутка, когда я вежливо, но за шкирку выпроваживала жениха и невесту, желая им по пути счастья, любви, здоровья и всего самого наилучшего!

Остальные как бы не стали ждать, и брызнули изо всех щелей. Кто в дымоход, кто в окно, а кто в дверь. Последним уходил гармонист, которому я обещала дать в бубен! Гармонь полетела следом в темноту.

- Уфффф! – упала я на скамейку, видя, как выбираются из – за печки мои перепуганные бесы. А следом трусливый домовый.

В доме был бардак. Столы, лавки – все было перевернуто. На потолке виднелись следы копыт.

А в ушах все еще звенел чужой смех!

Глава двадцать вторая. Подложить свинью!

Глава двадцать вторая. Подложить свинью!

- Пошли вон, ироды! – потряс сухоньким кулачком домовый в сторону хлопающей на ветру двери. – Да я вас шас как! Ну вы сейчас у меня получите! Кто на орехи, кто на Ух!

Одернув рубаху, домовый гордо продрал бороду и двинулся за печку.

- Будете знать, как с домовым связываться! – буркнул он, полезая в свои законные апартаменты.

Женская самооценка требовала голову на блюде! «Убью!», - шипела я, видя, как затухают мои руки. Гордость требовала немедленно отправиться на болота и задушить чудовище голыми руками.

Нет, ну надо же! Я тут, значит! А он!

- Ведьма, ты чего это! – переглянулись бесы, опасливо подбираясь ближе. – Сидела- сидела, а потом бац и вышла! Ну, думаем, сбежала! Потом видим, ты на траве лежишь. А вокруг никого! Нет, главное сама встала, вышла! И идет, главное, улыбается кому-то!

- А я разве одна выходила? – удивилась я, глядя на Антипку и Анчутку. – Точно одна?

- Ну да! – пожали плечами бесы.

- А Хозяина Топей рядом не было? – спросила я, глядя на следы копыт на потолке.

- Нет, - покачали головой бесы. – А! Он на тебя морок навел! Не было его!

- Погодите, что значит морок? – прищурилась я.

- Заморочил он тебя! Наслал чары! Ты думаешь, что был он, а его не было! – наперебой объясняли бесята, забираясь мне на колени.

С их слов стало понятно. Он не то, что в девушку, он в деревню зайти не может. Только мороком! Что-то вроде призрака, которого видят только те, кто ему нужен.

- А что за камень он просил убрать? – спросила я, успокаиваясь.

- Камень? – в ужасе переглянулись бесы, словно решаясь, говорить мне и дожидаться момента, когда будет поздно.

- Понимаешь, деревня защищена от болотника. Предыдущие ведьмы защиту ставили! Вокруг деревни камни разложены. Да не простые, а заговоренные! – вздохнул Анчутка, оседлав мое колено, словно лошадку.

- Стоит хоть один сдвинуть или убрать, все! Сможет он в деревню попасть! А, видать, только этого и ждет! – перебил его Антипка, привалившись ко мне. – Так что даже не вздумай! Мы потом тебе этот камень покажем!

Я представила огромные замшелые валуны, которые спрятались где-нибудь в лесу и успокоилась!

Кое –как прибравшись, я стала собирать мусор. В руке был чей-то коготь, который я собиралась выбросить.

- Куды!!! – заорали бесы. – Это ж чертов коготь! Полезная штука! Знаешь, как сложно его добыть!

Я пожала плечами, отложив коготь, как вдруг посмотрела на клок волос.

- Куды! – вцепились в меня бесы. – Это же русалочьи волосы!

Мысль о том, что я бегаю по лесу за русалками, с ножницами и криками: «Салону красоты срочно требуются модели», заставила меня пожать плечами и пощадить находку.

- Это палец мертвяка! Это саван проклятого покойника, который не в полнолуние! Это нож, который в вихрь бросаюсь! – выдирали у меня из рук все, что приличный человек посчитает мусором. В итоге я выбросила только надежду навести порядок в доме.

- Тебе бы обереги обновить! – тормозили меня бесы, когда за окном орал отчаянный петух, разгоняющий ночной морок.

До полудня я чувствовала себя художником - могильщиком. По подсказке книги и бесов я развешивала пучки трав над окном, закапывала странные предметы под порог, рисовала какие-то символы, напоминающие каракатицу.

- Ну все, - обрадовались бесы, чувствуя себя виноватыми в том, что не напомнили.

- Нет, еще не все! – расправила я плечи, вытаскивая из печки старую головешку. – А оберег от идиотов?

«Ведьма принимает с ...», - писала я углем прямо на старых досках большими буквами.

- С восьми до ... до... - протянула я, поглядывая на деревню. – Двенадцати! Перерыв с девяти до десяти!

«Старикам скидки», - сжалилась я, понимая, что грабить бабушек было бы неправильно.

- Фух! – выдохнула я, радуясь, что теперь защищена – защищенной некуда!

Только я стала укладываться спать, наматывая на себя цепь в дверь постучали. В щель маячила фигура в юбке.

- Женщина, вы по записи? – спросила я, как вдруг за дверью послышалось перепуганное: «Сразу видно, ведьма! Усе прям знает!».

Скоро я талоны выдавать буду!

Нехотя оторвав попу от скамейки, я направилась к двери.

- Вам чего? – спросила я, хмуро оглядывая с ног до головы гостью, что мялась на пороге.

- Прописи! – кивнула женщина, не решаясь зайти в избу. – Все как вы и сказали! Так поможете?

- Так, у меня третий глаз близорук! Он видит лишь смутно! – вздохнула я, как вдруг увидела у нее в руках полотенчико с крынкой и еще чем-то.

Желудок заурчал, требуя законный завтрак.

- Вот тебе ведьма - матушка! – выручили мне компенсацию за вредность. Ммм! А хлеб свежий!

- Так, в чем беда? – спросила я, осматривая гостью, которая поправила пестрый платок.

- Мужик у меня вечно по бабам ходить! Сейчас вон! К Малуше похаживает! – сокрушалась клиентка. – Надобно мне его от этого дела отвадить! Помогете? А я одеяло соткала, принесу вам!

- Ладно, - согласилась я, понимая, что мне бы еще рубахой разжиться. А одеяло не помешает.

- Малуша живет вон там! По ночам ходит! Вы его отвадите! – вздохнула обманутая жена, прощаясь и ковыляя к дороге.

Закрыв дверь, я услышала, как кто-то медленно читает по слогам: «Ведьма принимает с восьми... До двенадцати! Ох, ты батюшки! Втыкуха!

Я отломила хлеб, запивая молоком, на которое у меня была аллергия. Но каким-то чудом здесь она прошла.

- Слыхала, Матрен! Ведьме-то нашей, бесстыдница, восемь мужиков надобно! Али дюжина! Восемь, ежели дюжих, а дюжина, ежели хилых! – слышался бабкин голос. – Вот срамота! Прямо на избе написала! И шоб постарше были!

- Простипома! – согласился еще один старческий голос.

Я пыталась стереть надпись, но у меня не получилось. Она так и осталась.

- Так, отвороты! – жевала я хлеб, листая книгу. – Угу...

- Не там ты смотришь! От одной отвадишь, к другой пойдет! – запротестовали бесы. – Не так мужиков от гулянок отваживала бабушка наша! А она могла! Раз и навсегда! Она в свинью оборачивалась и мужика по селу гоняла! А потом как бабка пошептала! Больше ни-ни! Как пойдет мужик домой с гулянок, так за ним свинья идет! Темно, страшно, а ты за ним идешь. До дома провожаешь! Вот мужик после этого долго еще на гульки не ходит!

- В свинью? – спросила я, округляя глаза.

- А иначе никак! – вздохнули бесы.

Глава двадцать третья. До поросычьего визгу

Глава двадцать третья. До поросычьего визгу

Я слабо представляла себя, бегающей по деревне с задорным похрюкиванием. И даже на всякий случай смела крошки со стола.

В голове вертелась сотня способов, как стать свиньей. Причем, редкостной. Например, напомнить, что занимала деньги и уточнить, когда вернут? Не ответить на сообщение «Привет! Ты как?» спустя год после внезапного исчезновения любви с радаров. Не помыть за собой кружку и забыть закрыть хлебницу.

- Был у нашей ведьмы нож особый, заговоренный! Она с его помощью в свинью оборачивалась! – переглядывались бесы, роясь в хламе. – Нужно найти его!

И мы стали дружно искать нож, пока что безуспешно шевеля очень полезный мусор.

- Позови домового! Он все знает, что в доме происходит! – переглянулись бесы, пока я рассматривала какое-то яйцо, покрытое паутиной. Четырехлапый паук вылез посмотреть, но как только понял, что мы ищем что-то очень нужное, но тут же испуганно спрятался, словно пришли про его лапы.

- Домовой! – крикнула я, сдвигая какие-то кости. – Где нож, чтобы в свинью оборачиваться?

- Вон в том углу! У левом! – послышался голос из-за печки.

- Спасибо, - обрадовалась я, переместившись к левому углу. Час мы с бесами перебирали очень полезные вещи, но ножа так и не обнаружили!

- Вспомнил! У правом! – скрипнуло за печкой.

Мы уже сидели и перебирали правый угол, отбрасывая кости, травы, доски, ленты.

- Гляди, что я нашел! – обрадовался Анчутка, доставая красные бусы. – Это ж оберег от болотника! Бабушкин! Брусничные бусы!

Бусины были странными и напоминали сушеные ягоды.

- Дай сюда! – обрадовалась я, тут же надевая оберег на шею. – Нож не видели?

- Не-а! – шмыгнул носом Антипка, пока мы рылись, словно три археолога в доме бабушки, которая ничего не выбрасывала.

- Тады в сундуке! – послышался чих за печкой, когда мы с бесами разочарованно складывали все обратно.

Сундук мы разворошили быстро. Но и там ножа не оказалось.

На деревню уже спускался вечер, окутывая мглой поникшие домишки.

- Нашел! – послышался радостный голос Антипки, когда он достал старый нож из печки. Нож был невзрачным и старым.

- Вот! – послышался голос домового. – Я всегда дело говорю! Слушайте меня почаще!

Я рассматривала нож, пытаюсь понять, что в нем такого магического.

- Раздевайся! – слышались голоса бесов. – Сейчас через нож прыгать будем!

- Что? – ужаснулась я, снимая рубашку и складывая ее на скамейку. – Эй, вы куда?

- За дом! Бабушка всегда там оборачивалась! – позвали меня бесы, а я, стыдливо прикрываясь, бросилась за ними.

- И куды ж его глаза смотрели? – слышались голоса. А по дороге шли две «бессонные» бабушки. Я спряталась за яблоньку и втянула живот.

- А я ей сразу говорила... Раньше мужики с дубинкой, а сейчас с тростинкой! Тьфу!

Бабки ушли, а я бросилась за дом. Анчутка вбил нож острием вверх.

- Смотри, чтобы нож не унесли! Коли унесут, обратно не обернешься. Будешь всю жизнь свиньей бегать! – предупредили меня бесы.

Полная луна бросала зловещий свет на деревню, намекая, что самое время для оборотней!

- Ау-у-у-ухрю-хрю, - представилась мне одичавшая свинка, воющая на луну с утеса.

- Ну че! Прыгай! Спиной! И кувыркайся! – слышались голоса бесов.

- А можно его острием вниз воткнуть? – взмолилась я, чувствуя, что технику безопасности я буду доучивать на больничной койке.

- Да у нас бабка вон как кувыркалась! – с гордостью вздохнули бесы. – Как разгонится, как кувыркнется, и уже свиньей в деревню идет! Хоть и спина у нее болела!

- А спина у нее болела не потому, что у нее нож торчал? - опасно спросила я, ежась от прохладного ветерка.

- В первый раз усегда страшно! – закивал Антипка.

Полную луну укрыли зловещие лохмотья облаков. Ветки деревьев таинственно шелестели, а откуда-то доносились страшные, а порой пугающие звуки.

- Ладно, - выдохнула я. – Но если что вы потом нож из меня сами вынимать будете!

Заранее визжа, как резаный поросенок, я подпрыгнула и почувствовала, словно мое тело стало совсем невесомым. Я легко кувыркнулась в воздухе и приземлилась на четвереньки.

- Получилось! – ужаснулась и обрадовалась я, а потом посмотрела на свои руки, который превратились в копыта. – Хрю!

- А теперь мужика караулить! – оседлали меня бесы. – Он по этой улице пойдет!

- Это еще почему? Хро-хро! – спросила я, чувствуя, что у меня ухо чешется.

- Потому что она тут одна! – заметили бесы. – Ты высматривай, а мы выглядываем!

- А что это вы на меня забрались? – спросила я, чувствуя, как они ерзают на мне.

- А бабушка нас всегда катала! – слышался голос Анчутки.

Идти на четвереньках было неудобно. Я осмотрела свой розовый бочок, покрытый щетинкой и довольно хрюкнула, цокая копытцами по камушкам. А это забавно! Мне нравится!

- Да! Я еще тот Пятачок! – усмехнулась я, идя по деревне. – Хро! Кто ходит к бабам по ночам в изменах тот заметен! Известно всем тарам-парам, что их пугает ведьма!

- Что их пугает ведьма! – пискнули бесы, пока я цокала в поисках одинокого мужчины, мечтающего познакомиться с одинокими неприятностями.

Это мне напоминало свидание вслепую. Я буду розовенькой, упругой и игривой! Вы меня сразу узнаете!

- Гляди! Вот же он! Из избы выходит! Операция «Мечь пашлыка» начинается! – пискнули бесы.

Я затаилась, видя, как темный силуэт скрипит половицами и выходит на улицу.

- Че-то быстро он! Хро! – шмыгнула я. Такое чувство, что у меня сопли, а соплей нет!

- На старт, внимание, приготовиться... марш! – скомандовали бесы, когда я поняла, что мужик идет дальше по улице, не оборачиваясь. Видимо, к дальнему дому, где в оконце горит свечка.

Я поднажала и пристроилась за мужиком.

- Левой, левой! Раз, два, три! Хро-хро! – негромко комментировала я, понимая, насколько это весело и забавно. – Сразу видно, что в армии не служил! Хро!

Мужик что-то почувствовал, и ускорил шаг. Я тоже решила поднажать.

- Хро! – шмыгнула я, в надежде обратить на себя внимание.

И тут мужик сбавил шаг и насторожился. Он тревожно смотрел на полную луну и боялся обернуться. Я затаилась, видя, как мужик успокаивается и продолжает свой путь.

– Смело товарищи все по местам! Последний парад наступа-а-а-ает! Врагу не сдастся наш доблестный хряк! Пощады наш хряк не желает! – гнусавенько пропела я, маршируя следом. – Хро!

То ли я так ужасно пою, то ли мужик оказался слабонервным и пуганным, но он чуть ли не побежал.

- Укушу! Укушу! – заливисто смеялась я, видя, как мои копытца чавкают по грязи.

Мужик обернулся. Я уже прошелестела кустами, прячась за ними и поглядывая на растерянного героя – любовника. Его очень смущало полнолуние. Он буквально седел на глазах.

- Ахрю-ю-ю-ю-ю-ю! – выдала я из кустов под хихиканье бесов. – А-хрю-ю-ю!

Мужик бросился бежать, а я за ним!

И вдруг я увидела, что перепуганный мужик схватил палку, тряся ею перед собой.

- Пошла прочь! Помогите! – закричал он на всю деревню, а из изб стали выбегать люди.

- Ой, беда! – переполошились бесы. – Беги! Беги и обратно оборачивайся! Скорее!

Свинья с экипажем уже неслась в сторону дома. А за ней мчались с вилами, дубинками и криками.

- Нож! Нож! – торопили меня бесы, когда я оторвалась и забежала за дом. – Прыгай.

Бесы соскочили с меня, а я бросилась к тому месту, где оставили нож.

- Что? – ужаснулась я, глядя на примятую траву и место, где был мой ножичек. Ножа не было! Нож пропал!

Глава двадцать четвертая. Морская свинка

Глава двадцать четвертая. Морская свинка

- Как пропал? Где пропал? Откуда пропал? – переполошились бесы. – Да не может такого быть!

Они искали нож, а толпа приближалась с явным желанием отрезать мне уши!

Подскочив на месте, я ясно дала понять, что шашлык будет в другой раз! Не помня себя от ужаса, я припустила, куда глаза глядят. Я неслась сумасшедшей стрелой, визжа и подпрыгивая на кочках. Бесы остались где-то позади. Пролетев визжащей пулей росстань, я устремилась в лес, в надежде, что он меня спрячет.

- Урррии! – верещала я, мечась диким кабанчиком. Мне казалось, что меня уже догоняют, поэтому я припустила еще сильнее. Перед глазами мелькали деревья, кусты, пни, поваленные деревья, огромные валуны камней. Один раз я врезалась во что-то головой. Но тут же пришла в себя и ломанулась дальше.

На всех визжащих парах я влетела в болотника, очаровывающего очередную девицу.

- Урррии! – заорала я, когда мне померещилось, что за мной гонится вся деревня.

Только сейчас я поняла, что погоня стихла. И никто за мной не гонится. А еще я поняла, что сижу на кочке посреди болота.

Хозяин Топи от неожиданности выпустил красавицу из своих смертельных объятий. Девица очнулась, словно от чар, и перепугано осмотрелась. Только сейчас я поняла, что у нее на белой рубахе отпечатки моих копыт.

Красавица испуганно дернулась на месте и бросилась бежать в лес, на ходу одергивая рубашку.

Точно такое же грязное копыто отпечталось на темной рубахе Хозяина Топи. Не выдержал мужик сто пятьдесят килограмм юной поросычьей харизмы.

- Уф, уф, уф, - переводила я дух, плюхаясь толстой попой на траву.

- Хро! Хро! – вырывалось у меня непроизвольно. И я ничего не могла с этим поделать!

Я подняла глаза, видя лицо Хозяина Топи. Если что, скажу, что просто соскучилась. На всякий случай я еще разочек взглянула ему в лицо. И решила, что добавлю слово: «Очень!».

- И кто тут мне свинью подложил? – спросил болотник, глядя на то, как моя попа не помещается на кочке и норовит сползти в болото.

- Кто меня тут рад видеть до поросячьего визгу? – продолжил он, пока я жалась на кочке.

- П-п-поросенок Фунтик, - икнула я, понимая, что вилы были не такими уж и страшными по сравнению с тем взглядом, которым только что осмотрели меня. – Фунтик обаяния и харизмы.

- Так, Фунтик обаяния и харизмы, - прищурил Хозяин Топи зеленые глаза. – Это что за номер?

- Фунтик обаяния и харизмы соскучился. Очень. Хро! – хрюкнула я, до сих пор чувствуя, как колотится мое перепуганное сердце.

Болотник молчал, глядя на меня. Зато глаза его говорили о многом.

- Извини, что не покрашенная! Хро! – пискнула я, понимая, что деревня с вилами – это не так страшно, как эти суженные зеленые глаза. – Не успела! За мной крестьяне с вилами бежали! Поэтому не успела!

И тут послышался голос Анчутки. Он мялся на берегу, среди камышей. Я обрадовалась, что нашелся нож и можно возвращаться.

- Нет, нож унесли! – причитал Анчутка. – И еще кое-что из избы! Ты тут пока посиди! Утром деревне работать, поэтому до рассвета они будут вокруг избы караулить! А потом разойдутся. Так что пока что тут самое безопасное место! А потом скажешь, что на шабаше была!

- На шабашках! Хро! – согласилась я, поглядывая на болотника.

- Так вот значит что? – оживился Хозяин Топи. – Нож утащили? И ты обратно обернуться не можешь, сладенькая моя?

- Да, - согласилась я, пытаюсь усидеть на кочке. – Может, расколдуешь?

- Я не знаю, как ты со мной расплачиваться будешь? – послышался смех, пока я спасала свою попу от болота. – Нет!

- Что значит «нет»? – ужаснулась я. – Ты же понимаешь, что я – свинья – оборотень! Обернуться не успею, как из меня уже шашлык

делают!

- Даже не думай, - отмахнулся Хозяин Топи. – Как ты ко мне. Так и я тебе.

- Ах, а кто виноват, что я согласилась, а ты не смог? – припечатала я. – Кто виноват, что ты только мороком в деревню ходишь? А? Нет, главное, в баньке не мороком, а у меня дома мороком.

- Баня, да будет тебе известно, на отшибе стояла. В месте нечестивом, - слышался голос Хозяина Топи, который смерил меня насмешливым взглядом. – Туда кто угодно из нечисти пробраться мог!

- Согласна, я еще та свинья! Хро! - вздохнула я, сузив глаза. – И очень ревнивая...

И тут слышался шелест листьев и хруст веточек. Кто-то пробирался к болоту. Белая рубашка мелькнула среди зелени. А к самому болоту, освещенному полной луной, вышла перепуганная девушка. Она ойкнула, надрезав ладонь, а потом стала опускать ее в болотную воду. Девица вздрагивала от каждого шороха.

- ... хозяин Топи приходи ... - шептала она, съезжившись и водя рукой в болотной воде. – Подарками одари...

И тут я увидела, как вспыхнули зеленым глаза болотника. Он устремился к девушке.

- Уриииии! – пронзительно завизжала я, видя, что он приближается к ней со стороны камышей.

Девица перепугалась, вскочила и как бросилась наутек, что аж грязные пятки засверкали.

- Так, на чем мы остановились, - усмехнулась я, с трудом уместаясь на кочке. – А то тут красавица прервала наш разговор.

Если что, я очень хитропопый и ревнивый поросенок. Заодно отважу тут всех красавиц!

- Так будешь оборачивать меня обратно человеком? – спросила я, глядя очень хитрым взглядом.

- При условии, что кроме старого долга, ты мне еще кровь должна... - заметил болотник. – Ты со мной не считаешься!

- Отлично! – согласилась я, видя, как сквозь кусты пробирается еще одна красавица. Ее рубашка зацепилась за ветки, и пока она воевала за нее, я набирала воздуха в грудь.

Стоило девке подойти к болоту, как я выдала пронзительное : «Урииии!!!». Ответом мне послужил испуганный вопль и топот

убегающих ножек.

Поросенок Баскервиллей, охотящийся в тумане, сегодня молодец.

- Ну? Расколдуешь? – спросила я, нежно поглядывая на Хозяина Топи. – Ну позязя! Хро! Ну посмотри, какой я милый поросенок?

- Я никогда еще ни за одной девкой так не бегал! – усмехнулся болотник в ответ. – Нет!

- Эх, а здесь у меня будет кухня! – вертелась я на кочке. – А там печку поставлю и скамеечку! Все, я здесь живу! Хро!

Стоило мне только усесться, как снова послышались легкие шаги. Опять девица красавица!

- Приемная Хозяина Топей, - хихикнула я про себя. – Секретарь Иванка! Уррриииии!

- Ааааа! – в голос заверещала красавица. Ну еще бы! Тут туман вокруг зловещий, а из тумана звук, словно поросенка режут.

- Ты сильно кушать хочешь? – спросила я, чувствуя, что вжилась в роль свиньи настолько, что меня уже режут взглядом. – Если да, то расколдуй!

Глава двадцать пятая. Ой, ой, ой!

Глава двадцать пятая. Ой, ой, ой!

Я чувствовала себя, словно десятилетний ребенок с отцом на рыбалке.

- Клюет? Хро! – спрашивала я каждый десять секунд. – Ну как? Нет, ну мы же с тобой охотимся, да? Я уже затаилась... Все! Теперь точно затаилась! Ждем! Ловись девка, большая и маленькая! Не смотри на меня так! Это я тебе личную жизнь приманиваю!

На меня внимательно смотрели зеленые глаза, а голова качалась так, словно что-то отрицала. На губах была очень понимающая улыбка.

- Ну как клюет? – игриво спросила я, усевшись всей попой на кочку. Задние ноги пришлось выпрямить, а передние поставить между задними. Так я хотя бы не соскальзывала в болото.

- Нет, а что? Я – ведьма неопытная. Мне все интересно, - призналась я. – И на что ты их ловишь? А? А давай ловить на живца!

Если честно, то я это делала исключительно с целью отвадить деревенских красавиц. А то надо же! Целое паломничество! Нет, я все

понимаю, одна пришла, бусики получила, похвасталась, а на следующую ночь сюда вся деревня, как стадо на водопой ходит.

К тому же я была на него зла за морок. Я к нему, значит, со всей душой, а меня так обломали! Уууу! Женщины такое не прощают!

- Что-то не ловится, да? Хро! – игриво вякнула я, вглядываясь в туманы. – Ну ни одной нет! Нет, сначала стадами повалили, а потом тишина! Ты бы хоть это... штаны снял, потелепал бы. Приманил, так сказать! А то совсем голодным будешь!

- погоди, - слышался голос, а ко мне повернули бледное лицо. – Ты думаешь, что я с ними... И ты меня ревнуешь? О, я от тебя такого не ожидал! Неужели ты в меня влюбилась, ведьма?

- Ой, только не говори, что у тебя тут горячие обеды ходят! – фыркнула я, вздыхая. – Ручки в болоте моют!

- Ты так и не ответила на мой вопрос, - слышался заинтригованный голос, а ко мне подплыли очень близко.

- Нет, ты конечно, милый, когда не улыбаешься, - задумчиво начала я, чтобы скрыть истинные чувства. – Но, увы... Хро! Пока что я тобой нагло пользуюсь!

Нет, так дело не пойдет! Век мне на этом болоте куковать! И где я в деревне нож искать буду? И вообще, какому идиоту нож понадобился? У него что? Дома своего нет?

- Вот не расколдуешь, Дорогой мой Властелин Комаров, Владыка Лягушек, - обиделась я, глядя ему в глаза. – Завтра всех девок соберу на деревне и буду им лекцию читать! Про то, что участились случаи, сама видела! И добром дело не кончилось! Так сказать, ударим просветительской деятельностью по суровому невежеству!

- И ты думаешь, что ходить перестанут? – со смехом спросили у меня, глядя снисходительно.

Я заметила, что Хозяин Топи улыбается мне исключительно пряча зубы. Наверное, хочет понравиться! Ну что ж! Если угрозы не помогают, включаем женское обаяние.

И тут я увидела, как над болотом летают шарики света. Красивые такие, словно огромные светлячки. Они возвращались из леса. Один шарик, подлетел к уху болотника, а тот сначала нахмурился, а потом улыбнулся, пристально глядя на меня. Шарик тут же исчез, опускаясь в болото.

- Замечательно, - слышался довольный голос Хозяина Топей. Его настроение изменилось. Он почему-то улыбался. И не говорил, в чем дело. Так, а вот это меня настораживает.

Я решила пустить в ход тяжелую женскую артиллерию.

- Ыыыы! – ныла я. – Хро! Хро! Я навсегда останусь свинкой! Ыыыы! Хро!

Я ревела на все болото, краем глаза поглядывая на Хозяина Топей.

- Громче.... Громче... - дирижировал он. – А теперь тише... Тише... А теперь очень громко!

- Хро! – то ли смеялась, то ли плакала я, понимая, что слезы и сопли его не берут.

- Ладно, - выдохнула я, слыша, как надо мной кровожадными вертолетами летают крайне неразборчивые... Ай! ... комары.

Осталось еще одно оружие, которое я берегла на самый крайний случай.

- Мммм... Ты такой красивый... - соблазнительным голосом начала я. – Хро!

Да что ты будешь делать с этим «Хро!».

- И как же мы с тобой будем... - коварно-обольстительным голосом продолжила я, водя задним копытцем по его рубашке. – Если я теперь свинка? Хро!

Да что такое! Это «Хро!» портит всю эротику.

- Сказать честно, я мечтала очутиться в твоих объятиях, - сладко вздохнула я, понимая, что какая-то доля правды в этом все-таки есть. – Чтобы ты меня сжал крепче и страстно ... Хро! поцеловал... О, я что-то совсем распалилась! Иди ко мне! Хро!

- Ну вот как тут устоять? – слышался голос болотника. А он снова очень скромно улыбнулся, пряча зубы.

Хозяин Топи взмахнул рукой, а я почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Ноги тут же свесились в болото, а к телу прилипла мокрая рубаха.

Я замерла, предвкушая сладкий поцелуй. Хозяин Топи подбирался ко мне все ближе и ближе. Я даже закусил губу, как вдруг рука, готовая меня обнять резко дернулась назад.

- Оберег, значит, - слышался зловещий голос. Бусы на груди засветились.

Ура! Проверила! Работает!

- Нет, ну оберечь тоже нужно было проверить, - пожалала я плечами, вскакивая на кочку. – Работает! А на ком еще его проверять? Если он от тебя! Спасибо, рада была повидаться!

Я прижала рубаху рукой, пытаюсь перепрыгнуть с кочки на кочку. Я смеялась, искоса поглядывая в сторону зеленоглазой нечисти.

- Чертовка, - слышался странный голос.

- Сам такой. Значит, другим, подарки даришь, а мне нет! И на что ты рассчитываешь? – пожалала я плечами, снова перепрыгивая на кочку. Тут и до берега было уже рукой подать.

- Оп! – передала я физкульт привет, улыбаясь тайком. – Спасибо тебе огромное!

- Тебе спасибо, - рассмеялся голос позади меня. И от этого стало как-то тревожно. За что он меня благодарит?

Я вежливо послала воздушный поцелуй, одергивая рубаху и отбрасывая волосы.

Мрачный лес был наполнен болотными огоньками. Я быстро нашла тропку и вышла на росстань. Над росстанью тоже летали болотные огни.

Я остановилась. Впервые такое вижу, если честно! Их были сотни, поэтому казалось, что это какой-то сон.

Стоило мне шагнуть на росстань, как вдруг слышался стук копыт и скрипы телеги.

- Садись, красавица, - усмехнулся мужик с телеги. – Подвезу! Что ноги такие красивые топтать!

- Э, не, спасибо, - вежливо улыбнулась я, осторожно глядя на лошадей. Вроде бы и лошади были, как лошади, а ноги у них были... человечьи! Вместо копыт у них были человеческие руки и ноги.

- Мне мама запрещала садиться в незнакомые телеги, - улыбнулась я. – Так что проезжайте!

Бррр! Это что сейчас было!

Внезапно кони обратились в людей, а мужик в черта и все это растворилось во мраке.

- Разъездились тут! Гаишника на вас нет, - проворчала я, видя, как возле голбцов ворочается знакомый пьяница. Вот кому-кому, а ему хоть бы хны!

Возле моей избы было тихо. Видимо, все разошлись по домам. Я еще дешево отделалась! Все могло быть намного хуже!

- Не поймана – не ведьма! – с этой мыслью я спускалась в низину. Придя домой, успокоив нервных бесов, я решила завалиться спать, как вдруг в окно что-то посветило. Ярко, словно фонариком.

- Это что такое? – спросила я, только-только найдя удобное положение.

Бесы бросились к окну и переглянулись. Я открыла дверь, видя, как по деревне летают болотные огни.

- А! – переглянулись бесы и тут же исчезли, оставив меня в дверях.

- Ведьма! Беда! Ведьма! – заорали бесы, налетая на меня. – Кто-то в лесу камень – оберег сдвинул и защиту разрушил!

И кто это мог быть?

«Бдэм!». – вспомнила я, как вошла во что-то лбом, когда бежала из деревни. «Тебе спасибо!», - пронесся в голове довольный голос Хозяина Топи.

- Возле поваленного дерева? – осторожно спросила я, поглядывая в сторону леса. – Там еще пенек вывороченный лежит... Да?

- Да! Он самый! – переглянулись бесы, а потом замерли, куда-то уставившись. – Ты гляди... Это что еще такое?

Глава двадцать шестая. Мальчик или девочка?

Глава двадцать шестая. Мальчик или девочка?

На яблоне, словно на елке, висели золотые браслеты, бусы из жемчуга, цепочки, серьги... Все это красиво и немного зловеще светилось при свете все еще полной луны.

- Это что еще за? – спросила я, удивленно глядя на яблоню.

Осторожно ступая, я подошла к яблоне и дотронулась до нитки бус, свисающей с полуживой ветки.

«Хоть бы подарочек подарил!», - вспомнила я свой собственный голос.

- Ничего себе! – обалдели бесы. Губы Анчутки задрожали, когда он потянул ручку к сверкающему гребню.

- Значит, так да? – спросила я, гордо отдергивая руку. – Это – подарком не считается! И сам знаешь почему!

Я посмотрела на бесов.

- Что с камнем делать будем? – спросила я, чувствуя мурашки по коже.

- А что с ним сделаешь? Ничего уже! Завтра будем думать, как деревню от болотника защитить! Он-то, поди, не знает еще! – переглянулись бесы.

- Боюсь, что он уже в курсе! – вздохнула я, вспоминая, как летела, не разбирая дороги.

- Ну раз деревню еще со свету не сжил, то, видать ему что-то другое надобно! – вздохнул Антипка. – Коли бы знать что! Ладно, завтра подумаем!

Фух! Не все так страшно, как я думала.

Антипка срывал украшения, а Анчутка прыгал рядом, хлопая в ладоши.

Я зашла в дом, с тревогой поглядывая в сторону окна. Вот, значит, почему болотные огни летают по всей деревне! Это ж надо! Кто ж знал, что я именно этот камень сдвину! А может, в лесу этих камней, как в почках! Через каждый метр стоят! И я просто врезалась в один из них, не помня себя от ужаса.

- Берите, не стесняйтесь, - махнула я рукой, глядя, как бесы тащат подарки в избу и вываливают прямо на пол.

- Делить будем! – обрадовался Анчутка, прыгая от радости.

Что же делать? Почему деревня защищается от болотника? Что он вообще от них хочет? Я чувствовала, что это – не подарки. А зарплата от начальства. И твердо решила, что пусть бесы делят!

И тут в окно раздался стук. Я вздрогнула и чуть ли не подпрыгнула от страха.

- Ведьма – матушка, - послышался женский голос. – Спаси-убереги!

- Что там? – тревожно спросила я, открывая окно и видя перепуганную бабку, которая маялась возле яблони. Позади меня слышался голос Антипки.

- Это тебе! Это тебе! И это тебе! – смеялся Антипка. Как-то странно они делят!

- Беда! В избе шорохи какие-то, и гоша по ночам орет! – полушепотом произнесла бабка, опасливо озираясь. Судя по виду, ей было до ужаса страшно сюда идти.

- Поподробнее, - уточнила я, представляя себе пугливого Гошу, который орет по ночам.

- Легла я спать, слышу и гоша орет! Да так, что аж мурашки по коже! – жаловалась бабка. – Страшно, аж жуть! И орет, и орет, и орет... Сил моих больше нету! Вот, решила к вам, ведьма – матушка сходить! Да так, чтобы не прознал никто! А то на деревне одни сплетницы. Коли что услышат, так сразу всем в уши разнесут! А мне потом позору не оберешься!

Погодите, это не та бабка, которая недавно мимо дома ходила? Да так громко, что я уже в курсе, что я – главная втыкуха вся деревни.

- Ну, успокойте его, - пожалала я плечами, мысленно жалея бедного Гошу.

- Да как его успокоишь, ведьма-матушка! Как прилягу, так сразу орать начинает! И ревет, и орет! – сокрушалась бабка. – Поди уже все соседи слышали! А сами знаете, ведьма –матушка, что и гошу позорно в доме иметь!

Так, либо я что-то не понимаю, либо бедный Гоша, которого позорно имеют в доме, орет не просто так. Мне стало страшно за бедного Гошу!

Мне отчетливо виделся бедный голый мужик, которого держат на цепи для личного пользования. И теперь возмущаются, чего это орет.

- И ведь раньше не орал! Нет, по началу орал! А потом подуспокоился. И снова начал! – полушепотом продолжала бабка, притаившись под яблоней. Для конспирации.

«Нет, не смирился!», - страдальческими глазами смотрел на меня бедный Гоша, гремя цепью.

- Ну вы с ним поласковой, - смотрела я на бабку глазами очень подозрительной ведьмы. – Может, что ему надо?

- Нечистый он, поэтому и орет! – вздохнула бабка, глядя на меня.

Бедный узник Гоша в моей буйной фантазии тут же оброс грязью. И стал орать еще сильнее.

- Стойте, ждите! – предупредила я, закрывая окно. – Сейчас я подумаю!

Анчутка сидел на полу и примерял уже третьи бусы. В его ушах болтались сережки. На хвосте у него собирались браслеты. Антипка держал перед ним золотое зеркальце и улыбался.

Не хочу показаться не толерантной ведьмой, но они же оба... мальчишки!

- Ребята, - присела я на корточки, кивая в сторону окна. – Почему может орать грязный Гоша, которого позорно имеют в доме?

- Игоша? – переглянулись бесы.

- Да хоть Ипетя! Чего орет он? – спросила я, поглядывая в сторону закрытого окна.

- Игошами становятся умершие дитятки, которым не успели дать имя. Ими часто становятся дитятки от греха блудливого. Ежели ночью в избе слышатся шорохи и детский плач, то в избе есть Игоша, - сообщил Анчутка, сверкая, как новогодняя елка.

Вот оно что! Никогда про такого не слышала!

- И что с ним делать? – спросила я, в надежде, что бабка меня не слышит.

- Извести Игошу просто! Нужно, имя ему дать! Громко крикнуть! Но тут нужно наверняка знать, мальчик или девочка. Коли с именем не угадаешь, то Игошу уже никак не изведешь! Только мать знает, кого родила. Вот ее и искать надобно, чтобы выведать, - переглянулись бесы. – Но главное с именем не ошибиться! Коли мальчик, а ты ему женское имя крикнула, все! Будет до веку в избе жить! И наоборот!

Я встала и подошла к окну. Распахнув его, я нашла глазами бабку.

- Имя ему кричали? – спросила я, глядя на бабку.

- Нет, что ты, матушка! Да мы боимся! А ежели не угадаем? Тады что делать? – перепугалась бабка. – Вот к тебе и пришла, чтобы ты все выведала да и узнала, кто он мальчик или девочка? Чтоб с именем не ошибиться!

- Будет плакать – крикни «Саша!», - посоветовала я, видя, как мне узелок передают с чем-то горячим.

Бабка направилась в деревню, а где-то скоро объявится Игоша по имени Саша! Если что, будет еще и Женя.

Бесы сидели на полу и рассматривали подарки. На Анчутке было уже килограмма два золота.

- Ну как? – кокетливо спросил Анчутка, пока я умилительно смотрела на эту картинку.

- Ну это же для девочек, - улыбнулась я, видя, как в оконце занимается заря. Отломив кусок пирога, я запила его молоком.

- Сказать ведьме или нет? – спросил Анчутка у Антипки.

- Да скажи уже! – махнул рукой Антипка и вздохнул.

Глава двадцать седьмая. Икотка

Глава двадцать седьмая. Икотка

Анчутка вздохнул, помялся на месте, обдирая кисточку хвоста, а потом поднял на меня хитрые розовые глаза.

- Девочка я, - вздохнул Анчутка.

- Так почему молчал... а? – удивилась я. Я вспоминала, как два бесенка спали в обнимку на сундуке. Антипка обнимал Анчутку. Вспомнила, что Антипка всегда бойче был. А теперь вот любовь к украшениям. Я думала, что он просто маленький еще, а оказалось, девочка.

- А Антипка? – спросила я, на всякий случай поглядывая на Антипку.

- Я – мальчик, - пожал пушистыми плечами бес.

- А почему же ты от мужского лица говоришь, Анчутка? – мне было немного неловко.

- Так и бабушка меня сослепу перепутала. Она меня всегда пострелом считала, - мялся Анчутка, гремя украшениями. – А сказать как-то неловко было! Она же меня из яйца высиживала! Бесы же так на свет появляются! Вот я подумал и решил, что я – девочка!

- Что? – дернула глазом я, представляя, как эта парочка поженится и потребует, чтобы я сыграла роль суррогатной курочки Рябы.

- Если петух шесть лет проживет, - начал Антипка, пока я вспоминала знакомого облезлого неровтрепа. – На седьмой год он яйцо снесет!

- Кому? – спросила я, готовая поверить во все, что угодно.

- Хозяину, наверное! Так вот, это яйцо берут и подмышку прячут и носят с собой девять дней, - продолжал Антипка. Он приобнял Анчутку, а я чувствовала, что услуги суррогатной курочки Рябы могут понадобиться достаточно скоро. – Девять дней не стригут ногти, не моются, не чешутся и ни с кем не разговаривают. Вот так бесы и появляются!

- Ага! – кивнула Анчутка.

- Бесам сразу работу подавай! Пакости какие-нибудь! – заметил Антипка.

- А вы почему работу не просите? – спросила я, удивленно глядя на пушистую парочку. – И пакости не делаете?

- Бабушка нас отучила, - замялся Анчутка, пряча глаза.

Почему-то глаза Антипки в этот момент стали жалобными.

- Может, пакость какую сделаем? – робко спросил он, водя копытцем по полу. – Ма-а-аленькую! Курицу спортим? Очень надо!

- Так, мы никого портить не будем! – сразу обозначила я, понимая, как хочется спать.

- Ну, может, все-таки? – стал просить Антипка, глядя на меня жалобными глазами.

– Вы как хотите, а я спать! – зевнула я, понимая, что скоро рассвет.

Я обмоталась цепью, прикорнув на лавочке. Сон передумал ко мне идти, решив сходить в гости к кому-нибудь другому. Я видела зеленые глаза совсем близко, чувствовала на губах томящие поцелуи. Они, словно наваждение, окутывали меня. Я перевернулась на другой бок, звеня цепью.

- Нельзя вот так просто брать и дарить мужчинам свою любовь, - послышался во сне задушевный голос Лерочки из финотдела. – Вот представь себе! Тебе подарили дорожный телефон. Где он через пару дней после «вау! Я буду беречь его как зеницу ока»? Выпадает из заднего кармана, валяется, где попало, болтается в сумке. А если ты на трех работах работала, чтобы купить себе этот телефон день и ночь, сэкономила, как могла? Да ты с него пылинки всю его телефонью жизнь сдувать будешь! Вот так же и с мужчинами! Нельзя им дешево доставаться. Что дешево досталось, то не ценят!

- Тук-тук-тук! – разбудил меня стук в дверь. Я выпуталась из цепей и направилась к двери.

- Иду! – проворчала я, зевая.

- Тук-тук-тук! – продолжали стучать в дверь.

- Иду, говорю! – рявкнула я, открывая дверь и слыша «тук-тук-тук» об дверной косяк.

- Вам чего? – мрачно проворчала я, глядя на мужичонка, который мялся на пороге.

- Беда у меня! – заметил мужик, теребя шапку. – Сосед ко мне ночью в огород лазит. Как бы порчу на него навести! Да так, чтобы скрутило его!

- Зачем порчу? Я вам лучше оберег дам! Действенный! Оббегите двор голым с веником в руках три раза, - вздохнула я, придумывая на

ходу. – И приговаривайте: «Ой, если я тебя поймаю, то за себя не ручаюсь!».

- Хорошо! Ведьма – матушка! – вручили мне какой-то моток пряжи. Я пожалала плечами и бросила его в кучу полезного хлама. Я бы на месте соседа после такого держалась от хозяина дома подальше.

- И вот надо было меня ради этого будить? – удивилась я, глядя на то, как ветерок гонит по небу рваные тучки.

- Ой, ведьма-матушка! – послышался голос, когда я только-только закрыла дверь.

- Что? – спросила я, сонно и зябко ежась от утренней прохлады.

- Мне бы соседку спортить! – послышался голос бабы, стоящей возле окна. Говорила она шепотом, для конспирации.

- Идите с миром, она и так несвежая! – махнула я рукой. Что это ко мне все с гадостями повалили!

Я решила доспать положенное мне время, как вдруг в дверь снова постучали.

- Ведьма- матушка! – послышались завывания.

- Ее нет, она на шабаше, - проворчала я, не желая продирать глаза.

- Беда у нас! – простонали под дверью. – Икотка у нас!

- Попейте водички! – махнула я рукой, вспоминая, как целый день икала на работе. – У меня обеденный перерыв! Если я не поем, то буду жрать ваши нервы!

На столе лежала открытая книга, а на меня зелеными глазищами смотрел Хозяин Топи. Бесы отсыпались на печке, звонко храпя. Домовой ворчал что-то неразборчивое, похожее то ли на песню о любви, то ли на угрозы.

- Икотка говорю! – слышался голос на улице. – Я ее сюда привела!

- Кого? – спросила я, дожевывая хлебушек и запивая молоком.

- Икотницу! – послышался голос за дверью.

- Ну, входите, - пригласила я, чувствуя себя районным терапевтом.

В избу вошла женщина, ведущая за руку старую бабку.

- На что жалуетесь? – спросила я, не замечая, чтобы бабка икала.

- Ой, кто-то икотку подсадил! Теперь мучаемся! Присаживайтесь, матушка! – причитала, по-видимому, дочка. – К вам решили пойти!

- И где икотка? – спросила я, глядя на бабку, которая сумрачно смотрела на меня из-под кустистых бровей и обдувала пушистые седые усы.

- Кака-така икотка? Нет у меня никакой икотки! – проворчала бабка, как вдруг дернулась, закатила глаза и мужским прокуренным басом произнесла «Федор Федорович! Мое почтение!».

У меня кусок хлеба из рук выпал.

Бабка сидела с закрытыми глазами, а из нее говорил... мужик:

- А что такая красавица делает сегодня вечером?

В этот момент я икнула, подавившись хлебушком. Ик!

Глава двадцать восьмая. Федор Федорович

Глава двадцать восьмая. Федор Федорович

Бабка снова проморгалась, возмущаясь старушечьим голосом: «Пойдем домой! Неча нам тут делать у ведьмы! Тьфу ты погань!». Я была уверена, что мне показалось! Ну не может такого быть!

Но внезапно бабка дернулась и закатила глаза.

- Так значит вот она, ведьма? – послышался мужской голос.

- И вот так уже тридцать пять лет, - горестно вздохнула дочка, глядя на мать. – Он нам песни срамные поет, за девками бегать пытается... Мы его прятали, чтобы другие не прознали! А как прознают, так все! Мать со свету сживут! Сначала детским голосом говорил! Как дите малое, а сейчас вон как разговаривать стал!

- А почему к предыдущей ведьме не ходили? – спросила я, глядя во все глаза на икотницу.

Я склонила голову на бок, пытаюсь поверить собственным глазам.

- Ты сядела на лужайке с милым целовалася! И на енттой же лужайке девственность осталася! – пахабненько спел Федор Федорович, делая вид, что бренчит на балалайке.

- Пойдем отседова! На кой ты меня сюды привела? Еще сглазит! – скрипела старуха, пытаюсь встать.

- Сиди! – послышался мужской голос прямо из бабки. – Сиди, старая!

И бабка послушно плюхнулась на скамейку.

- Собирала я грибочки, мужики навстречу шли! Как же плохо, что грибочки не растут сряди зимы! – залихватски спел Федор Федорович, но тут же бабка дернулась и стала тянуть дочку за рукав.

- А ты иди! Чаво расселася! – крикнул мужской голос на дочку. – У тебя еще дома не прибрано! Матери хоть бы постель согрела!

Я сидела и не верила своим глазам. Моя старая книга шуршала страницами в поисках «икотки».

- Итак, ведьма, - послышался задушевный голос Федор Фёдоровича, пока смотрела на страницу «Икотница». – Что смотришь? Думаешь, про тебя ничего не знаю? И про тебя, и про него, все знаю!

- Да что вы можете знать? – отмахнулась я, понимая, что с икоткой почему-то на «вы». Да я тут с половиной болезнью на «вы».

- Икотку подсаживает колдун или ведьма, - прочитала я, краем глаза косясь на бабу Федор Федоровича. – Дают выпить или съесть наговоренную еду. Говорит икотка на разные голоса. Имя имеет. Спроси, как зовут – ответит. Коли у одного икотка началась, то у многих следом начнется!

- А то, что с болотником шашни крутишь, - послышался голос икотки. – И хочется и колется, как говорят!

- Да что вы такое говорите! – возмутилась я, краснея.

«Икотка может знать то, что другим не ведомо! Будущее предсказывать! Прошлое рассказывать!», - прочитала я.

- И про договор промеж вами знаю, - хохотнула икотка Федор Федорович. – Срамной, который... Обманула ты его...

- Тише, - выдохнула я, глядя на спящих бесов, которые не в курсе, откуда берутся дети и магическая сила.

- А что тише? Опасную игру ты затеяла, ведьма, - послышался голос Федор Федоровича. – Решила самого хозяина Топи обмануть! Я еще удивляюсь, как он тебя на месте не прибил за такие фортеля! Другим и меньшее с рук не сходило, а ты еще жива ходишь!

- Если вы такой умный, то скажите, за что болотник на деревню взъелся? – спросила я, глядя на то, как бабушка дергается и закатывает глаза. Ее сухонькая рука цеплялась за скамейку.

- Как за что? Есть быличка одна. За что купил, за то и продам! Это ж его деревня родная! Давным-давно это было. Родился он то ли осьмым, то ли девятым в семье, где семеро по лавкам. Вот мать с отцом не рады были! Лишний рот! И понесла его мамка топить на болота, - произнес икотка. – Положила на кочку, а сама в лес деру дала. А мальчонка болотнику приглянулся. Он его себе забрал. Стал золотом- серебром прельщать, а дите все плачет, к мамке просится. Болотный и так, и эдак, а тот все к мамке ручки тянет. А мамку по пути совесть замучила. Вернулась она за дитем, а он лежит себе на берегу, а вокруг него сокровища рассыпаны. Мамка в подол нагребала, чуть про дите не забыла. Снесла она все домой. Стали жить- поживать, да дите

мать что-то невзлюбила. Говорит, что нечистым стал. Да и он шатался по деревне, как неприкаянный. Говорят, силу имел нечистую. Все его болотником дразнили. А он все на болота уходил. Подальше от обид и насмешек. И однажды не вернулся.

Я сидела, словно мешком пыльным прибитая.

- А за что он деревне мстит? – спросила я, глядя на Федор Федоровича.

- А я почему знаю? – ответил Федор Федорович, пока бабку корезило на скамейке.

Я опустила глаза в книгу, читая старинный заговор.

"Икота, икота, перейди на Федота, С Федота на Якова, С Якова на всякого, А со всякого, И с Федота, и с Якова уходи ты икота, к себе на болота. Поклонись ты тине в глубокой трясине»

Значит, икота пришла с болота. Надо будет у бесов спросить. Только спят они.

- А сам-то ты, как в бабке оказался? – спросила я, листая книгу.

- Сам не ведаю! Может, бабка ведает! Но мне не говорит. Оказался и оказался! Рос я в ней, и вон каким вырос! – слышался голос Федор Федоровича. – А бабке помирать скоро, вот я и потребовал ее к тебе отвести! Поговорить я с тобой хотел! Бабке уже срок вышел, а мне бы с ней не хотелось! Подыщи мне хозяина нового. Или хозяйку грудастую! А иначе я всей деревне про тебя расскажу! И про тебя, и про болотника!

- Да кто тебе поверит? – настороженно спросила я, глядя на сомнительную личность.

- Да мне все поверят, - усмехнулся Федор Федорович. – Не к тебе же по ночам тайком бегают? Про вещи потерянные спрашивают, да про будущее узнают? Постучатся ночью в окно. Притаятся и спрашивают, что надобно! И про любовь тоже спрашивают! Любит али нет! И ведь никогда не ошибался!

- Так ты все знаешь чувства других? – заинтересовалась я, глядя на Федор Федоровича.

- А что тут не знать? Про тебя же всю правду сказал? – усмехнулся он, пока бабка дергалась на скамейке и сучила ногами. – В книге твоей картинка есть одна. Как видишь ее, так сердце екает! Ну, что не так молвил?

- Хорошо, скажешь, что болотник ко мне чувствует, - закусила я губу, поражаясь, что вообще осмелилась на такое. – И тогда подыщу тебе тело!

- Э-не! Ты для начала узнай, как я в бабке появился, - добавил Федор Федорович. – Вот тогда я и тебе правду скажу про чувства твоего болотника. А то самому уже интересно! Про всех ведаю, а про себя ничего! Ну все, даю тебе бабку! Выспрашивай у нее!

Глава двадцать девятая. Нет худа без добра

Глава двадцать девятая. Нет худа без добра

- погоди! – возмутилась я, глядя на бабку, которая закатив глаза, сползала по скамейке.

- Что «погоди»? – усмехнулась икотка, поймав меня на крючок. – Ты узнаешь, как я в бабке очутился, я говорю тебе про чувства болотника. Ты находишь мне новое тело, а я никому не рассказываю, кто тут с болотником по ночам на болотах целуется и ... погоди... Так ты еще камень защитный сдвинула? О, теперь тебе точно не сдобровать, если деревенские узнают!

- Ах ты... Шантажист! Мог бы и по-хорошему попросить! Но нет же! - зашипела я, беря в руки книгу.

- По хорошему я сказать могу, что камень - ерунда! Болотник твой чары наслат кой-какие может. А вот сам в деревню войти не может! Пока не пригласят его! И не важно, ты ли это, или кто другой! – усмехнулась икотка.

– Ну что ж, держись, плесень! Икота-икота, перейди на Федота! – стала читать я, поглядывая на икотницу.

Я читала заклинание, чувствуя, как по избе сочиться магия.

- ... поклонись ты тине в глубокой трясине! – выпалила я, решив, что старая добрая ромашка для гаданий как-то побезопасней будет!

- Ась? – услышался голос бабки. – Че случилось? Где дочка?

Бабка опомнилась, а я отряхнула руки, видя, что бабка со скрипом встает. Внезапно бабка дернулась, а из нее услышался знакомый голос.

- Эм... - зевнула икотка. – Этот заговор уже лет двести, как не работает! Да нет, вру! Триста!

- Что? – спохватилась я, случайно разбудив бесов. Кто-то шмякнулся с печки.

- Помни про наш уговор! Даю тебе время до полуночи! – произнесла икотка, которая тут же пропала.

- Что там? – перепугались бесы, а я обессиленно упала на скамейку.

- Икотка, - мрачно ответила я, глядя на то, как бабка озирается по сторонам, пытаюсь сходу понять, где она находится.

- Бабушка, - улыбнулась я, чувствуя, как нервы гудят натянутыми струнами. – Я только что говорила с вашей икоткой!

- Нет у меня никакой икотки, чур меня! – прошамкала бабка, направляясь к двери.

- Наведи на бабку порчу какую-нибудь! Чтобы три шага за порог, и все! – послышался голос Антипки. Я обернулась, не ожидая от него такой кровожадности. Анчутка с удивлением смотрела на Антипку. С ним что-то не так! То он гадости предлагает, то теперь порчу!

Бабка, заслышав про порчу, тут же молодой и резвой ланью метнулась за дверь.

- Вот что ты наделал! – уперла я руки в боки, глядя на Антипку. – Вот зачем ты бабку пугал!

- А! Он пугал ее, чтобы икотка вышла! Правда, Антипка? – с надеждой посмотрела Анчутка. – Правда? Икотку-то можно испугом вывести! Только сильным! Правда? Да?

Тот отвернулся и что-то пробурчал.

- Отстань! – буркнул он, оттолкнув от себя Анчутку. И я поняла, что дело не в испуге.

Я расслышала что-то вроде: «Гадости делать не дают! Порчу мы ни на кого не наводим!».

- Антипка! Ты куда! – крикнула Анчутка, когда тот испарился на месте, оставив после себя черный дым. – Постой!

- Какая муха его укусила? – удивлялась я, осматривая избу и садясь на лавку. – Что с ним такое?

- Гадостей захотел! Он же бес! – вздохнула Анчутка, приваливаясь ко мне. – Он ведь вернется, да?

- Вернется, - вздохнула я, глядя маленькие рожки. – Я надеюсь... А раньше с ним такое было?

- Не помню! Может, и было! Ой, как бы гадостей он не наделал, - вздохнула Анчутка. – А то он мне про эти гадости уже два дня рассказывал! Я однажды слыхала от бабушки, что сделав гадость один

раз, потом еще хочется... Я, например, гадости ни разу не делала. И не хочу! А Антипка делал! Еще до бабушки! Ведьма злющая была, говорят! До сих пор на деревне ее помнят!

- Помогите! Спасите! – послышался отчаянный крик на улице. Мы с Анчуткой вскочили, бросаясь к двери. – Помогите!

Мимо нашего дома пронеслась раздутая баба, похожая на хомяка.

- На меня кил насажали! – визжала она, несясь напрямиком на нас. – Не иначе твои происки, ведьма!

- Я вообще не знаю, что такое килы... - дернулась я, успев закрыть дверь. Так, меняем график работы. С шести до шести ноль одной! С обеденным перерывом! Мамочки!

- Кто-то всю скотину испортил! Видали, что теперь моя корова вместо молока дает? – слышался далекий крик, пока я подпирала двери, а Анчутка таскала хлам.

- Домовой! Ты что сидишь! Защищай избу! – кричала я, слыша еще один визг: «На поле пять заломов! Батюшки!», - визжала какая-то бабка. – «Сама видала!».

- У меня грыжа! – кричал мужик. – Ой, как скрутило! Порча! Грыжа!

- У меня куры петухами запели! – перебивал женский голос. – Это все она! Ведьма проклятущая!

- Что это они все на меня взъелись? – запереживала я. – Неужели с другими ведьмами они так же себя вели!

- Всегда так! – вздохнула Анчутка, помогая мне держать оборону. – В глаза «ведьма – матушка», а за глаза «карга старая, тьфу!».

- Но ведь без ведьмы деревня загнется! – спорила я, слыша на улице крики и вопли. – И они это понимают!

- Да они и друг про друга такие гадости говорят. Просто ты не слышишь! – пожала плечами Анчутка. – Это ж деревня! Скучно им!

- Как разгребать все это будем? – с ужасом спросила я, глядя на пушистого бесенка.

- Надобно Антипку изловить! – шмыгнула пяточком Анчутка, глядя на меня несчастными глазами. – Только он не дастся! Беда-беда-а-а!

Она забегала по дому, пока я отходила от завала и ныряла за печь.

- Иди сюда! Защитник дома! – схватила я домового и потащила к завалам. – Держать оборону! Как хочешь! Понял? У нас сегодня день

защитника отечества! Печка – твое отечество! Вот и защищай!

Домовой только хотел юркнуть обратно, но я его снова отловила.

- Итишь ты! – шипел домовой прямо по кошачьи, пытаясь меня укусить.

- Ай! – отдернула я руку.

Анчутка сидела и листала книгу, нервно дергая хвостом. С хвоста скатился на пол браслет! Но домовой уже был за печкой. Шустрый какой!

- Вспомнила! Задобри его! – запищала Анчутка, пока я растеряно бегала по дому.

- Как?! – крикнула я, вспоминая дедушку. По опыту общения со стариками, я знала. Им многого не надо. Очки, плед, пульт... Что ему еще надо? Могу на табуретку залезть и песенку спеть! И рисунок нарисовать! Это корова, это дедушка. Смотри, не перепутай!

– Покорми его! А то слабосильный он! – пискнула Анчутка.

- А чем кормить? – паниковала я. – Чем домового кормят? Где здесь можно купить специализированный корм для старых и немощных домовых с витаминами?

- Бабушка ему мисочку наливала с молоко и хлебушек клала, - листала книгу Анчутка, роня с хвоста браслеты. – И за печку ставила!

- Хорошо! – неслась я, расплескивая молоко. – Кушай, домовой!

Внезапно домовой высунул нос, посмотрел на меня и вздохнул.

- Вот так бы и сразу... Эх! – послышался скрипучий голос. Миска и хлеб исчезли под печкой.

- Смотри! Что я нашла! – скакала ко мне Анчутка, неся книгу. – Вот! Бабушка этот заговор использовала, когда нам избу сжечь хотели! Мигом все по домам юркнули. Еще долго бабку боялись!

- А что это? – прошептала я, держа книгу на весу. За окном уже собралась толпа фанатов, требуя, чтобы я оторвала свою звезду от лавочки и явилась к ним на растерзание за все приключившиеся беды.

- Бабушка читала! Явился такой большой-пребольшой! – развела руками Анчутка. – Всех перепугал! Даже мы перепугались!

- Хорошо! Сейчас попробуем! – вздрогнула я, слыша, как за окном орут: «Жги, проклятушую!».

Глава тридцатая. Я милого узнаю, а по походке!

Пока вокруг моей избушки водила хоровод целая деревня с криком «Ведьма, зажгись!», я лихорадочно читала то, что принесла

Анчутка.

- Оно точно сработает? – спросила я, глядя на ритуал. Книга в руках дрожала, пока я пыталась сообразить, что делать!

- Вот! – пищала Анчутка что-то собирая по дому.

Внезапно дверь чуть не поддалась, но тут же резко закрылась, отменяя от нее всех желающих поквитаться с ведьмой! На печи сидел домовый, отряхивая руки.

- Долго не протяну! – закатал он рукава рубахи.

- Ты про себя или про ситуацию? – спросила я, пытаюсь насыпать солью круг. Была такая примета. Соль рассыпать – в ссоре! Так вот, ссора есть, а соли нет.

- Если не получится, то уходить отсюда надо! – пищала Анчутка, бегая туда – сюда и выглядывая в окно. – Гляди, нам уже все тут поносили!

- Да тише ты! – прошептала я, раскладывая травы, как было написано в книге.

- Ой, дом снесут! – пищала Анчутка, наворачивая вокруг меня круги. – Ничего не останется! Пепелище!

Мои руки вспыхнули зеленым светом, на кончиках пальцев загорелась магия, но так ничего и не произошло. Где этот огромный, мохнатый защитник? Где пушистый вышибала? Где все это? Может, я все неправильно делаю?

- Уходим, уходим отсюда! Быстрее, ведьма! В лесу избушку построим! С Лешим договоримся! В лес они не сунуться! Кому надо, те найдут! – дергала меня перепуганная Анчутка, пока на улице слышались крики: «Дверь подоприте!».

Я отмахнулась, пытаюсь найти ошибку. Может, я что-то делаю не так?

Краем глаза я видела, как бегают туда-сюда домовый, собирая хлам.

- Приди, призываю, ворота открываю... - бубнила я, слыша, как обозлились на меня люди за проделки Антипки. – Путь тебе – дорожка...

Так, главное не сбиться! Руки вспыхнули, травы полыхнули магическим огнем, но никого не было.

- Кто видал лопатку? – бегал домовый, собирая вещи. – Очень нужна!

- Лопатка, лопатка... - нервничала я, в надежде, что огромный защитник глуховат или выбирает дубину покрепче.

- Чья? – спросила Анчутка, бегая по дому со звонким цоканьем. – Лопатка!

Я тоже окинула взглядом дом.

- Не видали? – спросил домовой, доставая что-то из-за спины. – Так посмотрите! Глядите, какая красивая! Прямо любо- дорого! А ты ее еще выкинуть хотела!

- Тьфу ты! – выдохнула я.

- Куда подевалась половина вещей? – топал ножками домовой, собирая узелок с заплаткой. – Если что, я переезжаю от вас! Избу новую присмотрел! Заброшенную! Буду завывать там! А куды подевались вещи?

- Так снесли их себе под домам! – послышался голос Анчутки.

- Ну, и где защитник? – паниковала я, а мне все мерещился запах горелого. – Чего не является?

За домом послышались крики. Прильнув к окну, я увидела, как люди разбегаются кто куда.

- Тук-тук, - послышался стук в дверь, пока мы переглядывались.

- О, какой интеллигентный, - замерла я, не решаясь открыть дверь. Домовой уже собрал узелок и пытался засунуть в него чье-то копыто.

Дверь со зловещим скрипом открылась, заставляя всех замолчать.

- Итак, - послышался знакомый голос Хозяина Топи.

- Здравсте, - подняла брови я, глядя на зеленый плащ, похожий на кочку, который стелился по полу. На всякий случай я ухватилась за стол. Вот такой вот сногшибательный мужчина со сногшибательным выражением лица: «Не ждали?».

- Ну, здравствуй, - поздоровался болотник, улыбаясь. – Разве так встречают дорогого гостя!

Нервные клетки закивали. Гость им очень дорого обходился. Они уже готовы были выставить ему моральный счет и требовать компенсации.

В избе было тихо.

- Эй, домовой... - позвала я, осматриваясь по сторонам. Но запечный вахтер, видимо, уже слинял, бросив часть честно нажитого имущества на произвол судьбы.

Я опомниться не успела, как вдруг меня схватили и дернули на себя, страстно целуя в губы. Сердце екнуло, колени прогнулись, а я робко ответила на поцелуй, чувствуя запах сырости и трав.

- Ой, - запоздало пискнула я, чувствуя вкус поцелуя на губах.

- Как же ты гостя дорогого встречаешь? - послышался тихий голос, пока меня прижимали к себе, поглаживая рукой.

На улице было тихо.

- Ве...! – пискнула Анчутка, глядя на меня перепуганными глазами.

- Брысь! – послышался резкий голос Хозяина Топи. Анчутка бросилась ко мне, пока я приходила в себя от поцелуя, во время которого забываешь даже, как тебя зовут!

- Ведьма... – перепугано шептала она, пока я смотрела в зеленые глаза и чувствуя, как мир перестает существовать.

- Малыш, погуляй немного...., - прошептала я, словно повторяя чужие слова. В голове все звенело, покрывалось туманом, а я запрокинула голову, принимая еще один глубокий поцелуй.

Когда я очнулась, на дрожащих ногах ковыляя к скамейке, Анчутки уже не было.

- Ты... ты зачем сюда явился? – хрипловато спросила я, пытаюсь унять свое сердце.

- Скучал по тебе, - улыбнулся болотник, снова целуя меня, так и не дав мне опомниться от предыдущего поцелуя. Ох, мамочки! – Все думал о тебе, ведьма... Понравились ли тебе мои подарки?

- Ну ... как бы... - замялась я, глядя на разбросанное по полу золото. Сознание туманилось, а я чувствовала, как меня укладывают на скамейку. Даже сквозь рубашу я чувствовала его поцелуи,жигающие мою грудь. Я кусала губы, глядя в потолок, пока руки сладострастно обвивали его шею. Сердце замирало, боясь спугнуть свое счастье.

- Как же я люблю тебя, - шептал голос, бальзамом разливаясь по влюбленному сердцу. Такое чувство, словно это сон! И нежные руки – сон, и губы – сон и этот шепот на ушко – тоже сон...

- Может, стол накроешь, хозяйюшка? – спросил голос, давая мне мгновенье между поцелуями, чтобы опомниться.

- Чем? – спросила я, дернувшись, словно от наваждения. - Могу накрыть стол только матом. И намазать обещания на хлебушек. Больше ничего нет...

- Ну как же нет, хозяйюшка? – послышался голос, а я ловила себя на мысли, что расстилаю саван на манер простыни. В ночной избе было тихо. Только скрип половиц и дыхание на ухо. Меня обнимали сзади, пока я расправляла руками скатерть.

«Что-то здесь не так!», - кольнуло сердце. Но стоило рукам развернуть меня, а губам припасть с поцелуем, как я тут же забывала про этот укол тревоги, растворяясь в чужом дыхании.

Тело почему-то становилось таким слабым, таким мягким, таким податливым. Я чувствовала себя тряпичной куклой в руках ...

«Оберег!», - пронеслась в голове мысль. – «На мне же оберег от болотника! А он ко мне прикасается! Брусничные бусы! Оберег!».

Я дернулась, слыша, как в голове гудит одно слово «оберег!». Словно во сне, почти ничего не чувствуя, я попыталась снять чужую руку со своей талии...

- Что такое, любовь моя? – слышался шепот. – Что такое?

- Аааа.... – замерла я, забыв, что хотела сказать. Мысли перепутались, а я стояла, пытаюсь поймать хоть одну.

- Что не так, сердце мое? Что не так, душа моя? – слышался звенящий шепот, пока ноги подкашивались от слабости. – Что тебя так встревожило?

- Я... эм... - сглотнула я, глядя ему в глаза и чувствуя, что забыла о чем-то важном. Голова кружилась, ноги едва держали меня, как вдруг....

Дверь открылась! На пороге стоял Хозяин Топи. За ним стояла Анчутка, рыдая и глядя на меня виновато!

- Что? – удивилась я, глядя на двух одинаковых болотников.

Глава тридцать первая. Да ну тебя в болото!

Либо у меня в глазах двоится. Либо Хозяина Топей и здесь и там передают. Они казались мне абсолютно одинаковыми, но тут я опустила глаза вниз, видя, что под болотником, который держал меня за талию, была видна какая-то серая дымка, прикрывающая копыта.

- Ой! – пискнула я, пытаюсь сконцентрироваться, но руки так и не зажглись. Зато «болотник» посмотрел на меня красными горящими глазами.

- Признала, ведьма? – усмехнулся он. – Думал, что так и оставлю? Помню я, как ты из бани меня выперла! Никогда не забуду! Так что

сейчас сочтемся. А ты, не вмешивайся! Есть у меня с ведьмой разговор один незаконченный!

- Это – моя ведьма, - слышался голос болотника, когда я пятилась, пытаюсь понять, куда делась моя сила. И почему руки горят едва-едва.

- Да брось! Мы с тобой уже тыщу лет друг друга знаем! Станем ли мы за девку какую-то ругаться? – усмехнулся Нечистый, обрастая черной шерстью. – Сам же говорил, что ненавидишь ее!

Я вспыхнула, глядя на болотника, который стоял в дверях. В ответ мне усмехнулись.

- Это – моя ведьма, - повторил он, а его глаза загорелись зеленым светом.

- Да полно тебе! – слышался смех нечистого, от которого я пятилась.

- Прости, что болотника в деревню позвала! - бросилась ко мне Анчутка, обнимая маленькими ручонками. – Ой, наделала я делов! Но Антипки нет, а я бы сама не справилась! Я же еще маленькая! Вот и...

- Ничего, - успокаивала я ее, глядя на то, как две фигуры стоят друг напротив друга. Анчутка вжалась в меня, тихо всхлипывая.

- По-моему, я четко обозначил, - слышался зловещий голос болотника.

Я смотрела на них, понимая, что сейчас останусь очень бездомной ведьмой, ведь моя несчастная избушка не переживет такого мордобоя. Где-то внутри растекалось сладкое: «Он за меня заступился...».

Вызывали заступника, а теперь мне нужен заступник от заступника! Дожили!

- Так что? Это к бабке нечистый приходил? – спросила я, глядя на бесенка.

- Да, он ей силу давал, - вздохнула Анчутка, прячась за меня.

- У них силища – ого-го! – пискнула Анчутка, пряча лицо в ладошках.

- Далась тебе эта ведьма! – взревел нечистый, пока его рога царапали мой потолок. Из потолка сыпалась труха и солома. Вокруг него полыхнуло алое пламя, словно очерчивая круг.

- Ой! – пискнула Анчутка, переворачивая стол. Мы сидели в засаде, изредка высовываясь на страшный грохот.

- Ах! – пискнула я, чувствуя себя обессиленной.

- Он у тебя силушку забрал. Но ничего, скоро сила сама вернется,
- утешала меня Анчутка, пока я была уверена, что еще один такой магический взрыв, и мы переедем к домовому! Вот интересно, где он! Ой! Мне что? Печь снесли?

Я высунулась, видя, как зеленая магия разбивает алуя, а болотник улыбался, закусив губу острыми зубами. Сердце то нервно стучало, то сладко вздрагивало, когда я понимала, что он все-таки пришел на помощь.

- Наши бьют! – высовывалась Анчутка, чтобы тут же спрятаться за стол. Потом она снова высовывалась и засовывалась обратно. – Теперь наших бьют! Ой, и снова наши!

В стену врезался зеленый луч, заставивший меня поджать ноги и прижать к себе книгу.

- Ииии! – запищали мы, когда над нашими головами рассыпался сноп красных искр.

- Кукареку! – заорал хриплый петух, возвещая рассвет. В этот момент в избе раздался взрыв магии, вынесший окно и половину стены. – Кукареку!

- Мамочки! – пищали мы с Анчуткой, обнявшись под прикрытием стола.

В избе вдруг стало тихо-тихо.

Мы переглянулись и стали выбираться из нашего убежища. Старинный ведьмин стол почти обуглился, на печи виднелись сколы, обнажавшие старый кирпич. На полу лежало... Ой!

Я вышла, не видя ни болотника, ни нечистого.

- Фу! – скривилась я, замечая на полу навоз. Мне очень хотелось верить, что его оставил тот, кто обладал копытами.

– Ой, фу! – скуксилась Анчутка, рассматривая навоз на полу, а потом глянула на свой хвост. – Бе!

Я не поняла сначала, а потом увидела, что вместо золота у Анчутки на хвосте прилип все тот же навоз. Все золото, которое было в доме, превратилось в результат хорошего конского завтрака. Вот тебе и девальвация любви!

- Отлично, - прокашлялась я, присаживаясь на обугленную скамейку. – Просто замечательно! И? Кто победил?

Может, со стороны казалось, что я говорю спокойно, но на самом деле, сердце заходило в груди при мысли, что победил рогатый. Мне

стало страшно за болотника, но я не знала, что делать! Может, попробовать его разыскать? А вдруг он ранен? Вдруг с ним что-то случилось?

От дома ведьмы остались одни воспоминания. В проломленную стену уже заглядывали жители деревни, а я чувствовала, что только что избрела телевизор!

Я смотрела на любопытных жителей, которые уставились на меня.

- Гвоздь забивала! – заметила я, нехорошо сощурившись. – Стена рухнула!

Деревня глазела на меня, позабыв обо всем!

- Надо найти болотника, - прошептала я, глядя на Анчутку. Та всхлипнула и добавила: «И Антипку!».

Я вышла из дома, чувствуя, что силы во мне почти не осталось! Зато над деревней занималось утро. Даже листва на деревьях была словно измазана малиновым вареньем.

- Я на болота! А ты ищи Антипку! – спешила я, ускоряя шаг. Сердце замирало при мысли о том, что с любимым что-то случилось! При мысли о том, что я могу его потерять, я чувствовала, что люблю эту зеленоглазую тварь. Вот как умею, так и люблю!

Ускорив шаг, я уже раздвигала ветки деревьев и ломилась напрямик через кусты туда, где квакают лягушки. Мне казалось, что каждая ветка норовит меня зацепить. Да что сегодня за день такой! Запах болота, звон комаров и бульканье возвещало о том, что я скоро буду на месте!

Мне казалось, что если с ним все в порядке, я сама брошусь ему на шею! Обниму его и поцелую! Только бы с ним было все в порядке! Только бы было все в порядке!

Перед глазами мелькал поединок, от которого у меня волосы дыбом становились!

- Только бы все в порядке! Только бы все в порядке! – умоляла я, пробираясь к болотам.

Заслышав любимый голос, я бросилась бежать быстрее, чувствуя, как ветки оставляют ссадины на теле. А вдруг они еще сражаются?

Я вылетела из кустов, готовая в любой момент спасти, как вдруг...

- ... а потом, - послышался смех Хозяина Топи. - Он ступает на кочку, а я его за ногу вниз!

- Ха! – послышался рев Нечистого. – Я тебе еще и не такое расскажу! Твой ход! Я отбился!

- Что?!! – опешила я, видя, как эти двое сидят на двух кочках и играют...в колдовского дурака, выкладывая карты на третью.

- Отбой! – рассмеялся Хозяин Топей, как вдруг увидел меня.

- Значит, я тут.... – задыхалась я, чувствуя, что любовь улетучивается. – А ты... Я думала, что ты ранен... А ты....

- Так, дружище! – усмехнулся болотник, глядя на огромного волосатого Нечистого, который зевнул страшными клыками и почесал копыто об копыто.

- Значит, я тут извелась! – кричала я, пробираясь по болоту в сторону того, кого сейчас задушу собственными руками. – Я тут переживала! Нервничала! Все сердце себе порвала! Думала, что с тобой что-то случилось!

Я бросилась на болотника, пытаюсь его задушить. У меня, между прочим, накопилось столько страданий, что я уже не собиралась отказываться от первоначального плана оплакать его тело!

- Я тут тебя случайно проиграл! – усмехнулся Хозяин Топей, смеясь, бросая сразу две карты на замшелую кочку. - Теперь пытаюсь отыграть обратно!

- Ах, ты! – заорала я, чувствуя, что если и буду истреблять нечисть, то начну с него! – Ты на меня еще в карты играл!

Я знала, что он ничего мне сделать не сможет, пока на мне бусы-оберег, как вдруг...

Меня схватили за руку, глядя с улыбкой. Зеленый глаз покосился в сторону Нечистого, а свободная рука положила сразу два козырных туза на замшелую кочку.

- Я выиграл! – усмехнулся болотник, хватая меня двумя руками.

Я опустила глаза на свою грудь, видя, что оберега на мне нет! Как так? А где оберег? Я что? Его в лесу потеряла? Да нет, не могла!

- Спасибо, Леший, что снял с нее оберег! – рассмеялся Хозяин Топей, пока нечистый зыркал на меня нехорошим взглядом. – Век не забуду!

- Я думала, что вы сражаетесь ни на жизнь, а на смерть! – выпалила я, теряя остатки самообладания. – Я думала, что тебя убили!

А ты тут в карты играешь! Пусти! Пусти меня! Больше знать тебя не желаю! Пусти!!!

Я взвизгнула, чувствуя, что отпускать меня не собираются.

- Вот скажи мне, - прошептал голос, пока я стояла по пояс в болоте. Одна рука сжимала мои руки, а вторая гладила мою шею. – Ты целовалась с ним?

- Нет! – рывкнула я, все еще пытаюсь вырваться.

- Тогда как же он у тебя силу твою забрал? – слышался зловещий шепот. Хозяин Топи уже не смеялся. Впервые в жизни я почувствовала в его голосе страшную ревность.

Когти смяли мою рубашку, пока я косилась на Хозяина Топей.

- Задушил бы тебя, - шептал голос в моих волосах, целуя мою макушку. – Задушил бы... За каждый поцелуй его задушил... Ничего, силу я твою отыграл...

- Пусти, - прошипела я, обещая себе забыть его раз и навсегда!

- А он на тебя глаз положил, - слышался шепот, а я исхитрилась и почти вырвалась из объятий, но меня тут же схватили за рубашку, разворачивая к себе лицом. Я стояла, сложив руки на его груди, словно хочу оттолкнуть его.

- Иди сюда, - слышался шепот. Я только увела лицо, как вдруг мой подбородок обхватили острые когти и медленно повернули к своему лицу, заставив смотреть в бесстыжие глаза. Из полукрытых губ Хозяин Топей стелился зеленый дым. - Поцелуй меня сама...

- Нет, - дернулась я, видя, как сочится магический яд, и как жадно смотрят на меня его глаза. – Не заслужил!

- Не хочешь? – шептали мне, окутывая ядом. – Значит, силы тебе не видать! То, что осталось, то – твое!

- Хорошо, давай, - мрачно буркнула я, вспоминая, что меня там целая деревня ждет!

- Цену ты помнишь, да? – слышался голос болотника, а я тут же оттолкнула его. Ну и крепко же я обиделась!

- Да ну тебя в болото!!! – крикнула я, отвешивая его улыбающемуся лицу смачную пощечину и выбираясь на сушу. Выжав рубаху, я гневно зыркнула в сторону смеющегося Хозяина Топи, который привалился к кочке.

Нервно выжав рубаху, я вздохнула и направилась в сторону деревни.

Сколько осталось силы, столько пусть и будет! Зато никому ничего не должна!

Я вышла в деревню, видя, что возле моего дома снова собралась целая толпа.

Глава тридцать вторая. Полевая дискотека

Глава тридцать вторая. Полевая дискотека

- Помоги-и-и, матушка! – слышались стоны. На меня смотрели кривые, косые и скрюченные жители деревни.

- Так, что у вас? – спросила я, выдыхая. Как вдруг ко мне подлетела Анчутка.

- Нашла? – спросила я, в надежде, что хоть ей повезло!

- Не-а! – всхлипнула она, размазывая слезы. – Иххх! А ты? Ранен?

- Еще нет, но если встретится еще раз, будет! – пообещала я, для чего-то открывая дверь в избу, хотя спокойно могла пройти сквозь стену, как привидение.

- Грыжа, кила, грызь, курей всех... - загалдела деревня, пока я открывала свою книгу. – Вон как скрутило! Корова сдохла!

- Так, спокойствие! – скомандовала я, с тревогой поглядывая на лес. Мысль о том, что между нами все кончено, заставила меня шумно вздохнуть.

- Это как так-то? – запричитала деревня. – Сама делов наворотила!

- По одному! – рявкнула я, выталкивая народ из дыры и ставя тяжеленный стол на манер регистратуры. Впрочем, идея хорошая! Почему бы не завести карточку порч и проклятий на каждого?

Очередь волновалась, грызлась, ругалась. Проворные бабки лезли вперед, осыпая всех отборными проклятиями.

- Я только спросить! – рявнула бабка, ломая клюку о скрюченного парня.

- Митришна! Вы что себе позволяете! – ругалась с ней какая-то баба, уперев руки в боки.- А ну марш в конец!

- Простипома! – редела Митришна, обещая устроить конец света и врываясь в избу.

- Так! Так, с грыжей сюда! С килой – сюда! С коровами и курами пока по домам! Воскрешать не умею! – рявкнула я, тут же открывая дневной стационар.

- Куры сдохли! – причитала Митришна, пока я терпеливо слушала ее. – Что делать?

- Так, записывайте рецепт! – голосом врача произнесла я. – Вам нужен чеснок. Можно сметанку. Натираете курицу чесноком, обмазываете сметаной!

- И че? Поможет? – с надеждой спросила бабка. – Курица воскреснет?

- Нет, но будет очень вкусно! – усмехнулась я. – Я же сказала! С курами – по домам! Тут только больные!

На лужайке стонали и кряхтели, пока я ходила и сводила грыжи. Силы были на исходе, солнце уже клонилось к закату, пока я шаталась от усталости. Если бы не Анчутка, то я бы не справилась. Она бегала и собирала по дому сушеные травы и готовила мази для заговоров. Она же приносила мне всякие нужные вещи, на которые и которыми сводились проклятые порчи.

Той капельки силы, что осталось, кое-как хватало, чтобы подлечить. А остальное делали запасы трав, которые таяли на глазах.

- Это на болото придется идти! – причитала Анчутка, неся мазь. – Все! Кончилась!

Под яблоней у меня сидела и лежала травматология, получившая ссадины и переломы средней тяжести в «больничной» очереди. Я сжала повязки и миску с травами, и сделала шаг, превращаясь в «травмотолога».

- Так! Кому примотать травки к больному месту? – спрашивала я, глядя на стонущих бабок и других пришибленных. – Куда тянешь! Эта у тебя здоровая!

Где-то в районе забора у меня разместились воющая «торопия», состоящая преимущественно из бабок, требующих, чтобы я поторопилась. Иначе помрут!

Вдоль стены ныла и ощупывала свои нарывы «нихирургия», на которую я даже боялась смотреть.

- Не могу понять, или у вас лицо такое изначально было, - прищурилась я, сдирая компресс с очередного лица. – Или мне кажется, что не помогло?

Возле колодца ухали два мужика, получивших в неравной борьбе с бабушками травмы, не совместимые с будущей жизнью в компании многочисленных детей и внуков.

Я глянула на очередной нарыв, превращаясь в доктора «какулиста».

- Ой, мамочки! – прищурилась я, намазывая его травами. – Так, ты у нас мальчик или девочка? Ладно, пройдет, само определишься! Следующий!

Как вдруг до меня донесся разговор.

- Иду, значит, я в поле! А там бес сидит и заломы делает! – послышался голос.

- Я тоже его в поле видал! – встрял в разговор какой-то дед. – Бегает по полю, полуденица его побери! Иногда ходит и буровит что-то: «Стыдно мне, стыдно! Не вернусь!».

- Антипка, - послышался голос Анчутки, а она выронила миску. – Он в поле! Вот почему я не могла его в деревне найти! Он в поле прячется! Ему стыдно, вот поэтому он домой не идет!

- Так, граждане отдыхающие! – выдохнула я, вытирая об старую тряпку руки. – Лежим, загораем! Как полегчало – расходимся!

- Пойдем! Быстрее! – скакала Анчутка, а я смотрела на солнце, стоящее почти в самом зените. Ничего себе, сколько времени прошло! Я что тут? Сутки мучаюсь? - Нужно забрать его поскорее!

Мы мчались через всю деревню к золотистому полю, в центре которого на маленьком зеленом островке росла одинокая береза. Она грустно качала ветками на ветру, а при свете дня, листья казались серебристыми.

- Антипка!!! – кричала Анчутка, подпрыгивая и высматривая любимого. – Миленький! Вернись!

- Мы все простим!!! – кричала я, понимая, что без опытного Антипки нам не справиться. А потом тише добавляла. - Но звиздюля ворвем!

Мы застыли посреди пшеницы. Все вокруг, казалось, сделано было из чистого ослепительного золота.

- Ой, мамочки! – потрогала я макушку, на которой можно было жарить яичницу. – Антипка! Вернись!

- Гляди! – ткнула мохнатой лапкой Анчутка. Я склонилась, видя странную закрутку из колосков. Стоило мне присмотреться, как я увидела тьму, растекающуюся от закрутки.

- Стоит человеку или скотине прикоснуться, как все! – выдохнула Анчутка, трогая закрутку лапкой. - Или болезнь нападет страшная! А

если съешь хлеб с этого поля, то можешь заболеть или умереть! Значит, он где-то рядом!

- Антипка! – крикнула Анчутка, подпрыгивая, чтобы что-то разглядеть среди пшеницы.

Я почувствовала, что надо мной нависла тень. Она стояла позади меня, а я осторожно оборачивалась.

- Ой! – шарахнулась я, едва не присев на Анчутку. На меня смотрела высокая страшная женщина в свадебном платье. Она была похожа на высохшую мумию с впавшими глазами.

«Я на обычных мужиков не размениваюсь!», - промелькнуло у меня в голове, когда я разглядывала старинное свадебное платье. «А часики-то тикают!», - снова пронеслась шальная мысль, когда я увидела на голове у невесты веноч. «Часики тикают, кукушка едет!», - согласилась я, делая шаг назад.

Нет, мне-то чего бояться? Я как бы не мужик...

В руках у невесты был острый сверкающий серп.

«Согласна! Очень надежное средство для ловли мужика! Сразу видно, что дама настроена на серьезные отношения!», - подумалось мне, а я решила взять его на заметку, вспоминая вереницу всяких деревенских лягушек, бегающих на болота.

При мысли о болотнике, мне стало неприятно. Кажется, мы уже никогда не помиримся! Так что придется забыть о нем раз и навсегда.

- Что? Совсем мужик не ловится? – спросила я, чувствуя, как за мою руку цепляются маленькие ручки Анчутки. – В деревню даже не ходи! Там вообще смотреть не на что! А на болота пойдешь – голову оторву!

- Ты что на поле делаешь, ведьма, в полдень? – послышался странный голос. В палящем солнце я видела, как развеваются красивые волосы мумии. Роста в ней было метра два. Так что тут срочно требовался мужик с крепкими нервами и стремянкой.

- Беса своего ищу, - ответила я, заслоняясь от солнца. – На этого похож. Только глаза умные!

- Это полуденница, - икнула Анчутка, прячась за меня и трясясь от ужаса.

- Очень приятно, Иванка, - усмехнулась я, но руку мадам Крюк я не протянула. «Не протягивай ручку, а то протянешь ножки!», - шевельнулось во мне, пока я смотрела на серп.

- Значит, ведьма! – послышался сиплый голос, пока красавица обходила меня со всех сторон. Мне казалось, что она не идет, а парит в воздухе. – Ну что? Давай поиграем в загадки?

- Кого загаживать будем? – спросила я, понимая, что уходить с поля надо. Как можно быстрее.

Палящее солнце заставило меня сощуриться, пока ветер шелестел пшеницей. Золотые волны расходились и гуляли туда - сюда.

- Баба-яга, вилами нога; весь свет кормит, а сама голодная?-спросила полуденица, склонившись надо мной.

Ветер поднял мои волосы. Мне казалось, что мозги плавилась, как сырок под этим солнцем.

- Можно, я посоветуюсь, - спросила я, глядя на Анчутку. – Так, у меня есть вариант мультиварка, дама села на диету и курица в гипермаркете!

- Это соха! – послышался голос Анчутки.

- Соха!- ответила я, глядя на полуденицу.

- Угадала! – с досадой заметила полуденица, пока я твердо решила покинуть поле. Стоило мне сделать несколько шагов в сторону деревни, как вдруг я снова очутилась на том же месте, напротив полуденицы.

- У нас что? Конкурс «юный деревенский эрудит» продолжается? – сощурилась я, чувствуя, что от этой мадам нужно держаться подальше.

- Не хочешь загадки? – послышался сиплый голос. Серп был так близко, что внутри все вздрогнуло. – Тогда давай танцевать! Коли меня перетанцуешь, я тебя награжу!

- Чем? – прищурилась я, глядя на ее щеку, покрытую чем-то похожим на плесень. – Чем вы меня наградить собираетесь...

- Ой, беда, - всхлипнула Анчутка. – Не вздумай соглашаться!

- Женщина, я не танцую, - улыбнулась я, глядя снизу вверх на полуденицу. – Я не умею!

- Не танцуешь, значит, - послышался голос полуденицы. Она склонила страшную голову на бок.

Я посмотрела на ее серп, вспоминая статую «Серп и молот, рабочий и колхозница!». Одинокая колхозница ищет своего рабочего с большим молотком! О чем я только думаю! Все это проклятое солнце!

- Тогда ноги тебе серпом... - сипло произнесла полуденица.

Как только серп сверкнул при свете солнца, я почувствовала себя чемпионом мира по венским рулетам и вальсам, мастером спорта по поднятию юбочки в кордебалете и самой зажигательной зажигалкой фламенко.

- Ладно, - посмотрела я на звезду всех сельских дискотек, опускающую серп.

- Ой, мамочки! – как-то по-детски захныкала Анчутка, когда я доставала старину, чтобы тряхнуть ей как следует.

- Музыка где? Кто у нас поет? Играет? – спросила я, разминая кости. – Ой, слушай, у меня есть знакомый гармонист! Поганини! Давай его позовем! Кстати, как мужик он очень даже ничего особенного! Уже седой, к нечисти привыкший, не нервы, а канаты. Бракопригоден на все сто!

Видимо, диджея на нашей полевой дискотеке не будет.

- Кто кого перетанцует, - послышался сиплый голос.

«О, я бы перетанцевала тебя какой-нибудь рельсой!», - подумала я, глядя на серп.

- Перетанцуешь ты - награжу. Перетанцую я – ноги серпом! – произнесла полуденица.

Никогда мне еще так не хотелось танцевать! Я прикинула, что буду постепенно «танцевать» отсюда!

Полуденица закружилась, а лохмотья ее юбки разлетелись по сторонам.

- Тумс-тумс! – бурчала я, вспоминая хоть один танец.

Осмотревшись по сторонам, я схватила Анчутку и стала с ней вальсировать.

- Ты это... Ищи Антипку. Он что-нибудь придумает! – задыхалась я. – А я постараюсь танцевать до конца поля!

- Я с тобой! Ты, главное, не останавливайся! – пискнула Анчутка, пока мы кружились в вальсе. Пить хотелось дико. Я чувствовала себя верблюдом, который одним сербаньем втянет в себя половину колодца.

Не знаю, сколько времени прошло, но Анчутку пришлось отпустить. Стоило мне приблизиться к концу поля, как вдруг я оказывалась на том же самом месте, где уже виднелись круги на полях от наших танцев.

- Жарко, - стонала я, чувствуя, как липнет к телу потная рубаха.

Я увидела, как Анчутка бежит по полю, подпрыгивая. Через минуту на меня вылилось ведро прохладной воды.

- Ведро! Ведро! – орал женский голос на деревне. – Ведро у меня само ускакало!

- Я еще! – крикнула Анчутка, пока я облизывала губы и чувствовала, как с меня испаряется вся вода. Вокруг меня кружилась полуденица, выделявая такие движения, от которых у меня следом начинала кружиться голова.

- Хлюп! – опрокинулось на меня ведро, пока Анчутка давала мне пить, заливая водой грудь. Солнце, как застыло в зените, так и не собиралось никуда уходить!

Еще одно ведро скакало по полю, высматривая меня, а я от жары собиралась заделаться стриптизершей!

- Аааах! – простонала я, чувствуя, как на меня опрокидывается ведро. Мокрые волосы липли к плечам, мокрая рубаха липла к телу, но я уже пошла по второму кругу.

Еще один ведро окатило меня, пока я чувствовала, что все вокруг кружится. Я даже не знаю, есть ли полуденица, или нет! И где вообще она! Только что кружилась вокруг меня...

Я покачнулась и ...

- Ведьмушка! – послышался голос в темноте. На мне кто-то прыгал. – Очнись! Очнись!

- Что? Где? Ноги? – перепугалась я, видя свои грязные пятки и успокаиваясь. Рядом со мной стоял сундучок, на который взобралась Анчутка. Я лежала под деревом на холодной земле.

- Что? Перетанцевала? – спросила я, глядя на сундучок. – А это что?

- Это приданное! – похлопала по крышке Анчутка. – Полуденица дала! Девки с ней пляшут ради приданого! Там бусики!

Ее голос казался счастливым, а я закатила глаза.

- Отлично, - выдохнула я, видя, что мы находимся посреди поля, а вокруг царит ночь. – Антипка где?

- Нет его! – вздохнула Анчутка. – Вставай, ведьмушка! Пойдем отсюда!

- Антипка! – крикнула я, глядя, как ветер гуляет по пшенице.

Тишина.

- Не мужики, а рассадники проблем! – фыркнула я, беря сундучок и направляясь в сторону деревни. Что добру пропадать?

Мы вышли на тропу, которая петляла среди поля. Пока мы шли, дорога казалась бесконечной. Деревня даже не планировала приближаться. Но самое странное, я чувствовала на себе чей-то взгляд. Неприятное чувство мурашками ползло по телу.

- Ведьма! – позвал меня знакомый голос Антипки, а я обрадовалась. Нашелся! Ура! Я только хотела обернуться, как вдруг Анчутка дернула меня за руку.

- Не оборачивайся! – внезапно перепугано пискнула Анчутка. – Не оборачивайся! Иначе смерть!

Глава тридцать третья. Новый дом

Я подняла брови, передумав оборачиваться.

- погоди, но это же Антипка! – скосила я глаза на Анчутку, которая изо всех сил тянула меня в сторону деревни. – Там же...

- Не он это! – пискнула Анчутка. А глаза у нее были большими-пребольшими! Напуганными – напуганными! Даже ладошка в моей руке дрожала.

- Что там такое? – спросила я, чувствуя, как медленно стынет в жилах кровь. Ноги, словно ватные прогибались на каждом шагу.

- Сладенькая моя, - послышался знакомый голос. – Иди ко мне...

В этот момент не то, что оглядываться! В этот момент захотелось бежать со всех ног!

- Не вздумай бежать! – пропищала Анчутка, косясь на того, кто притаился сзади.

- Так! – напряглась я. – Это что? Болотник? С каких пор он у нас попугайчиком в поле подрабатывает?

- Это ... ырка, - прошептала Анчутка. Мне показалось, что мы не идем, а двигаемся на месте.

- Какая Ирка? – спросила я, чувствуя на спине чей-то тяжелый взгляд. – Ирина Каквастамовна! Я очень прошу вас проявлять свои таланты в другом месте!

В этот момент я увидела, как всколыхнулось поле пшеницы, словно по нему кто-то бежит.

- Уважаемая Ирина, - прокашлялась я, замечая, как Ирина шелестит колосьями. И движется к нам. – Я все понимаю! Ирина! Прекратите нас пугать! Ой!

Из колосьев появилось нечто, похожее на тощего покойника с огромными кошачьими глазами.

- Здравствуйте! – поздоровалась я. Мне очень хотелось знать, где отдыхала матушка – природа, когда на свет появлялась Ирина. Я бы с удовольствием с ней сфотографировалась для какой-нибудь клиники эстетической хирургии. Она «до», а я «после».

- Все равно не вернусь! – голосом Антипки повторила Ирка.

- Не смотри ему в глаза! – дернула меня Анчутка. – Иначе ырка тебя заколдует!

С каких пор Ирка – это «он»? Впрочем, это не мое дело!

Я опомнилась и бросилась бежать.

Как вдруг почувствовала тяжесть на плечах. Ноги чуть не подкосились, а я поняла, что Ирка запрыгнула мне на плечи.

- Ирина! Что вы себе позволяете! – кричала я, пытаюсь скинуть с себя ту, которая предпочитала позу наездницы. – Давайте вы позу наездницы будете практиковать на мужчинах! У них плечи шире и сидеть удобней! Так, слезантий с меня!

Но Ирка, видимо, слезать не собиралась.

- Так, Ирина! У меня в графе «иждивенцы» все занято! Я честно плачу налоги! У меня там государство, двадцать пенсионеров и два беса! - дергалась я, решив упасть на спину.

Но Ирка, видимо, очень хотела стать содержанкой.

– Так, Ирина, передавайте за проезд! – стонала я, падая на дорогу. Мне удалось вырваться, когда Анчутка бросила маленький огонек.

- Бежим! Беги и не оглядывайся! – кричала Анчутка, хватая меня за руку. Но Ирина была проворней! Она обогнала нас со скоростью хорошей гончей и...

На секунду я застыла, уставившись в лунные глаза Ирины.

Я смотрела в глаза, видя, как Ирка подбирается ко мне все ближе и ближе. При этом мои ноги словно примерзли к земле. Я безотрывно смотрела в желтые глаза и не могла отвести взгляд.

- Ай! – дернулась я, когда мне в глаза полетела земля. Мне пришлось зажмуриться, как вдруг послышался страшный вой.

- Антипка! – послышался радостный крик Анчутки. – Антипушка!

- Бежим! Бежим! – кричал Антипка, а меня схватили за руки. Я изо всех сил терла глаз об плечо, боясь споткнуться и упасть.

Внезапно мы остановились.

- Это что такое было? – ужаснулась я, переводя дух.

- Это Ы-ы-ырка! Покойник! Заложенный! – в один голос ответили бесы.

- Кто куда заложил этого дорогого человека? Его что? Посмертно в ломбард отнесли? – спросила я, пытаюсь приоткрыть хотя бы один глаз.

- Да нет же! Заложенные покойники – это те, которые умерли неправильной смертью! Срок у них жизни остался, а они все! – шмыгнул Антипка. – Вот и доживают его в облике нечисти!

- А ырка – это самоубийца, что в поле живет! Бывало, идешь, а тебя кто-то зовет! Так вот, оглядываться нельзя! Это ырка охотиться! Он ведь хитрый! Может на любые голоса разговаривать! А нужно ему, чтобы ты обернулась! Или отозвалась! Вот тогда он на тебя заскочит и...! – вздохнула Анчутка.

- Спасибо! Мнедохлый полевой альфонс не нужен! – повела я плечом. Могу ли я теперь указывать, что имею опыт работы в такси? Или лучше не надо?

Пока я пыталась продрать глаза, растирая их рукой, бесы дружно мирились.

- Антипушка! – ликовала Анчутка. – Ты вернулся!

- Так, мне срочно нужны бесы – поводыри! – простонала я, пытаюсь продрать глаза, которые резала пыль.

Меня взяли за руки и повели.

- И ведь слышал же, что зовем тебя! – всхлипывала Анчутка. – Чего не явился?

Я чуть не споткнулась, слыша оправдания Антипки, который смущенным голосом рассказывал, что совестно ему было.

- И вообще! – вдруг заметил он. – Могли бы и спасибо сказать! Мы со старой ведьмой, не с бабушкой, а со старой ведьмой, всегда так делали, когда нам что-то надобно было! Так и говорила: «Иди, беснуйся!». Зато потом народ толпами валил!

- Слышишь, бизнеса гений! – прокашлялась я, чувствуя, как меня подвели к двери. – Ты с этим завязывай! Так, это что у нас? Это дверь? Понятно!

Мои руки ощупывали дверь, которую я открыла.

- Ты погляди, что ты натворил! – распинала Анчутка Антипку. Их голоса доносились за спиной. – Теперича у нас дома нет! Не дом, а

дыра! Но я рада, что ты вернулся! Так скучала по тебе!

Послышалось всхлипывание и громкий чмок!

Я наощупь вошла, вспоминая, где что у меня находится. Так, это стол... Это скамейка... Где-то у меня тут вода стояла....

Окунув руку в воду, я стала осторожно промывать глаза, вспоминая, где у меня лежали тряпки, которые не дал выбросить домовой. Пока перед глазами было мутные пятна. Я наощупь нашла тряпочку, наклоняясь и вытирая ею лицо. Прокашлявшись, я звонко чихнула и высморкала воду в тряпку. Ну и денек сегодня!

Как вдруг тряпочка зашевелилась! Я шмыгнула носом, насторожившись.

Мои щуплые ручки стали шупать шевелящуюся тряпочку. Так тут что-то есть... Я шупала, пытаюсь рассмотреть на всякий случай, что это. Мутные пятна перед глазами, стали зелеными.

Мой любимый цвет. Мой любимый размер... Ой!

Я отдернула руку.

- Я знаю, что ты рада меня видеть! – послышался насмешливый и тихий голос болотника, а меня схватили за руку.

Сегодня у судьбы была акция! К тряпочке прилагался мужик.

- И что ты хочешь от меня, о загадочное зеленое пятно? - спросила я, видя лишь какие-то пятна. – Неужели ты пришел извиниться?

- Да никогда! Загадочное зеленое пятно спрашивает, долго ты думаешь меня обижаться? – тихо спросил болотник, пока я видела лишь его мутные очертания. – Между прочим, загадочное зеленое пятно тоже обиделся! За пощечину! Так что мы квиты! Но я же не прошу тебя извиняться?

Меня попытались обнять, но я вырвалась, уронив какой-то хлам. Он с грохотом посыпался на пол.

- Еще чего не хватало! – прошептала я, понимая, что ко мне не извиняться пришли!

- Думал, сама придешь, но, видимо, не учел! - послышался голос, а меня снова поймали, но на этот раз уже за талию.

- Ты ее за дело схлопотал! – буркнула я, слыша писки бесов на улице. – Лучше скажи, что тебе от деревни надо!

- Поживешь, увидишь! – усмехнулся болотник. – За дело, значит?! Я и так достаточно унизился, придя сюда! Чтобы сам Хозяин Топи

перед какой-то ведьмой извинялся? Той самой, которой силу дал? Да никогда!

Зеленое пятно обиделось и исчезло.

С улицы доносилось: «Дом теперь нам новый нужен! Где мы жить будем! От нас домовый ушел!».

- Да тут столько заброшенных домов! Выбирай любой! – лихо заметил Антипка.

- Ведьма! Ведьма! Пошли дом посмотреть! – пискнула радостная Анчутка, влетая в нашу избу. – Будем дом новый искать!

- Здесь на деревне столько заброшенных домов есть! Какой-нибудь да выберем! – кивнул Антипка.

«Да чтобы я перед ведьмой извинялся?», - бурчала я, ковыляя вслед за Антипкой. Деревня, все еще отлеживалась по домам, стараясь пореже выходить на улицу.

- О, я сейчас вам такой дом покажу! Закачаетесь! - интриговал Антипка, разводя руками. – Печка – во! Дом сам – во!

Пока мы шли, я со вздохом смотрела на сутулого деда, который бурчал, что-то про чупакабра проклятущего, который ночью трех куриц утащил.

- Почти пришли! Ну как? – спросил Антипка, гордо показывая на дом. Я отвлеклась на деда, как вдруг обернулась, видя красивый добротный дом с резным коньком и разукрашенными ставнями. По сравнению с нашим шалашом он показался коттеджем.

- А ничего так, - заметила я, все еще ощущая резь в глазах. Ничего, пройдет. – Большой!

- Ты куда смотришь! Вон наш! Это – не наш! А наш вот, рядышком!

Я перевела взгляд на горелую развалюху, которая всем видом намекала, что сегодня – завтра сложится.

- Удобства внутри! – хорошо поставленным голосом заметил Антипка, расхаживая вокруг старой избы, завалившейся на один бок. – Внутри есть вода! Свет!

Он открыл старенькую дверь, которая еще и рассохлась. Мы вошли в мрачное заброшенное помещение, все еще сохранившее следы чьего-то подгоревшего ужина.

- Вот! Все удобства! Вода вот! – заметил Антипка, подставляя ладошку под капаящую крышу. – Правда, холодная и с перебоями! Но

внутри!

Мы задрали головы, глядя на дырку, в которую проникал свет.

- Освещение, я так понимаю, включается с рассветом? – усмехнулась я, видя обгоревшую печку.

- Не нравится? – спросил Антипка, пока я скрипела черными половицами, рассматривая обгоревший скарб. – Ладно, есть еще!

Анчутка потянула меня за руку, а мы уже шли в другой конец деревни.

- Ого! – заметили мы, глядя на огромный дом. Мы даже переглянулись с Анчуткой.

- Отличный дом! – расхваливал Антипка, пока мы с Анчуткой кивали друг другу.

Мы открыли дверь, глядя на просторные хоромы, которые уже начинали нам нравится со страшной силой.

- А вот здесь мы сделаем приемную, - меряла шагами я предбанник. Дверь в комнату скрипнула. – А вот тут у нас будет комната. Тут кладовка!

Анчутка дергала меня за рубаху.

Дом мне нравился!

- Берем! – закивала я. Еще бы! Дом в центре деревни!

- Берем и выметаемся отседова! – послышался премерзский старушечий голос. А в меня полетел чугунок. – Иначе как цыплят передущу!

В нас полетели горшки, разбиваясь о стену, а я спрятала голову, вылетая из дома.

– Что ж ты не сказал, что дом на два хозяина! – воскликнула я, потирая шишку от чугунка.

- Пошли вон! – послышался премерзский голос. Дом воинственно хлопал ставнями и дверьми. – А не то кишки на горло намотаю, ножки перебью, голову откушу!

- Ой! – шарахнулись мы. – Это кто?

- ... по стенкам размажу, - продолжал визжать противный старушечий голос. Казалось, скрипел не только он, но и сам дом.

- Это же Яичична! Кикимора заброшенного дома! – прошептала Анчутка, прячась за меня. Я стратегически отступала, слыша, как скрипит на все лады старый дом и страшно хлопает ставнями.

- Ну как? Берем? – спросил с надеждой Антипка. – Яичична тоже здесь прописана! Она – баба добрая! Предыдущие жильцы пытались ее медведем вытравить! Так она до сих пор на медвежьей шкуре спит! Долго они с ней воевали! Вон там, на кладбище первые три могилы! Но мы –то ее в два счета вытравим с твоей-то силушкой! Да?

- А вывести ее никак не получится? – спросила Анчутка.

- Уже вывели! Ну-ка я сейчас как выскочу, как выпрыгну! Всех пошибаю! – лютовала Яичична, пока мы вежливо пятились. – Ууууу! Как выскочу!

- Так мы же ее в два счета одолеем! Ты ведь самого нечистого уделала! – дергал меня Антипка. – Или что не так?

- Знаешь, тут пока тебя не было... - замялась Анчутка. – Наша ведьма силушки лишилась!

Глава тридцать четвертая. Дом – полная чаша

Антипка посмотрел на меня и проморгался, словно не веря своим ушам. Он тут же поник и вздохнул.

- Что? Совсем ничего не осталось? – с надеждой спросил он, пока Анчутка показывала на пальцах «чточку».

- Это ж как так? – растеряно спросил бесенок, внимательно глядя на меня.

Если бы можно было сказать: «процеловалась» силу, то я бы сказала.

- Отобрали в неравном бою, - гордо произнесла я. – А потом не дали обратно! Впрочем, да ну ее! Силу эту! Как-нибудь справлюсь! Главное что? Правильно! Знания и хитрость! Не так ли?

- Вообще-то главное – сила, - переглянулись бесы.

- Ну, тогда пойдем домой, - поджав губы, заметил Антипка. - Нечего нам новые дома смотреть!

- погоди! А вон тот дом с заколоченными ставнями? Он тоже заброшен, раз ставни заколотили! – спросила Анчутка, показывая рукой на вполне приличный дом. Только ставни у него были заколочены досками.

- Этот? – удивился Антипка, почесав лохматую голову. – Ну, давайте пойдем. Глянем, кто там есть? А то его бросили совсем недавно! Хозяева переехали!

- Куда? – спросила я, рассматривая еще один дом.

- На кладбище! – пожал плечами Антипка.

Мы подошли к старенькой двери, которая была приоткрыта. Я осторожно открыла ее, готовясь к призракам, кикиморам или кровожадному вурдалаку. Но в доме было тихо и даже как-то уютно. И даже не так грязно, как в других.

- Он точно заброшен? – негромко спросила Анчутка, осматриваясь по сторонам.

- Заброшенной некуда! – кивнул Антипка, стирая пальчиком пыль со старинной прялки.

- Но здесь уютненько! – закивала Анчутка, глядя на меня. – Мне нравится!

- Мне тоже! – согласилась я, скрипя половицами. – Впрочем, у нас нет выбора! Ну что ж! Перевозим вещи!

- Ура! – обрадовались бесы. Они скакали, обнимаясь, как вдруг... исчезли. Я оглянуться не успела, как посреди дома появилась огромная куча нашего добра.

- Ой, так быстро? – опешила я, глядя на гробовые доски, сухоцветы и прочий очень нужный мусор.

- Шо?! Опять?! – послышался знакомый скрипучий голос за печкой. – Покоя от вас нигде нет! Только переехал! Только устроился! Только выть под домом начал! Дичать! И тут вы! На тебе!

Возле печки показался знакомый домовой, рыдающий от того, что мы снова вместе.

- Не-е-ет! – стучал он кулачком по полу, пока я раскладывала все магические припасы по старым сундукам.

- Ой, заживем! – радовалась Анчутка, пока я пыталась понять, чем гробовая доска от первого покойника отличается от гробовой доски проклятого покойника.

- Не-е-ет! – рыдал домовой, стучаясь головой об пол. – Только не вы! Только не опять!

- Домовой, ты рад нас видеть? – наивно спросила Анчутка, щупая красивую печку, еще сохранившую следы рисунка.

- О-о-очень, – скуксился, как косточка от персика, домовой. По его усам потекла слеза. – Я вас недолюбливаю!

- А почему? – наивно спросила Анчутка, глядя на рыдающего домового. – Все, кончился мой покой! Опять то покойники, то поклонники, то поклонники – покойники шляться будут!

- Не будет никаких поклонников! – пообещала Анчутка. – Мы Васе не говорили, куда переезжаем! А с болотником мы расстались!

Она произнесла это так гордо, словно лично расставалась.

- Ну, раз так... - утер рукавом рубахи сопли домовой и побрел за печку.

Я только положила на стол пучок трав, как вдруг на ней появился золотой браслет...

- Так, я не поняла? Это что? – прищурилась я, глядя вокруг себя, пока бесы растаскивали вещи. Я подозрительно сощурилась, чувствуя запах болотной тины.

- Даже не думай, - фыркнула я, чувствуя, как в груди сердце радуется и скачет. – Пока прощения не попросишь...

Рядом с браслетом появилась золотое кольцо с огромным изумрудом.

- Это – не считается извинениями, - заметила я, воротя нос от кольца.

Рядом с кольцом появились драгоценные серьги и красивая шкатулочка, наполненная доверху какими-то золотыми побрякушками.

- Нет, - гордо произнесла я, с удивлением глядя на подарки. – Я требую, чтобы ты явился лично! Извини, но это не золото играло на меня в карты!

В зеленовато- болотной дымке, которая растекалась над столом появилось красивое ожерелье.

- Не проймешь, - отвернулась я от соблазна подальше. Я водила пальцем по столу, изредка оборачиваясь и поглядывая в сторону драгоценностей, которые насыпала щедрая и виноватая рука.

- Неужели так сложно? – нахмурилась я, видя, как со стола с треском стекла нитка бус и змейкой легла возле моей ноги. – Зато смотри, как экономно! Просто пришел, просто попросил прощения!

На пол звякнула монета, укатившись в щель.

- Ой-ой-ой, - сморщилась я, видя, что стол ломится от драгоценностей. Причем, многие из них я видела только на картинках. – Я сделаю музей имени тебя! Буду, так сказать, экскурсии водить! Поднимать культурную целину деревни Россоха!

Я отошла от стола, понимая, что чем больше смотрю на эту красоту, тем малодушней хочется все простить. «Никогда не доставайся мужику дешево! Трепи нервы, устраивай истерики, хлопай

дверью, капризничай, но только не соглашайся сразу. Чем больше нервов истреплешь мужику, тем больше он будет тебя ценить!», - повторяла я про себя, метя пол.

- Я так рада, что мы снова встретились! – ликовала Анчутка, тискающая домового. – Ты ушел, а я уже успела соскучиться!

- Ыыы! – умолял домовый, пытаясь вырваться из объятий бесенка. – Пусти, нечистая!

- Теперь мы все будем жить долго и счастливо! – озорным голосом заявила Анчутка. Домовой посмотрел на нее из-под кустистых седых бровей таким взглядом, что мне стало его жаль.

- Я долго, а вы счастливо! – кивнул он, требуя отпустить его выть за печку. Пол был почти чистыми. На столе валялись украшения разной степени «Вау!».

- Кончилось? – усмехнулась я, глядя на сокровищницу.

Что? И все? На этом мужик кончился? А новых не завезли?

Я была ужасно разочарована!

- Эх, - пожала я плечами, как вдруг по голове мне что-то стукнуло. Я сначала не поняла что, а потом увидела, как на пол упала монетка. Одна, вторая, третья... Они словно дождь падали на пол, а я шарахнулась в сторону, слыша недовольное: «Ай!» в исполнении Анчутки, а потом женское мечтательное «Вай!».

- Ай! – пищала Анчутка, когда в нее попадал золотой дождь. – Вай! Ай! Вай!

- Под стол! Живо! – скомандовала я, прячась под столом и деражась за его ножку. Под дождем из золотых монет, украшений, драгоценных камней, ко мне бежали два беса.

- Ой! Ай! Уй! Вай! – пищали они то по очереди, то вместе, ныряя ко мне под стол. По столу барабанило золото, а вместо луж на полу стали появляться кучки.

- Прекрати! – на секунду высунулась я, но чуть не получила по голове кубком. – А ну быстро!

Золото рассыпалось по полу, закатывалось в щели, звенело друг об друга.

- Хватит!!! – крикнула я куда-то вверх. – Ты что? С ума сошел?

Но дождь из золота не прекращался. Сквозь звон монет, мне казалось, я слышу зловещий смех.

- Мамочки!!! – пищала Анчутка, вцепившись в Антипку.

Глаза у Антипки были круглые, как у нашкодившего кота, который не искренне не понимает, за что получил тапкой под пушистую попу.

Золото падало и падало, засыпая горку мусора, который я вымела из всех щелей.

«А у нас крыша протекла! И уехала!», - проносилось в голове, когда монеты со звоном рикошетили друг об друга во все стороны.

- Все! Я уже поняла, что ты сказочно богат! – крикнула я, в надежде, что все остановится. – Но это не по...

Сверху на меня упали жемчужные бусы, поэтому я решила не рисковать и залезла обратно. Немного отойдя от мысли, что кому-то проще и вот так, чем обнять, уткнуться в волосы и сказать: «Прости, пожалуйста!», я предприняла еще одну попытку.

- Послушай, когда я говорила, что ты не даришь мне подарки... - сощурилась я, высунув нос из-под стола. – Это не значит, что ... Ай! Больно же!

Мы сидели под столом, а золото все прибывало и прибывало. Ко мне закралась шальная мысль, что это он решил переехать ко мне со всей сокровищницей! Но я отмела ее, как отмела кучку золота в сторону. Теперь сквозь золотой ковер не было видно даже досок!

- Не помню, чтобы мы в лепешку вляпались! – обсуждали бесы, поглядывая с опаской на невиданную щедрость. – Не представляю, что это должна быть за лепешка, чтобы столько всего!

- Вы еще приметку скажите! Поругаться с болотником – к достатку! – прошипела я. Я снова высунула нос.

- Чего ты хочешь? Чего ты добиваешься? – крикнула я, видя, как под потолком клубится болотный туман и слышится смех.

- Сама знаешь чего! – послышался ответ, заставивший меня покраснеть.

- Нет! – крикнула я, снова прячась под спасительный стол, по которому барабанило так, что приходилось вжимать голову в плечи.

- А что он хочет? – спросили любопытные бесы.

- Эм... Как вам объяснить... - начала я, глядя на эту парочку. Мои щеки покраснели. – Знаете, у цветочка есть пестик. У другого тычинки... И бабочка летает туда-сюда, чтобы на свет появились... эм... новые цветочки...

- Понятно! Он хочет цветочек и бабочку! – закивала Анчутка, шмыгнув пяточком.

- Именно, - мрачно подтвердила я. – Ибабочку!

Через час, я поняла, что золото не кончается, а чтобы вылезти из-под стола, нужно раздвигать его ногами. Вот так маленькая избушка превратилась в пещеру Алладина.

- Мы тут посоветовались! – заметила я. – Я готова сделать тебе «ибабочку»...

Я покосился на хныкающую Анчутку. Та кивнула!

- Анчутка готова сделать тебе «ибабочку»! – продолжила я. – Антипка готов сделать тебе «ибабочку»! Сейчас домовый из-за печки вылезет и тоже сделает тебе «ибабочку»! Только прекрати!

- Да! – поддакнул домовый, высовываясь из-за печки.

- А с чего вы решили, что мне нужно именно это? А? – послышался сладкий голос болотника. Он смеялся.

- Хорошо! – крикнула я, с прищуром глядя наверх. – Я прощаю тебя! Все! Помирились! Миру мир!

Золотой дождь прекратился. Последняя монета упала в кучу.

Я вылезла, раздвигая ногами золото.

- Точно? – спросил голос в волосах, когда я почувствовала руки на своей талии.

- Ты умеешь просить прощения так, чтобы другим пришлось просить пощады! – фыркнула я.

- А кто сказал, что я его просил? – прошептал голос, когда меня обняли еще сильнее.

- А теперь забирай свое золото обратно! – ответила я. – Мне столько не нужно! У меня сундуков столько нет! И что я с ним буду делать? Меня сороки унесут!

Я обернулась, не увидев никого. Опять морок! Ну что он творит!

- Ребята! Давай-те куда-то все это богатство девать! – произнесла я, глядя на бесов, которые вылезли вслед за мной.

- О, это мы мигом! – потеряли лапки бесы. – Золотишко мы мигом пристроим! Мы клад зароем! Не простой, а заговоренный! Пойдем!

- Клад? – спросила я, видя, как шустрые бесы достали старые сундуки, сваливая туда золото.

Они вытащили сундуки во двор, где на небе царила призрачная луна. Вокруг домов витали зеленые болотные огни. Они садились на

крыши, закрытые ставни, трубы, пускающие сизые дымки. Казалось, дома были украшены гирляндой. Только рядом с моим домом не было светлячков. Они либо пролетали мимо, оседая на выбранном доме, либо продолжали витать в воздухе. Даже обидно, если честно!

- Оп! – обрадовались бесы, таща сундук. Анчутка уже вырыл огромную яму под старой сливой. Сундук очутился в яме, пока я стояла и вслушивалась в шепот ночного ветра. Этот ветер рассказывал мне страшные тайны про зарытые клады, про огненный цветок, про кикимор за печкой, про домовых, про лешего...

- Ого, у нее глаза светятся, - переглянулись бесы, когда я пыталась разобрать то, что шепчет мне ветер. – Ну! Будем клад зарывать и заговаривать!

Я подседа поближе, видя сундук, на который скатилась земля.

- Триста лет даю кладу... - шептали бесы, пока я смотрела, как окутывает марево ворожбы нашу яму.

- Душ... - мечтательно прошептала я, думая про то, что не мешало бы помыться и поесть. А потом завалиться спать.

- И ...загубить триста...

- Душ, - снова прошептала я, представляя себя под горячим душем.

- Ну ты и кровожадная! – ужаснулись бесы, заставив меня дернуться.

- Что?! – удивилась я. – При чем здесь кровожадность?

- Триста душ заломила! Ничеси! – переглянулись бесы, как вдруг сундук сам засыпался.

- Я про душ, вообще-то! – настаивала я, но меня слышали. – При чем здесь души!

- Триста душ клад загубит, перед тем, как людям откроется! – послышался голос Антипки. – Ладно, мы с Анчуткой исправлять все! Сейчас по деревне пробежимся! А ты пока отдыхай! Там старый колодец! Может, в нем вода есть!

Я увидела бесов, которые тайком сплели хвосты. Это было так мило, что я сделала вид, что ничего не заметила.

- И Васеньке скажите, что мы переехали... - крикнула я, поглядывая в темноту. – А то что он там один сидит! Какой-никакой, а все-таки... будильник!

Натаскав из колодца воды, я достала старый ушат и кое-как согрела воду. Пока я лежала, сложив колени в маленьком ушате, закрыв глаза, я почувствовала, как по моей груди скользит рука.

- Так, - напряглась я, чувствуя, как мне на глаза легла еще одна, не давая мне их открыть. Рука скользила по моим плечам, пока я чувствовала, как меня нежно целуют губы. В избе было тихо... Даже домовый сопел где-то за печкой, отрубившись от переизбытка чувств и впечатлений.

- Ты... Ты что делаешь... - прошептала я, чувствуя, как меня целуют, погружая руку в теплую воду... - П-п-прекрати...

- Возвращаю тебе твою силу... - слышался голос хозяина топи.

- Опять морок? – спросила я, облизывая со своих губ его поцелуй.

Я чувствовала, как у меня сердце ухнуло в пятки, когда поцелуй стал еще более страстным и настойчивым...

- Нет-нет-нет, - неубедительно протестовала я, пытаюсь вытащить его руку из воды. – Не надо... Нет... У... у тебя там... к-к-когти... Ты там поосторожней! Ой...

Из его полуоткрытых губ вытекала сила, которую я жадно глотала, чувствуя, как сердце замирает от каждого его движения под водой.

- И с чего ты решил вернуть мне силу? – спросила я, осторожно сводя дрожащие колени. Золотой браслет скользнул по моему животу, заставив его втянуться.

Глава тридцать пятая. Любит - не любит

В ответ я почувствовала, как в сладком дурманящем поцелуе по его губам растекается улыбка. Вот мерзавец! Ну как с ним можно вообще что-то...

- Слышь, ведьма! – послышался мужской голос и стук в окно. Старенькое оконце задребезжало и едва не выпало. Даже паук между мутных стекол поддался панике и спрятался.

- Ась... Ась... - охнула я, понимая, что один молодой нечеловек окутывает меня своими чарами.

- Ты слишком многое себе позволяешь, - прошептала я, глядя на его руку под водой.

- Нет, это ты слишком мало позволяешь мне, - ответил мне страстный шепот.

- Срок уже вышел, ведьма! – заметил голос, поразительно похожий на голос икотки Федор Федоровича.

- А как ты меня нашел? – спросила я, понимая, что еще раз когтистая лапа так сделает, и я потеряюсь. Моя обнаженная коленка, сверкающая капельками воды, приподнялась над водой, а на нее тут же легла рука с когтями.

- Я – икотка! Мне все ведомо! Но ты мне зубы не заговаривай! – послышался голос Федор Федоровича.

- Кажется, вся деревня уже в курсе моих отношений с болотни... - начала я, а потом посмотрела на суженные зеленые глаза и тут же исправилась. – Хозяином Топи...

- Да, но ты спрашивала, что он к тебе чувствует! – спорила икотка, чем-то скрипя...

- Я... - замерла я, глядя на поднятые брови Хозяина Топи. – Я... А с чего ты вообще взяла, что это... меня интересует!

- Так ты сама спрашивала, любит он тебя или нет! Или не помнишь? – заметила гадкая икотка, пока я мысленно требовала, чтобы он перешла на Федота, потом на Якова и на всякого. Но лишь бы от меня отвязалась!

- Эм... Не припоминаю, - соврала я, пытаюсь дотянуться до рубахи, белоснежным сугробом лежащей на полу.

- Да все ты помнишь, - скрипнула икотка. – Вот только не понравится тебе мой ответ!

- Так, а с этого места... - дернулась я, видя, как окно ползет зеленый туман. Болотник одной рукой обнимал меня, а второй пускал в окно зеленый туман.

- Так, погоди! Ты что делаешь? – дернулась я, нахмутив брови. – Пусть уже скажет! Эй!

Когда я выскочила из ушата, икотки под окнами не было. Болотника, кстати, тоже!

- Ах ты! – ударила я рукой по воде. В избе было тихо, а я лежала на чужой постели и ворочалась от того, что не могу уснуть. Стоило мне только пошевелить пальцем, как на всю избу раздавался такой жуткий скрип, словно покойники катаются на кладбищенских воротах. Все вокруг было непривычным, чужим. Да и бесы запропалились.

Где-то под окнами кто-то уныло ходил и стонал.

- Вася, ты что ли? – радостно спросила я, приподнимаясь. – Ты там хоть поскребись что ли... Все ж привычней!

Вася что-то кряхтел, страдая от неразделенной любви, шуршал и топтался. Я задремала, как вдруг...

- Ведьма!!! – кричал женский голос, а я встала, как по сигналу тревоги. По окну колотили изо всех сил. – Ведьмушка! Помогай! Матушке плохо!

Я подлетела к окну, видя под окном дочку икотки. Она косилась на дохлого романтика, который ходил кругами возле сливы.

- Как плохо? – переполошилась я, растирая глаза.

- Ой беда случилась! – причитала дочка, качая головой. У нее платок был интересно подвязан. Казалось, что у нее торчат уши зайчиком.

- Какая беда?! – потребовала я точного отчета, а сама на ходу пытаюсь сообразить, что там за беда может быть. Где-то раздавались песни...

- Пойдемте, матушка – ведьма! - кричали мне, когда я, зябла в ночном холодке.

- Вась, привет! – произнесла я, глядя на свежую плесень, пятном украсившим щеку покойного ухажера. – Смотрю, цветешь и пахнешь? Ну молодчага! Так держать!

- Что с матерью? – спросила я, идя следом за «зайчиком». Песня оборвалась, а в ночи слышались визги и вопли!

- Вот! – показала мне «зайчик», а я покачнулась, прикрывая рот рукой. – Не уследили!

И тут я увидела старуху в мужской одежде, которая кралась к сидящей молодежи. Девки и парни сидели на дровах. Кто по парам, кто стайкой. Рядом сидел знакомый гармонист Поганини, усердно выводя что-то на гармонии.

- Тятенькины портки надевает... - причитала баба, пока я не верила своим глазам. Мы крались вслед за старушкой, которая показывала не дюжую прыть. Я бы даже сказала, удаль молодецкую!

- Показал я уд срамной, девки все бегут за мной! Ну а та, что не бежит, та раздетая лежит! Ииих! – вылетела старуха икотница, перепугав всех.

От испуга орава бросилась в рассыпную, а одна девка замешкалась, зацепилась за бревна сарафаном и ...

- Эх! Женюся! – слышался голос икотки, пока я изображала отвисшей челюстью в чужом огороде экскаватор. Старуха настигла ее в

два прыжка и схватила.

- Иии! – пискнула девка, вырываясь и убегая прочь в темноту.

Старуха пальцем пригладила седые усы так, словно они, от уха до уха, одернула штаны и звонко гыкнула.

- стыдоба – стыдобушка, - захныкала баба, пока я кралась к старухе. Она скрипела сапогами, которые явно терли ей подмышки. Но ее это ни капельки не смущало.

- И как давно? – полусшепотом спросила я, глядя на ее дочку. Мы сидели за поленницей и наблюдали за старухой. Та прикусила соломинку и надвинула на голову старый картуз. Охота на девок продолжалась.

- Да вот, как к тебе ведьма сходили, так и началось. Я ей «мама!», а она меня за попу! Я уже и ставни запираю, и двери, а она все равно вылезает, чуть песни заслышит! – жаловалась дочка. – Совсем мочи нет!

Старуха прислушалась.

- И что это ее на девок потянуло? – спросила я, не понимая.

- Раньше икотка сидела, молчала. Нет, бывало, вылезет, что скажет! А теперича совсем продыху не дает, - ныла дочка, в надежде, что я смогу что-то сделать. – И стыдили! И сапоги в печь прятала! Нет, все равно находит! И рубаху жгла! А коли что не так, что орать начинает! Ногами топать! Дескать, пусти!

Молодежь, видимо, решила собраться в другом месте, а ее не позвали. Поэтому с невиданной прытью старуха направилась туда.

Мы бросились за старушенцией, но где-то на повороте дочка запыхалась и отстала. Сошла с дистанции прямо на поваленное дерево. А я продолжила свой забег.

- Ой, да вечер ясный... Ой, да молодец прекрасный... Ой да девица, никуда не денется... - затянули песню девки, пока я охотилась за бабушкой – подростком.

Та, видимо, устала и остановилась посреди улицы. Позади меня бежала запыхавшаяся дочка.

- Что ж ты, сынок делаешь! – внезапно послышался бабкин голос. – Ты почто срам всем показываешь! А ну угомонись!

- Неча мне тут указывать! – дернулась бабка, а из нее послышался голос Федор Федоровича. – Не мать ты мне! Может, я жизни не

видывал! А ты мне тут...

Я замерла, понимая, что старуха с ним разговаривает!

Но тут позади меня послышался такой топот, что икотка обернулась и... Дальше я помню плохо. Мы лезли через огороды, мне в лицо прилетела чья-то курица, заставив сплевывать перья. Потом я помню, как меня облаяла собака, когда я неслась вдоль стены. А «кто здесь!», донесшееся из избы казалось каким-то напуганным. Мне чуть не выбили зубы внезапно распахнувшимися ставнями.

- Ты с той стороны! – вошла я в азарт. – Я с этой!

- Угу! – задохнулась ее неповоротливая дочка, когда мы загоняли икотку в угол чужого хлева.

- Лови! – крикнула я, тут же прыгнув сверху. Но икотка вывернулась и оттолкнула меня.

- Сюда! – указывала я, видя, как орут дурным голосом куры в курятнике. Дверь в него была открыта.

- Попался! – крикнула я, сдувая волосы с лица. Скажем так, у меня был свой интерес узнать, что там не договорил Федор Федорович.

Я схватила силуэт за рубаху, слыша, как орут и летают куры. Одним рывком я вытащила его во двор, как вдруг поняла, что это – не икотка.

На меня смотрел тот самый алкоголик с росстани. В руках у него была дохлая курица с перекушенным горлом. А по подбородку стекала кровушка.

- Здравсте, - ужаснулась я, видя, как глаза у него засветились белесым светом. – Чупакабр, очень приятно...

- Ой! – пискнула позади меня дочка икотницы и завалилась в обморок.

Глава тридцать шестая. Ночной ведьмин тык-дык

Упырь внезапно бросился на меня. Но сначала он бросил в меня дохлую курицу. Пока я отбивалась от курицы, меня повалили на землю. Впервые в жизни я вскочила на ноги не потому, что меня пытается сожрать голодный упырь. А потому что лежать на куриных кавыликах не очень –то и хотелось!

Руки вспыхнули магией да так, что меня саму ослепило.

- Ведьмушка, - слышался тихий всхлип. Я очнулась, сидя на несчастном упыре, который барахтался подо мной так, словно хотел

уплыть. Мои руки держали его за горло. Со стороны создавалось впечатление, что я капитан воющего лайнера.

- Пусти, ведьмушка! Ой, пустите! Убивают! – всхлипнул упырь, пока я не знала, слезть с него или сидеть до утра.

Но упырь твердо решил не сдаваться. Он брыкался подо мной, как несчастный мужчина, которому я шепнула на ушко в самый пикантный момент, что у меня есть, что показать венерологу. И теперь есть и у него.

- Вставай, - выдохнула я, понимая, что упущу икотку.

- Ведьма – матушка, - ныл упырь, цепляясь за меня окровавленными руками. – Ты не говори, а? Я же на людей не бросаюсь! Хоть и хочется! Так, по курочкам!

Вид у него был жалкий, поэтому я вздохнула.

- Гуляй, вальсом! – махнула я рукой, отпуская бедолагу на все четыре стороны.

- Спасибо, ведьма – матушка! – ныл упырь, исчезая в темноте.

Я растолкала бедную дочку икотницы, которая лежала на пороге курятника.

- У тебя есть лишние куры? – спросила я, видя, как она слабо открывает глаза.

- Нет, - прошептала она.

- Тогда валим отсюда! – шикнула я на нее, видя, как она грузно и неловко встает.

- О, а че это было? – спросила она, ежась и осматриваясь по сторонам.

- Показалось, - усмехнулась я, таща ее из чужого огорода. Где-то заливалась хриплым лаем собака.

- Ты мне ничего сказать не хочешь? – спросила я, отряхиваясь от куриной маски для волос. – Про матушку твою? И про икотку!

- Ой, ниче не знаю! – завыла на всю улицу баба, кутаясь в платок. У нее в голове торчала солома. У меня, кстати, тоже. – Ничего не ведаю!

- Тс! – шикнула я, слыша, как запевают девки в другом конце села. – Поворачиваем! Нам туда!

- Ой, а может, вы сами как-нибудь? – спросила баба, глядя на меня несчастными глазами. – Я уже страху натерпелась! Вы идите, а я домой! Дома буду мать караулить!

- Ладно, иди, - выдохнула я, направляясь в сторону парней и девушек.

Песня становилась все громче и громче, а я увидела поваленные деревья, на которых сидела местная молодежь. Гармонист растягивал гармонь с таким лицом, словно играет не лирическую песню о несчастной любви, а тяжелый металл.

- Ой, а можно к вам? – спросила я, видя испуганные взгляды. – Посижу с вами, попою? А?

- А мы уже расходимся! – заметила одна из девок. Я посмотрела на ее перемотанное запястье ревнивым взглядом.

- Отлично. Расходитесь на полную! – прокашлялась я, видя, что почти все сидели по парам. – У нас тут операция по поимке опасной нечисти! Так что сидите!

Гармонист играл какую-то очень задушевную песню, в которой несчастная девушка, подло обманутая парнем молодым, утопила ребенка, а сама задушилась.

Я чувствовала, как душа разворачивается и сворачивается, словно гармонь в руках Поганини. Песня изо всех сил пыталась шевелить мою душу. Иногда это получалось, и я, не зная слов, подвывала: «Ууууу!», чтобы выразить все негодование по поводу сложившейся ситуации.

Когда песня кончилась, я мысленно требовала что-то оптимистичное. Но уже на третьей песне я поняла. Оптимизм в деревню Россоха не завозили. Теперь мы все дружно горевали о судьбе выданной насильно замуж девицы, до этого мы оплакивали судьбу вьюноши, заработавшего ревматизм, радикулит и смерть на чужбине.

- Вы пойте, пойте, - кивнула я, а сама решила пройтись по окрестностям.

На третьем круге, я услышала старческий голос.

- Вот что ж ты, сынок делаешь! – донеслось до меня тихое. – Как не стыдно тебе! Девочек стращаешь, меня позоришь!

- Дык, вырос я! Хочу жениться! И мне любви хочется! – послышался второй голос, очень похожий на голос икотки. – А то что это? Все парами ходють, а я один, как бобыль! И вообще, не мешай!

Он бросился к клубу веселых любителей грустных песен, но я оказалась проворней. Через минуту бабка лежала на земле.

- И, как это понимать? – заметила я, пытаюсь понять. С кем предстоит говорить. С бабкой или с икоткой.

- Ой,пусти меня! – заныла бабка, слабенько пытаюсь отбиться. Ее седые волосы разметались по траве.

- Не путю! – ответила я, склоняясь к ней так, что мои волосы мазнули ее по лицу. – Ну, бабушка, не надоело вам по бабам бегать?

- Ниче не знаю! – заныла бабка, пытаюсь схватить меня за руки. Внезапно глаза у нее закатились, а мои руки сжали крепкой хваткой.

- Ты мать не трожь! – выпалила икотка.

- Ах, мать, значит! – заметила я, вцепившись в бабку.- Сейчас будет: «Тук-тук, а бабушка дома? Позовите бабушку!». Или ты хочешь закончить свой век преждевременно? А? Сам просил помочь, вот и помогаю!

То, что вернулась бабка, я поняла по кряхтению и оханью.

- Итак, я все про тебя знаю, - прищурилась я, не зная ровным счетом ничего. – Все вижу, все знаю...

Бабка посмотрела на меня круглыми глазами, которые тут же налились слезами.

- Я не виновата! Не виновата! Это был трудный год! – заныла бабка, которую я держала за мужскую рубаху.

- Так, ты мне президента не включай! – огрызнулась я, глядя самым проницательным взглядом. – Понятно... Ага... Вижу, вижу... Какой ужас!

Если честно, то я ляпнула это наобум, дабы хоть немного пролить свет на икотку.

- Ой, да всю жизнь себя корю! – качала головой бабка. – Сколько живу, все покою нет! Мысли мучат! Как спать ложуся, так мучат! Не хотела я дите губить! Не хотела! А что с ним делать? Неурожай!

- Так, у тебя ребенок был, да? – спросила я, делая вид, что и так все знаю.

- Как замуж вышла, так понесла. А год неурожайный. Ну, думаю, еще детишек нарожать успеем... А это и так помрет, - слышался шамкающий голос бабки. – Вот и снесла его на болото. На кочку положила, а он прямо сам соскользнул! Вот прям сам!

- Да вы что! – сделала вид, что удивилась я. – Прямо сам, да?

- Я бруснику собирала! – шептала бабка, запутавшись в собственной версии. – А он как соскользнет. Нет, не топила! Сама не

топила!

- И... - продолжала я, наседая на нее.

- А потом вроде все наладилось. Пережили год, кое-как. А я дочку родила, красавицу! Однажды пошла по бруснику, чую дурно мне... Вот и хлебнула болотной водицы... А у меня как что-то горло скребет... Думала, жука проглотила. Эх! А потом чую, как внутри меня что-то ворочается, как мышка скребется... И растет, растет... Потом говорить начал. Сначала по детски лепетал, а потом... Растет он, вот и вырос... Сынок это мой, Федор...

- Отлично, - осела я от таких новостей.

- Ой, что – то тяжело мне, - ныла бабка, охая.

- Так, бабка, - насторожилась я, видя, как бабка закатывает глаза. – Ты это... Бабушка!

Ну еще бы! Сегодня бабка такие круги наматывала, что у меня сил не было.

- Померла? – ужаснулась я, глядя на посеревшую бабку, изо рта которой лез... блуждающий огонек.

Опомниться я не успела, как он ворвался в меня, заставив мучительно закашляться. Я очнулась, таща за руку вопящую девку, которая смотрела на меня круглыми перепуганными глазами.

- Ой, - опомнилась я, отпуская ее руку.

- Я так понимаю, что теперь я могу предсказывать будущее, находить потерянных мужиков и одиночество мне будет только снится! - прокашлялась я, чувствуя, как внутри скребется маленькая мышка. Препротивное ощущение. Кхе!

Кое - как я доковыляла домой и зашла в приступе мучительной икоты. Потом вроде бы стало легче. Лишь изредка я делала басистый «Ик!», подсакивая на месте.

Вот такой вот естественный отбор. Естественно отобрали нервные клетки.

- Ой! – икнула я, листая книгу. Бесы так и не вернулись. Либо дружно ликвидировали масштабы катастрофы, либо налаживали отношения.

- Так, чтобы избавиться от икотки, если она только в вас забралась, - прочитала я, зевая и икая одновременно. – Нужна трава... Понятно! У меня есть что-то похожее?

Пока я шуршала сухими вениками, в поисках травы, стало понятно, что придется искать другой способ.

- Есть еще один старый простой способ, чтобы икотка вышла из вас, - прочитала я. – Вам нужен медведь!

О, как! Его как? Прикладывать к больному месту? Всего или по частям? Или пока ты будешь его добывать, у тебя пройдет даже застарелый гайморит? Что уж говорить о переломах, ушибах и ссадинах?

Я почитала про медведя, решив, что, наверное воздержусь. Мысленно занеся в Красную Книгу всех медведей в окрестностях, я гордо решила не заставлять страдать бедное несчастное животное. Особенно, если это – моя нервная система.

- Так, листаем дальше, - вздохнула я, икая, но не сдаваясь. - О! Еще один способ! Если в вас пробралась икотка, то есть старый способ. Для этого вам потребуется парень... О, это уже интересно! Мужчиной я еще не лечилась! Его как? Прикладывать к себе? Делать компрессы из мужика на ночь? Или принимать орально по три-четыре мужика в день после еды?

Способ меня ужасно заинтересовал. Я всеми силами отгоняла пошлые мысли, представляя совместные прогревания друг друга исключительно в терапевтических целях!

- Нужно, чтобы он еще ни разу не был с девушкой, - прочитала я, отмахнувшись от очередной порции пошлых мыслей. – О, девственник!

Пока я мысленно представляла, как провожу опрос среди местных парней на предмет «было ли?». Так-так-так!

Я перелистнула страницу, поглядывая в сторону оконца.

- Нужно чтобы он помочился вам в рот... - прочитала я, закашлявшись и скривившись, как сухофрукт. – И тогда вас стошнит, и икотка может выйти сама!

Я разочаровалась, пытаюсь найти что-то подходящее.

- Чтобы икотка вышла из вас, вам нужно ее напугать, - прочитала я здравую мысль. – И тогда она выскочит из вас!

- Чем же напугать икотку? – задумалась я, чувствуя, как подсакиваю вместе с книгой от икотного рыка.

Глава тридцать седьмая. Лекарство от икотки

Мне срочно нужна квалифицированная помощь! Вот связалась я с икоткой на свою голову. Да и бесы куда-то запропастились!

- Сиди, где сидишь! – сглотнула я, чувствуя, как икотку прямо распирает пообщаться.

- Так, я же тебе все разузнала! – вспомнила я. – Оказывается, ты сын этой бабки. Она тебя в детстве утопила. Просто год был неурожайный. А потом заблудилась в лесу и ... Ик!

Я снова подскочила, а книга сползла по коленям на пол.

Закашлявшись, я почувствовала, как в глазах темнеет.

Очнулась я на стогу сена, обнимая вырывающуюся девушку с огромными васильковыми глазами. Судя по горящей щеке, я только что схлопотала по мордасам.

- Иии! – с диким визгом бросилась прочь девка, исчезая в ночной темноте.

Я сидела и смотрела на то, как моя репутация гибнет безвозвратно.

- Так, ладно! – отряхнулась я, все еще люто икая. - - Не думала, что это скажу, но, может, мужика себе найдешь, а? А то все по бабам и по бабам!

- А мне и так нравится! Тело молодое! – обрадовал меня икотка внезапно. Мне казалось, что я слышу голос внутри себя.

- А ничего, что я по – мужикам больше? А? – заметила я, замерев.

- А не будет у тебя больше мужиков! Усех изведу! – хохотнул Федор Федорович.

- Ну, хорошо, - заметила я очень зловещим голосом, выходя из чужого амбара и поглядывая в сторону черной стены леса.

Я уже перелезла через хлипкий заборчик, направляясь в сторону леса. Как там было сказано в книге? Мне срочно нужен медведь! На все тело! Или мужик, если медведя достать не удастся!

Если бы здесь была местная аптека, то я давно уже стояла бы в очереди за медведем. Или за мужиком!

Деревня оставалась позади, пока я мужественно направлялась на роستانь. Возле одного голбца виднелось тело, которым я весьма заинтересовалась!

«Опять ты себе упыря нашла!», - возмутились мысленные подруги, а я решила пройти мимо.

Лес становился все мрачнее. Если бы не болотные огни, которые летали между деревьями, то в лесу было темно и страшно. А так здесь было темно, страшно и немного красиво.

На болотах стоял ядовитый туман, где-то кто-то мучился с истошными криками. Я искренне надеялась, что это – не болотник при виде меня. Над камышом жужжали стрекозы, а на кочках сбивались в народные ансамбли лягушки.

- Эй, - позвала я, осматриваясь по сторонам. – Ты где?

Лягушки оживились и даже притихли, в надежде, что это я им.

- Ты где? – позвала я, расчесывая свежий комариный укус на руке и отгоняя ногой огромного злющего комара, похожего на пяти кубовый шприц с крыльями.

- Ку-ку! – заметила я, не видя знакомой фигуры. – Если что «ку-ку» - это количество минут, которые тебе осталось жить, если ты немедленно не явишься!

Но даже ласковая угроза не подействовала.

- Милый, любимый, единственный, - фальшиво, но очень чувственно выдала я, поглядывая в мутную зеленоватую воду, по которой скользили водомерки.

- Ну, хорошо! – заметила я, понимая, что болотник мне сейчас ой как нужен. Я сунула ногу в холодную воду и помотала ею, разгоняя водомерок и ряску.

И снова тишина!

- Хорошо! – решительно заметила я, снимая с себя рубаху и собираясь лезть в воду. Бррр! Холодная!

Потом я передумала, натянув рубаху обратно.

- Слушай сюда! – крикнула я притихшим лягушкам. – И чтоб больше ко мне ни ногой! Да чтоб я к тебе еще раз!

Я решительно развернулась, собираясь уходить, как вдруг увидела Хозяина Топей, который все это время стоял за моей спиной.

- Куда, - расставил он руки, ловя меня в объятия.

- У меня тут маленькая проблемка, - издали начала я, чувствуя, как меня бессовестно прижимают к себе, слегка впиваясь когтями в оголившееся плечо.

- И какая же? – спросил Хозяин Топи, явно не желая меня отпускать.

- Ик! – подавила я икотный рев.

- Так-так-так, - слышался голос болотника, перебирая мои волосы.

- У тебя есть знакомые медведи? – спросила я. – Нет, ну мало ли! Вдруг знакомый какой есть? Он срочно нужен! Согласна даже в аренду! Мне ненадолго!

- А медведю надолго? – с сомнением спросил болотник, пытаюсь понять в чем дело.

- Да нет! Я верну медведя в целости и в сохранности! Обещаю, - честно и очень деловым голосом произнесла я, поглядывая в сторону леса. – Ты в карты с Лешим играл! Может, он даст медведя!

- А зачем тебе медведь? – спросил болотник, собирая в кучу все нервные клетки.

Мне было стыдно признаваться, что во мне сидит икотка. Еще скажет, мол, ведьма – ведьмой, а икотку пропустить... Ну это ж надо умудриться.

- Короче, у меня большие неприятности, - вздохнула я, потянув болотника за рукав.

- Где? – спросил болотник, глядя на меня очень внимательно.

- Во мне! – кивнула я на свой живот, в котором по ощущениям скреблась мышь.

- Ты меня удивляешь, - заметил болотник, замерев. – Но если так, то пусть будет. Я детей люблю...

Детей? Любит? Ах, я и забыла, что он у нас кровожадная нечисть! Настроение что-то стало резко портиться... Про детей я как-то не думала. Точнее, старалась не думать!

– Там Федор Федорович! – ответила я, разводя руками. – Икотка!

- Неужели? – удивился болотник, явно ожидая чего-то другого.

- Короче! Ик! У нас тут тройничок! Ты, я и Федор Федорович! – выдала я, глядя на Хозяина Топей жалобными глазами. – Меня нужно напугать, чтобы изгнать из меня Федор Федоровича! Ты сможешь помочь? А? Ик!

Я перебирала золотые украшения на груди болотника, чувствуя сквозь ткань разорванной рубахи интригующий рельеф.

- Напугать? – заметил болотник, усмехнувшись. – Это я запросто.

Судя по тому, с какой интонацией он это сказал, заикаться буду и я, и Федор Федорович!

Через мгновение на меня смотрело такое чудище, от которого я визжала на весь лес. «Да я еще красавчик!», - заметил Нечистый, приглаживая рога, пока я пятилась от жуткой болотной твари.

- Ну как? Помогло? – спросил болотник, снова принимая облик человека.

Нет, ну я точно как! Прямо стремительно «как»! На такое чудовище можно смотреть только стоя в собственной луже!

Но Федор Федорович был стойким. Я бы с ним даже в разведку пошла! Не дрогнул.

- Так, ладно, после такого медведя смотреть уже нет смысла. Есть еще какие-то идеи, - спросила я, чувствуя, как меня обнимают.

- Есть, - шепнули мне на ухо, резко припечатывая меня поцелуем к дереву.

«Не выйду! И не подумаю! Не хочу обратно на болото!», - слышался скрежет зубов Федор Федоровича. Голос раздавался внутри меня.

- Правильно, - задохнулась я, с придыханием облизывая прикушенную острыми зубами губу. – Новый опыт всегда полезен, не так ли? Ничего! Это сначала ты так возмущаешься! А потом втянешься... Ну, ты выходишь или нет?

Я чувствовала, как с меня срывают рубаху и бросают мне на босые ноги. Не смотря на холод, я не успела замерзнуть, очутившись в страстных объятиях.

«А ну прекрати немедленно!», - возмущался Федор Федорович, пока я понимала, что сдаюсь под натиском поцелуев. Мои руки сами поднялись, пытаюсь оттолкнуть Хозяин Топей.

- А Федор Федорович выйдет? – ехидно спросила я, чувствуя, что пока один думает выйти, другой сейчас войдет!

- Не позволю! – послышался бас Федор Федоровича, а я каким-то чудом дернулась и бросилась бежать по лесу. Без рубахи.

- Иди сюда! – послышался смех, а меня схватили, притянув к себе и сжимая в объятиях так, что тут не только Федор Федорович, но и душа вылетит!

- Ну как? – прошептал болотник, скалясь кровожадной улыбкой. – Выходит?

- Нет, - сглотнула я, чувствуя, как пытаюсь чисто по – мужски надавать по мордасам болотнику. Мои руки поймали и прижали к

дереву одной рукой, задушив жарким поцелуем.

- В пределах разумного, - сквозь зубы предупредила я Хозяина Топей. – Нам нужно икотку выгнать! Так что стой ровно! Ты у меня сегодня терапевтический мужик! Мне тебя доктор прописал!

- Я весь твой, - послышался страстный шепот на ухо и смех. – Раз нужно, значит нужно, сладенькая моя...

- И лови меня, если дам деру в деревню, - предупредила я, прижимая болотника к дереву.

«Принимать Хозяина Топи после еды три раза!», - хихикнуло во мне что-то бессовестное. – «Натоцк! Возможные побочные эффекты – легкая влюбленность, токсикоз и головокружение!».

- Я полностью в твоей власти, сладенькая моя... - улыбнулись мне зубастой улыбкой, красиво откинув голову. Темные волосы скользнули по груди, обнажив золотые пластины украшения. Рваная рубаха болотного цвета приподнималась от дыхания.

- Итак, приступим к лечению, - заметила я гнусаво-бюрократическим голосом районного терапевта.

Я привстала на цыпочки и коротко поцеловала в губы болотника.

- Ну? Как? – снова ехидно спросила я у Федор Федоровича.

- Даже не думай, - послышался внутри меня рокочущий бас.

- Ничего, - вздохнула я, осматриваясь и целуя болотника в губы ну очень страстно.

Хозяин Топи приподнял брови, а губы его дрогнули в едва заметной улыбке.

- Нет! – возмутился Федор Федорович густым басом. – Не выйду! Не хочу на болоте куковать!

–Может, я планирую активно налаживать личную жизнь! Не хочется выйти? Нет? – прошептала я, проводя руками по плечам Хозяина Топей и спускаясь ими вниз.

- А ну быстро прекрати! Ты куда рукой лезешь! – басом заорал Федор Федорович Хозяину Топей. – Я тебе так и не сказал, ведьма! Болотник-то тебя использует!

- По назначению хоть? – слабо спросила я, чувствуя, что еще немного и соглашусь на крайние меры!

- По наслаждению, - послышался завораживающий шепот, от которого все тело пробрало сладкими мурашками истомы. На меня внимательно смотрели зеленые глаза.

- Ну, раз вылезать... не хочешь, то... - прошептала я в чужие губы перед тем, как захватить их поцелуем. – Фыфефай, а то уфнаеф мнофо фефо нофофо... Не дофоди до графа!

- Нет! Не хочу я обратно на болото! – возмутился стойкий Федор Федорович, пока я притянула болотника к себе. – И не загонишь! Все стерплю! Все вытерплю! Только не на болота! Ты что? С ума сошла! Ты куда руками лезешь!

- Ты же сказал, что все выдержишь? Сказал, что все стерпишь? – ехидно усмехнулась я, проверяя руками кое-что очень важное и ужасно смущаясь от результатов проверки. Выздоровливающие пациенты всегда поднимают статистику больницы. Так вот, статистика у хм... больницы поднялась еще до полного выздоровления.

- Долго еще? – спросил болотник, глядя на меня завораживающим взглядом. Видимо, в его долгой жизни или «нежизни» было много всякого. Но ведьма, которая пришла лечиться от икотки таким экстравагантным методом, попалась впервые.

- Ну... же, - прильнула я к Хозяину Топей, который сделал глубокий вдох, пока я ерзала по нему, как губка по днищу сковородки. Исключительно в терапевтических целях.

Глава тридцать восьмая. С милым рай и в шалаше

«Не выйду!», - скрипел зубами Федор Федорович, у которого в послужном списке еще не было нескромным поцелуев с болотником.

- Ладно, - вздохнула я, решив ерзать по болотнику еще интенсивней.

Впервые в жизни я видела чудовище, которое стояло, закусив губу почти до крови и отвернулось. Видимо, от греха подальше.

- Если он сейчас не выйдет, - скрипнул зубами болотник, видимо, стараясь сдерживаться из последних сил. – То я войду!

«Даже не мечтай!», - взвизгнул Федор Федорович, отчаянно сопротивляясь и пытаясь дать деру в деревню. Видимо, подобный опыт в своей жизни он не предусматривал.

- Если что, лови меня, - прошептала я, понимая, что упрямая икотка крепко засела во мне. – Попробуем еще поцелу...

Договорить я не успела, видя, как вспыхивают зеленые глаза, а меня ловят в объятия и валят на траву. Золотое ожерелье холодом скользнуло по моей обнаженной груди.

- Ты что д-д-делаешь? – прошептала я, упираясь руками в грудь Хозяина Топи.

- Изгоняю икотку, - слышался голос.- А то что-то поцелуями его не проймешь!

- Ты там без крайностей, ладно? – прошептала я, чувствуя, как по нашему с икоткой телу скользят руки. Когти оставляли сладкие расчесы, а жаркие поцелуи заставляли краснеть и задыхаться.

- Ты не это... - предупредила я, чувствуя, как поцелуи скользят вниз.

- Ой, щекотно! – орал Федор Федорович внутри. – Я щекотки боюсь!

А я уже ничего не боялась... И, честно сказать, мне было откровенно плевать на Федор Федоровича, на его присутствие в моем теле, на все, что происходит вокруг. Только звезды, сверкающие среди ветвей сливались в единое яркое пятно, когда тело выгибалось на холодной, покрытой росой траве.

- Щекотно! – визжал Федор Федорович, а я чувствовала себя, словно во сне.

- Морок? – спросила я, задыхаясь.

- Нет, не морок, - слышался шепот, скользящий вверх, а у меня перед глазами все еще двоились и троились яркие звезды.

- Выходит?- прошептал болотник, а я выдохнула ему в губы: «Нет...».

- Все! Идите вы! Лучше я на болоте! – визжал Федор Федорович.

- И не собирается? - слышала я шелест стаскиваемой с себя рубахи и звон золотых пластин.

- Нет, - прошептала я, глядя, словно зачарованная на красивое тело, украшенное золотом. Золото сверкало в лунном свете, пока я смотрела опьяненным взглядом на длинные волосы, покрывающие роскошные плечи.

- Даже не собирается, - прошептала я, ведя пальцами по его телу. Мою руку с хищной улыбкой поймали, поднося с страшным зубам. Сердце замерло, когда я представила, что мне откусывают палец. И отмерло, когда ее просто поцеловали, а потом дернули меня к себе в объятия.

Утром я проснулась, слыша, как надо мной жужжит похотливый комар. Он уже наострил хоботок, а я с негодованием пришлепнула

его, зевнув и тряся головой.

Сонно помахав руками в знак предупреждения, что всякие хоботки в меня совать не надо, я стала проваливаться в сон. По мне скользнула чья-то рука.

- Да, и комаров отгоняй, - прошептала я, зевая, чтобы снова уснуть.

- Хозяин Топи, - донесся до моего сонного сознания сладострастный голосок. – Хозяин Топей... Приди... Приди ко мне...

- Я занят, - послышался выдох рядом. Кто-то покричал, а я решила ответить.

- Тебе что? Не ясно сказано? Занят он! Мной! – рявкнула я.

- Хипесница и Марамойка! – крикнули мне в ответ раздосадовано.

И в лесу затрещали ветки.

Я очнулась окончательно и увидела, что лежу на коленях у кровожадного чудовища, которое сидит, прислонившись к дереву и лыбится.

- Так, руки-ноги целы? – проверила я на всякий случай я, видя внушительные клыки. – Вроде целы...

- Икотка прошла? – с вежливой улыбкой спросил болотник, когда я подняла голову, мутным взглядом обводя лес.

- Что? А? Икотка? – прокашлялась я, ощупывая гнездо на голове. – Федор Федорович? Вы здесь?

Я прислушалась к внутреннему голосу, пока что не слыша ответа.

- Или он валяется в обмороке, либо помер на радостях, - заметила я, растирая глаза. – Я еще не поняла...

В лесу пели птицы, стояла тишина, подернутая волшебным мороком.

- Пойдем, - послышался голос на ухо.

- Куда? – спросила я, нащупав мокрую от росы рубаху.

- Ко мне домой, - послышался смешок.

- Эм... - заметила я, вздыхая. – А мы где? Разве не на болоте?

- Пойдем! – послышался голос. Я натянула рубаху, зевнула, отмахнувшись от тучи комаров и почувствовала, как меня схватили за руку.

Через мгновение мы очутились на унылом болотном островке, посреди которого стоял старый, поросший мхом шалаш...

- Уютненько, - заметила я, косясь на болотника.

Меня почему-то умилил замшелый шалаш.

- А ничего так, - конструктивно заметила я, понимая, что болотник жениться был явно не готов. Ну ничего! Отстроимся! – Ну смотри! Вот здесь мы с тобой развернемся... Тут, в принципе, еще и балкон поместится. Тут сторожевая башня, чтобы от комаров отбиваться! Вот здесь у нас будет кухня. Я камушек положу? А что? Никто чужой не шастает! Отличное место!

Я опустила за камушком, а потом обернулась на болотника, но того уже не было. Я была посреди квакающего болота одна. Куда ни глянь, везде простиралась гиблая трясина, полная лягушек, внезапных утробных «бульков» и звенящих комаров.

Если любишь, то можно и на болоте, верно? А я понимала, что влюбилась в это чудовище. Это чувство влюбленности не покидало меня, да так, что звенящие комары казались купидонами.

Присев на траву, я пыталась понять, что бы это могло значить, как вдруг откуда-то из болота вынырнул сверкающий огонек.

- Не узнала? – послышался голос Федор Федоровича. – То-то же!

- Тебе что нужно? – сквозь зубы процедила я, боясь лишней раз открыть рот.

- Мне? Ничего! Сделал я все, что сказал Хозяин Топей! – усмехнулся Федор Федорович. – Что приказано, то и сделано! Вселился я в бабку, и все ему доносил, а потом он сказал к тебе прийти. Вот я и пришел! Раз пришел, два пришел. Пришлось тайною тебя выманить да канитель устроить, чтобы тебя из дому вытащить! А когда бабка померла, так я сразу в тебя вселился! Как велено... Гонял я тебя, пока дочка не ушла. Потому как очередность есть! В родственников вселиться могу! А коли родственников нет, то тогда уже в чужого! У нас, нечисти, свои законы! Ну и дождался я, когда ты меня поймает, а бабка дубу даст!

- Та-а-ак, - напряглась я, видя, как болотный огонек летает туда-сюда и светится мертвяцким, болотным светом.

- Знал Хозяин, что тебе со мной не совладать. Сколько уже раз такое было, чтобы ты к Хозяину Топей бегала, мол, расколдуй. Мне лишь противиться нужно было! А дальше ты сама придумала, да получше, чем он! Он сам тебе хотел предложить, икотку лябовью изгонять. Но ты его опередила!

- Твою - то мать! – сжала я пучок травы, понимая, что меня обманули!

- Собсссно, все что сказать тебе хотел! – усмехнулся Федор Федорович. – И заметь, не по приказу!

- погоди! Так вот это все было ради того, чтобы... - проговорила я медленно, понимая, что так меня еще никто не соблазнял!

- Ну как шалашик? Нравится? Да? А должОн! – усмехнулся икотка. – Меня к тебе приставили. Сторожить тебя! Коли ночь переночуешь, то заберет он тебя во дворец свой!

- Так, сторож! Рассказывай, как отсюда выбраться! – выдохнула я, решительно вставая.

- погодь! Обожди! Ты что? – переполошился Федор Федорович. – Не велено тебя пускать! Сиди здесь!

- Не собираюсь! – фыркнула я, сбивая комара на подлете. – Тоже мне! Испытания придумал! Ага!

- Он-то над тобой власти не имеет! Подарки ты его себе не оставила! На себя не надевала! Ни колечка, ни сережек! Вот он тебе и золота в дом насыпал! Дескать, чем-нибудь, да соблазнишься! Но нет! Верно бесы тебе сказали! Зарыть его надобно! А теперь коли здесь переночуешь, то все, считай жена его!

- Жена?- подняла я бровь.

- Девочек много к нему бегают. То одна что-то просит, то вторая... Все они в его власти. Что хошь, ради него сделают! Надобно – и в омут с головой. Только помани! – усмехнулся икотка. – А вот ты ему к сердцу прикипела.

- Короче, фонарик, - процедила я, негодуя по поводу такой изошренной любовной подлости.

Мимо меня прозвенел комар, которого я уже заприметила и отслеживала краем глаза.

- И теперь он хочет заполучить надо мной власть? Да? – спросила я, ловя в руку еще одного комара. Когда я разжала ладонь, он помятый и уже не такой звонкий, вылетел. «И передай остальным!», - буркнула я, провожая его взглядом.

- Страсть как заполучить тебя хочет, а власти не имеет, - вздохнул Федор Федорович. – Бойтся, он, что уйдешь ты.

- А просто подойти, обнять и сказать, что любит? – спросила я, расчесывая зверский комариный укус. – Просто предложить выйти

замуж? Нет? Или он боится, что я откажусь?

Мысли бегали наперегонки, не давая мне ни секунды передышки. Нет, чтобы пришел, обнял, сказал, что я дорога! Но нет же! Вместо этого – сиди, корми комаров, дескать, испытание! Ритуал!

Мимо меня прозвенел огромный комар, норовя высосать меня до шкурки и костей. Испытание чего? Моих нервов? Терпения?

- Сначала он показывает шалаш! – послышался голос Федор Федоровича. – А потом, если девушку он устраивает, то тогда ведет во дворец. А то девки богатством прельщаются, думают, ну все! А тут на тебе, шалаш!

Словно в подтверждение слов где-то грустно квакнула лягушка.

- Мне плевать на его богатство! – заметила я, прикидывая, как отбиться от полчища комаров. – Меня интересует он! Даже, если он будет жить со мной в моей хижине, меня все вполне устроит! – выдохнула я, вставая и стряхивая с себя трупы комаров. – А шалаш он пусть оставит для своих шалашовок!

- Ты куда! – дернулся Федор Федорович, когда я заприметила кочку и стала к ней примеряться. – Стоять!

Я разогналась и прыгнула на нее, пытаясь изо всех сил удержать равновесие. Следом виднелась еще одна кочка, поросшая мхом. Я закатала рубашку, оттолкнулась и прыгнула, едва не поскользнувшись.

- Пока он не придет ко мне и не скажет, что любит, я не собираюсь кормить комаров! – ответила я, решительно перескакивая на следующую кочку.

Пока я прыгала, в надежде, что прыгаю в правильном направлении, перед глазами маячил светлячок, требуя срочно вернуться обратно.

- Что? Не все комары успели? – ехидно заметила я. – Я искренне полагаю, что любимыми женщинами не кормят комаров! Тем более, не позволят спать на сырой холодной земле посреди болота! Из чего делаем... вывод!

Я перепрыгнула на еще одну кочку, едва не соскользнув в мутную воду.

- Что любовью тут и не пахнет! – в слух рассуждала я, отбиваясь от назойливого светлячка. - Так что пока я не буду уверена в том, что меня любят, я никуда не пойду. Даже замуж!

- Ну он тебе это так не спустит! – послышался голос мне вслед.

Где-то виднелся берег, которому я обрадовалась, как родному. Допрыгав по кочкам, я соскочила на сырую и прохладную траву, вглядываясь в знакомый лес. Тропинка, петлявшая между деревьями, вывела меня из лесу так быстро, что я сама удивилась.

Болотные туманы рассеялись, а я вдохнула полной грудью запах сырого дерева и трав.

Деревенька встретила меня так же уныло, как и обычно. Одинокие домики пускали дымки, в мутных окнах маячили силуэты. Где-то мычали коровы, лаяли собаки, а я брела в сторону дома.

- Ты где была?! – наскочили на меня Антипка и Анчутка. – Мы все обыскали! Даже на болото бегали!

- Ээх! – махнула я рукой, открывая двери и вдыхая запах сырости, трав и кислятины.

- Ну, рассказывай! – стрекотали бесы, бегая вокруг меня.

- Помирились? – с усмешкой спросила я. – Все исправили?

- Да, да, все, - спешно ответил Антипка, а Анчутка покраснела, потирая пяточок.

- Вот и славненько, - заметила я, отмывая грязные ноги и доставая из сундука с приданным свежую рубаху. – Вы как хотите, а я спать!

- Ты... с болотником была? – спросил робкий голос Анчутки, которая подлезла рядом. – Да?

- Да, - ответила я, чувствуя, что не мешало бы искупаться. Я насквозь пропахла болотом.

- Ой, - положила Анчутка голову на руки. – А в шалаш звал?

- А ты откуда про шалаш знаешь? – спросила я, передумав спать.

- Только не говори мне, что ты из шалаша сбежала! – перепугалась бесенок, глядя на меня круглыми глазами.

- А что мне? Комаров кормить? – спросила я, пожимая плечами. На душе стало тревожненько.

- Значит, ты ему отказала, - выдохнула Анчутка. – Ой, жди беды! Он так просто это не спускает! Уж дюже обидчивый!

Я зевнула и провалилась в густой, темный и тревожный сон.

- Ведьма, вставай! Там к тебе баба пришла! – трясли меня за плечо, пытаюсь растрясти остатки сна.

- Кто пришел? – спросила я, сонно глядя вокруг и отрываясь от прелой подушки.

- Баба! – в один голос выдали бесы, пока я ворочалась и не хотела вставать.

- Шлите ее к Лешему, - зевнула я, слыша звон в ушах.

- Так она оттуда! У нее Леший ребятенка унес! – послышался голос Анчутки.

Что? Леший унес ребенка? Это как так?

Глава тридцать девятая. Какого Лешего?!!

Я вскочила и, стуча босыми ногами, бросилась в сторону двери. На пороге стояла растрепанная внешне и в чувствах молодая женщина. Вид у нее был какой-то оплывший. Она напоминала свечу, которая постепенно догорает. Грузная, рано постаревшая, слегка отекая от слез, несчастная стояла на пороге, глядя на меня красными, распухшими глазами.

- Унес, - ревела она, глядя на меня. – Леший! Дитячко мое!

На крики стал подтягиваться любопытный народ, которому подавай очередной триллер с нечистью в главной роли. «Ох, да что ж твориться-то!», - причитали они, прижимая к себе своих немногочисленных детей.

- Так, успокойтесь и по порядку! – потребовала я, слыша, как вся деревня жалеет несчастную: «Это ж надо! Леший! Кто бы мог подумать! Бедная, бедная, бедная».

- Взяла я его в лес. Хотела ягод собрать да грибы поискать... Вот еще с утра думала, может, лучше дома оставить? - причитала несчастная мать, утирая слезы кончиком платка. – Посадила на пенечек. Сказала, что пока ягоды собираю, чтобы никуда не уходил... И ведь глаз с него не спускала! А потом глянула, а его нет. Хохот только по верхушкам деревьев... А ребятенка моего унесли!

- Спокойствие! – обняла я несчастную мать, которая все причитала и рыдала. – Сейчас будем пытаться найти!

- Ой, сердцем чую, что мертвый он! – ревела мать, пока деревня ревела вместе с ней. – Как муж бросил, так один он у меня остался!

Неподалеку стоял мужик, рядом с которым ютилась еще одна баба с грудничком. При слове «муж» вся деревня посмотрела на них, как бы обещая не выдавать его. Баба покраснела, прижав к себе ребенка и спрятавшись за мужика. Тот стиснул зубы и нахмурился.

- Понятно, все понятно, - сглотнула я, чувствуя, что нужно приложить все усилия, чтобы найти ребенка.

- С Лешим договориться можно! – слышался голос Антипки, который был тут как тут. Никто его не видел, кроме меня, поэтому он и бегал туда-сюда, звонко цокая копытцами. – Бабушка договаривалась! Коли Леший че берет, то обратно выпросить можно!

Я слегка успокоилась, понимая, что придется знакомиться еще и с Лешим.

– Так, вы идите домой! А я попробую с Лешим договориться! Может, вернет! – утешала я разнесчастную мать, которая редела, как три белуги и одна соседская сигнализация. – Как зовут ребенка?

- Аким, - выдохнула мать, снова заливаясь рыданиями.

- Домой-домой-домой, - убеждала я всех, понимая, что они мне здесь мешаются. – Поищу я Акима! Расходимся! Не мешаем ведьме работать! Сегодня приема не будет! Килы, грыжи и прочие – все завтра!

Народ уныло потолкался, побряхтел, обсуждая новости. Убитую горем мать повели домой.

- Так, где у нас тут раздел Леший, - бросилась я к книге.

Старинная книга рассыпалась в руках, но я решительно листала ее, положив на стол.

- Лесовик, лисунка, лес, - листала я, неожиданно для себя открыв страницу «Леший». На меня смотрело жуткое чудовище. Создавалось впечатление, что какая-то мадам согрешила с дубом. Или одинокий дровосек соблазнился дуплом.

- Зеленый, - прокашлялась я. – Мой любимый цвет!

Я перелистнула чужие записи.

- До двадцати аршин в высоту, - прошептала я, условно принимая аршины за метры. Мне так было удобней. Вряд ли Леший обидится, если я слегка ошибусь в росте. – Ходит промеж деревьев, аж верхушки скрипят...

- Мой любимый размер, - согласилась я, понимая, что завалить такого мне не под силу. – Ежели знакомая дорога стала незнакомой, то леший тебя водит. Выверни одежду наизнанку, и лапти с левого на правый одень. И тогда водить не будет. Быстро путь-дорожку найдешь.

- Как поговорить с Лешим? – спросила я, листая книгу дальше. – А! Вот! Нашла! Любит леший яички освященные... За них много чего скажет и покажет...

Я посмотрела вокруг, понимая, что чьи-то освященные яйца способны творить дипломатические чудеса! В голове вертелось разное. Святить нужно после того, как оторвала. Или можно до, когда они еще были частью чего-то визжащего: «Прошу вас, не надо!». Судя по тому, что использовалось в ритуалах, я не удивилась. Вон, палец покойника, зуб покойника, гробовая доска первого покойника...

- А где взять освященные яички? – уныло спросила я, чувствуя, как во мне просыпается будущий живодед.

- У меня нет! – тут же заметила Анчутка, делая вид, что выворачивает карманы. – У Антипки нет! О! У домового должны быть!

Домовой, который вылез из-за своей печи и сидел теперь на ней, как кот, замер и насторожился.

Плохо, когда яйца в доме есть только у домового!

- Не дам! – заскрипел он. – Это мои! Свои иметь надо!

- Может, в деревне поспрашиваем? – предложил Антипка.

- Не дам! – взвизгнул домовый, пытаясь спрятаться за печкой. – Мои! Мне их подарили! Помогите! Самого дорогого лишают!

- Давай, лови его! – кричала Анчутка, ловко забираясь на печку. За ней следом забрался Антипка.

Я представила вопли, крики, и мне стало до слез жалко домового! Но мне еще предстоит подкатывать яйца к Лешему, так что тут не обойтись без жертв. Домовой вырвался и юркнул за печку, спасаясь от бесов.

- Ушел, - грустно вздохнула Анчутка. – Это ты его плохо держал!

- Нет, ты! – насупился Антипка, почесывая рога.

- Так, спокойствие, - выдохнула я, понимая, что домовому ничего оторвать не успели.

Домовой обиженно кряхтел за печкой.

- А может, другие подойдут? – предложила я, даже не представляя, у кого их можно отодрать.

- Другие не подойдут! – настаивали бесы. – Только освященные. А если взять обычные, куриные, то ничего не будет!

Магия вообще мрачная штука. Особенно народная. Пожалуй, она суровой, чем народная медицина.

- Значит, это куриные, но освященные яйца? – спросила я, вспоминая, есть ли поблизости церквушка и курица.

- Пасхальные, - почти хором заметили бесы. – Ими домовых угощают на Пасху.

- Домовой, пожалуйста, - взмолилась я. – Там ребенок пропадает! Ребенок!

- Покорми его! – попросила Анчутка, с тревогой глядя на печку.

Я схватила треснувшее блюдо и положила туда хлебушек.

- Солью посыпь! – переживали бесы, пока я искала, где здесь соль.

Краюха в миске была пододвинута за печку.

- Домовой, - позвала я, видя, как маленькая ручонка хватает хлебушек.

- Ась-ась? – послышалось чавканье.

- Яйцо одно дай, - взмолилась я, понимая, что переговоры с запечным террористом приближают меня к цели.

- Не дам, - буркнул домовый. – И не проси!

- У тебя же их много! – убеждала я, не зная, что еще придумать. – А мне одно нужно! Да ты так упираешься, словно тебя кастрировать собрались! Послушай, если хочешь, мы съедем отсюда. Теперь, когда сила вернулась, мы можем найти любой дом!

- Ладно, на... - послышался голос, а по полу покатилося крашенное и разрисованное яичко, обмотанное паутиной. Оно докатилось до моей босой ноги и остановилось.

Я радостно схватила яйцо, не понимая, почему их так любит Леший.

- Тебе нужно прийти к большому пню и положить яйцо вместе с грамотой, - пищала Анчутка, бегая вокруг меня кругами. – Так бабушка делала!

Грамота за что? За особые успехи в покраже детей? За отличные отметки в четверти? За что грамота?

- Грамоту нужно написать! – суетился Антипка. – На бересте! Береста у нас где-то завалилась! Ее бабушка хранила! Как раз на случай, если у кого-то корова потеряется! Или коза!

Передо мной появился скребок, похожий на штуку для чистки ногтей и береста. Я тут же почувствовала себя летописцем, которому предстоит в героических красках и заумных выражениях расписать чью-то биографию.

- Я не знаю, что бабушка писала! – тут же смутилась Анчутка. – Она не показывала! Только говорила, чтобы под ногами не мельтешили!

- Так, что писать? – повторила я свой вопрос, почесывая бересту скребком. Я написала слово: «Грамота».

«Лучшему Лешему нашего леса!», - просилось у меня, пока бесы отчаянно вспоминали, что к чему. Но даже они не знали, где взять образец лешачьей грамоты.

- Дорогой Леший, - начала я, прикидывая, что к чему. – Прошу вас вернуть похищенного...

И тут я застопорилась. А вдруг у нас тут Акимов похищают каждый четверг? И вместо ребенка мне целое стадо приведут, как Васей!

- Какое сегодня число? – спросила я, чтобы указать, когда был похищен Аким.

- Сейчас май, кажется, - переглянулись бесы. – Или июнь! Да кто тут в деревне календарь ведет?

- Вчера! – написала я, с остервенением скребя палочкой бересту. – Похищенного вчера Акима. Прилагаю освященное яйцо. Настоящее. Не подделка.

Я задумчиво перечитала письмо и поставила корявую роспись.

- А теперь куда? Где здесь лешачий главпочтамт? – спросила я, глядя на корявые буквы, которые скакали туда – сюда.

- Пойдем, покажем! – обрадовались бесы, пока я несла яйцо.

- Ты это... - начал Антипка, когда я рассматривала яйцо в паутине. – У нас, короче, просьба будет! Мы подумали и решили, что нам нужен ребенок!

Я уже поняла, что вчера они сидели где-то и усиленно думали.

- Да! – вздохнула Анчутка, смутившись. – Маленький бесеночек!

- И только ты можешь нам в этом помочь! – взмолились бесы.

- Как?! – сиплой вороной каркнула я. И тут же вспомнила, что бесы из яйца появляются.

- Выноси нам бесенка! – попросила Анчутка. Антипка обнял ее, а я поняла, что моей подмышке предстоит стать суррогатной мамой.

- Давайте с Лешим разберемся, - согласилась я, видя, как бесы радостно прыгают и обнимаются, как два голубка. Только черненьких, пушистеньких, рогатых с пяточками и копытами.

Мы вошли в ту часть леса, в которой я еще не была. Он зашумел и заухал. Лес скрипел ветками, заставляя невольно пригнуться. Зловещие звуки, доносившиеся из глубин леса, заставили мои пугливые нервные клеточки сбиться в кучку и дрожать. Лес то ухал, то скрипел, то шуршал, то кричал на разные голоса. В темноте вспыхивали огни- глаза, чтобы тут же погаснуть, стоит посмотреть на них.

Огромный пенек, стоящий посреди поляны, наполненной лесными шорохами, напоминал алтарь.

- Сюда! – ткнули мне пальцами бесы. Я достала царапку и на всякий случай написала свой обратный адрес. Избушка в деревне, десятая справа. Нет, ну мало ли!

Я оставила яичко и грамоту, а сама стала уходить. Лишь один раз я обернулась на жутковатый шум, чувствуя, как по коже наперегонки бегают трусливые мурашки.

- Угу! – произнес отчетливо филин, сидящий черным силуэтом на ветке. Он слетел с ветки и исчез в темноте.

Стоило мне еще раз обернуться, как я увидела, что моя корреспонденция пропала. Яйцо, кстати тоже.

- Если все будет хорошо, то завтра выйдет! Целехонький! – порадовали меня бесы, пока я уже не чаяла, как выбраться из этого проклятого леса.

Сердце замирало, когда ночной ветер приносил запах болота. Неужели он так ничего и не понял? Пока я терзалась загадками, лес кончился. На росстани было тихо, а в деревне и того тише.

- А вот теперь есть и спать! – обрадовалась я, понимая, что под избой кроме «мужика обещающего мне вечную загробную любовь» никого нет. Васенька опять топтался под сливой.

- Хоть бы цветов нарвал! – с укором заметила я, видя, как радуется Васенька, что я вернулась.

Поев остатки черствого хлеба, я уснула. Утром я проснулась от того, что ко мне в дом стучатся.

- Кто там? – спросила я, зевая так, что в лесу леший перепугался.

- Не нашли? Нет? – спросил голос несчастной матери. Под окном толпилась целая деревня, ожидая новостей.

- Пока нет, - ответила я вопросительно глядя на бесов. Те развели руками.

- Отдавать не хочет! – всхлипнула Анчутка. – Всегда отдавал, а тут не хочет!

Я присела на скамейку, беря книгу и пытаюсь понять, что еще можно сделать. Нужно как-то увидится с Лешим! И поговорить!

- Не хочет по-хорошему, будет по-плохому! – воинственно выдала я, почесав нос.

- Думай, думай! – мерял шагами избу Антипка, заложив руки за спину. – О, может, она его сама к Лешему послала!

- Есть время такое, никогда не угадаешь его. Если к Лешему послать, то унесет! – обрадовалась Анчутка. – Так бабушка говорила.

- Ну, дорогие мои, посылайте! – выдохнула я, тут же замешкавшись. – Не мешало бы вооружиться!

- Ты рубаху выверни! На всякий случай! – наперебой дергали меня бесы. – И железо возьми! И обереги! А то Леший могущественный! А если к нему попадешь, ничего не ешь и не пей! Иначе власть над тобой иметь будет!

- Ну, теперь посылайте! – выдохнула я, чувствуя себя рыцарем, закованным в железо. В руках у меня была старая сковородка, которую я решила использовать в воспитательных целях. На голове – железный ковш. На всякий случай. Вокруг пояса на веревке висели обереги на все случаи жизни.

- Иди ты к Лешему! – крикнул Антипка.

- Иди ты к Лешему! – пискнула Анчутка.

Пока что я никуда не шла. Через час я устала стоять во всеоружии и присела на скамейку.

- Иди ты к Лешему! – посылали меня бесы каждую минуту, в надежде поймать то самое время. – Иди ты к Лешему!

Я уже доедала сухарик, размачивая его в воде и грызла лук.

- Иди ты к Лешему! – кричали бесы наперебой. Солнце уже не светило в окна, а я лежала на скамейке, слушая: «Иди ты к Лешему!».

- Да идите вы к Лешему все!!! – рявкнул домовый из-за печки так, что мы чуть не подпрыгнули.

- А что? А ниче. Я помогаю! Дитятко жалко! – слышался кашляющий голос.

Глава сороковая. Подкати яйца к Лешему

Два охрипших беса сидели рядом со мной на скамейке, прислонившись ко мне.

- Иди ты к Лешему! – устало шептали они, а я уже поняла, что леший притворился глухонемым и безграмотным.

- Так, ладно! Скажу! – не выдержал Антипка. – Есть еще один способ! Его старая ведьма, что тут до бабушки жила, применяла! Берешь освященное яичко...

- Что?! Опять?! – заорал из-за печки домовой. – Не дам! Больше не дам!

- Ну одно, ну пожа-а-а-алуйста, - упрашивала я, заглядывая за печку. – Одно яичко. Всего лишь одно! И мы завтра же съедем!

- На! Подавись! – буркнул домовой, а в меня полетело еще одно покрытое паутиной яйцо, которое я едва не разбила.

- Тебе нужно в полночь явиться к тому пню одной! – прошептал Антипка. – И сесть на пенек с яичком. Сиди и жди. Первый пойдет – молчи. Не разговаривай. Второй пойдет – молчи, ни слова ему не говори. А вот третий придет – лешим окажется. Вот тогда и поговоришь!

Я выдохнула, представив, что мне придется тащиться в этот лес снова. Но ничего не поделаешь!

- При себе ничего брать не надо! – предупредили бесы, когда я решительно намылилась просить аудиенции. – Мы с тобой пойти не сможем! Проводить – проводим! Но ты смотри! Делай все, как сказано!

Мы дошли о леса достаточно быстро. Ночную тишину, окутавшую деревню, словно одеялом, разрезал концерт сверчков.

- Прямо и к пню! – напутствовали меня бесы. – Никуда не сворачивай!

- Ага, - кивнула я, направляясь одна в страшный лес подкатывать яйца к Лешему.

Пока что мне казалось, что все вокруг хочет меня убить. Странные шорохи заставляли замирать и вздрагивать. «С первым ни-ни, со вторым ни-ни, с третьим мона! Вот так всегда! Чтобы попасть к генеральному директору нужно пройти двух секретарш – церберов», - повторяла я себе, осматривая страшные деревья в три обхвата.

Наша секретарша Машенька была девушкой божий одуванчик, но стоило кому –то пройти к генеральному без приглашения, она набрасывалась и откусывала половину самооценки. Мимо Машеньки в кабинет главного не пролетала даже муха. Не говоря уже о простых

смертных. За это Машеньку ценили, уважали и мечтали убить сразу после работы.

До пенька я добралась быстро, едва не порвав рубаху о колючую траву. Я уселась на пенек и стала ждать, перекатывая яичко в руке.

- И где первая секретарша Машенька? – спросила я, поглядывая на луну. Я напоминала себе одинокого волка, которому впору завывать от бессилия.

Как вдруг послышался треск ломаемых деревьев. А вот и Ма...

- Мама дорогая! – едва не крикнула я, вспомнив, что нужно молчать в тряпочку. Молчать в тряпочку лучше, чем молчать в белых тапочках, поэтому я вжала голову в плечи, видя как ко мне, ломая деревья, движется первая секретарша, заочно прозванная Машенькой.

Огромный исполин, заслоняющий звезды и небо, сделал шаг, похожий на землетрясение. Я чуть не подпрыгнула вместе с пеньком, когда он снова ступил тяжелой поступью, ломая деревья, которые были ему по пояс.

- Убью, разорву на части! – послышался жуткий голос. Вывороченное дерево пролетело над головой.

Нет, наша Маша страшней!

- Прямо сейчас возьму и разорву! – рычало чудовище, похожее на оленя, однажды перепутавшего дерево с самочкой. – Кишки по елке разбросаю!

Нет, Маша, определенно страшней!

- Ты что здесь делаешь! Отвечай!!! – рычали на меня страшной пастью, пока я радовалась своему умению неметь и каменеть при первой же опасности.

Машенька была не в духе.

Побросав деревья, потопав и порывав, чудище совсем озверело. И предложило мне сосну. Вырванная с корнем сосна просвистела над головой, когда поляна и лес содрогались под тяжелой поступью.

Потом чудищу надоело, и оно отправился дальше, заставив меня выдохнуть с облегчением и проверить ладошкой под собой злосчастный пенек на предмет случайного конфуза.

Не успела я отойти от первой «секретарши», как следом шла вторая. Деревья гнулись, а это нечто напоминало страшного волка, вставшего на задние лапы. Глядя на это чудище мне хотелось узнать все подробности, как волк однажды поймал сову и не съел.

Пока рядом со мной клацали жуткие зубища, я мысленно умоляла: «Не ешь меня, у меня попка – горькая!».

- А ну быстр-р-ро отвечай мне! Кто такая! Иначе съем! – прорычало чудовище, капая на меня слюной.

Я молчала, глядя на жуткого зверя, который искусал весь воздух вокруг меня. Ничего, у нас есть яйцо! Правда, одно! Но, видимо, железное!

Зверь разозлился, бросился на меня и... перепрыгнул, исчезая в чаще.

- Так, о чем ты хотела поговорить? – спросил голос, когда я увидела красавца, идущего по тропинке. Он усмехнулся, а я заметила, что глаза у него белые- белые! Ни зрачка, ни радужки. Да и одежда у него странная, шиворот-навыворот надетая. Нитками и швами наружу.

- П-п-почему одежда наружу? – спросила я, перекатывая в руках яйцо.

- Это вы, люди носите швами внутрь. Зато снаружи красиво. А я люблю, когда внутри приятно, а снаружи мне плевать, - усмехнулся леший, глядя на меня лунными глазами. Мне хотелось назвать их лунными, так как они напоминали две полные луны и чуть светились в темноте.

- Кажется, - заметила я, вспоминая страшного лешего с зеленой бородой, который обыграл меня в карты. – Мы с вами уже знакомы...

Я заметила у него на голове оленьи рога.

- Знакомы, ведьма, - слышался голос. – Зачем пришла?

- Я тут грамоту оставляла, - подвинулась я, показывая на пенек. – Чтобы мальчика вернул. Акимом зовут!

- А тебе какое дело до него? Раньше ведьмы за детьми в лес не приходили. – усмехнулся Леший, стоя на расстоянии. – Детей любишь?

- Люблю, - заметила я, глядя на яйцо. – Вот, это вам! Если скажете, где мальчик! А еще лучше – выведете его из лесу! А то я вижу, что у вас не хватает, поэтому детей похищаете беззащитных!

Я протянула яйцо, недовольно глядя на Лешего.

- Так-так –так, - заметил Леший, снова уставившись на меня страшными глазами. Я заприметила точь в точь такие у филина. А, может, мне это показалось?

- Это, значит, по тебе болотник сохнет? Да? – бесцеремонно усмехнулся Леший, поигрывая яйцом. – Нет у меня ребенка!

В этот момент из лесу вылетела огромная стая ворон, растворяясь в ночном небе.

- И не было его. У своего болотника спроси, куда детки деваются! – слышался голос Лешего. Только его самого уже не было. Исчез!

- У болотника спросить, куда детки деваются? – спросила я, ужасаясь от мысли, что он похитил ребенка.

Мне стало страшно, когда я представила, как маленький, беззащитный мальчик становится ужином для этого чудовища!

Ноги подкосились, а я опустилась на пенек, не зная, что делать! А вдруг он снова пошел на хитрость, чтобы заманить меня на болота?

- Я должна спасти ребенка! – прошептала я, находя в себе силы встать. – Даже если ради этого придется выйти замуж за Хозяина Топей.

Я поковыляла в сторону болот, боясь, что уже не успела. Поэтому ускорила шаг.

- Если он охотится на детей, то мне с ним делать нечего! – выдыхала я, чувствуя покалывания в боку. Идти пришлось быстро. Мрачный лес уже не пугал шорохами и звуками. Даже страшные глаза, то и дело загорающиеся в темноте, не пугали так, как раньше.

Я шла через деревню, видя, как из-за леса встает рассвет.

- Прокляла она его! Мачеха! К Лешему послала! – ревела мать, снова собирая деревню возле моей избы. – У нее вон, свой! Чужих ей не надобно! А он вечно к папке бегал!

Деревня ополчилась на бедную мачеху, которая прижала к себе грудничка.

- Значит, ты моего сына к Лешему отправила! – рявкнул отец, когда бедная женщина сжалась комочком. – Зря я с тобой спутался! Зря я с тобой связался!

Если бы я не подросла, то запахло кровопролитием. Мужик покати свои яблочки раздора к бывшей жене.

- Стоять! – рявкнула я, заслоня собой бедную женщину. Ребенок разрыдался у нее на руках, а она дрожащим голосом баюкала его. – Только что говорила с Лешим. У него нет ребенка.

- Как?! – ужаснулась деревня, переглядываясь. – Как нет у Лешего? А кто ж тогда?!

Я промолчала, видя, как мужик – раздора, снова перекатил яблочки обратно. Пока он просил прощения, толпа не знала, что и думать.

- А ну марш отсюда! Все! Живо! – рявкнула я, разгоняя любопытных. Но расходиться никто не хотел. И тогда я взмахнула рукой, как бы намекая, что со мной шутки плохи. К моему удивлению с руки сорвался огонь, врезаясь прямо в старую сливу. Слива вспыхнула, а деревня шарахнулась подальше, быстро растекаясь по домам.

- О, как! – удивилась я, глядя на свою руку. – Салют, однако!

Я уверенным шагом прошла всю деревню, направляясь в сторону болота.

Болото было близко. Об этом мне рассказали назойливые комары, которые обнаглели настолько, что паслись на мне стадами.

- Брысь! – сгоняла я их, но они снова гнездились на меня с единственной целью – заставить чесаться!

«Он тебе такое не простит!», - вспомнила я голос Федор Федоровича, еще ускорив шаг. Кваканье лягушек возвестило меня о том, что я пришла. Пологий бережок вел к заросшему камышами болоту.

Рядом закричало чудовище, от которого я подскочила на месте, едва не обделавшись. На меня умными глазами смотрела странная птица, раскорячившаяся на камышах. Мои познания в птицах ограничивались: «Съедобное и ой, какая прелесть!». Но эта птичка не подходила ни под одну категорию. Издав пронзительный звук, от которого лес едва не съежился, птичка улетела.

- Отлично, - прошептала я. – Верни ребенка!

Мой голос утонул в болотных туманах.

- Я кому сказала! Верни ребенка! – крикнула я, видя, как из болота вырастает знакомая фигура. Только лицо у него было непроницаемым, словно маска.

- Какого? – спросил Хозяин Топи, словно мы с ним слабо знакомы.

- Акима. Пропал позавчера. Леший сказал, что он у тебя, - ответила я, глядя в любимые и упрямые глаза. Они смотрели на меня нехорошим взглядом, а вокруг него летал верный Федор Федорович.

- Акима, значит, - произнес голос Хозяин Топей. Я смотрела в его глаза, понимая, что они не любят и, видимо, не любили никогда. – А

что мне с этого?

- Проси все, что хочешь, - мрачно отозвалась я, тревожась за судьбу ребенка. Но в сердце дрогнула надежда, что он еще жив, раз со мной торгуются. В моих руках вспыхнул огонь, который я спрятала за спину. Не нравился мне этот взгляд.

- Сражаться хочешь? За ребенка? Какое тебе дело до людей? - с усмешкой произнес болотник. – Или ты решила их защищать? Вспомнила наконец-то зачем тебя притащили сюда два беса? Ребенка я тебе не отдам.

- Ты его сожрал?! – ужаснулась я, понимая, что огонек надежды потух.

- Победишь, так и быть. Расскажу тебе, где он, - произнес болотник, а в его руках вспыхнуло пламя. Такое же, как и у меня. – Бросай заклинание, ведьма.

Я дрогнула, глядя на свои пальцы. Между ними струился тягучий зеленый туман. «Он – чудовище! Просто чудовище! Он украл ребенка. И, возможно, сожрал его!», - убеждала я себя, но пальцы дрожали, не отпуская заклинание.

- Не хочешь сама? Тогда на счет «три», - заметил болотник. – Раз, два, три...

Я бросила заклинание, целясь выше его головы. Его заклинание летело в меня, как вдруг ударилось о кору дерева, оставив на ней ожог.

- Подумаешь, случайно промахнулся, - заметил болотник, пока мое сердце умоляло его не быть таким упрямым. - А вот от тебя не ожидал... Ладно, скажу как есть.

Я стояла, словно вкопанная, понимая, что есть мужчины, которые отказа не прощают.

- Его утопила собственная мать. Она ненавидела его за то, что он так похож на предателя – отца, бросившего ее ради другой семьи. И чем старше становился мальчик, тем больше он напоминал ей мужа. Это была ее месть мужу, который очень любил сына. И хотел забрать его в свою семью.

- Не может быть, - ахнула я, едва не осев на кочку.

- Она привела его на болото и потащила в воду, - произнес болотник, не сводя с меня взгляда. – Потом бросилась в деревню, рассказывать всем про Лешего. Она рассказала всей деревне, что

сын на мачеху жаловался. И та его, видимо, послала к Лешему. Она надеялась, что муж проклянет новую жену. И вернется к ней.

- Все именно так! Я был там, и все слышал! – донесся голос Федор Федоровича.

- И? Где ребенок? Он жив? – с ужасом спросила я, глядя на Хозяина Топей. То, что я слышала в деревне полностью подтвердилось.

- У меня, - произнес он. Мы стояли друг напротив друга, словно враги. А я со вздохом вспоминала: «сладенькая моя» и поцелуи.

Как будто все было предрешиено судьбой. Как начали врагами, так ими и закончим.

- Летите сюда, дети мои, - усмехнулся болотник, взмахнув рукой. Сотни огоньков поднимались из болота, вылетали из леса. Все они окружили его, а я с удивлением смотрела на то, как они ластятся к нему.

- Вот, это мои дети, - произнес болотник. – Каждый, кого утопили в моем болоте. Как ты думаешь, почему я до сих пор не стер деревню с лица земли? Я ведь мог сделать это в любую минуту?

Огоньки порхали вокруг него, а он выставил руку, глядя их.

- Я знаю каждого по имени. Каждого и каждую. Они очень хотели в деревню, чтобы посмотреть в глаза тем, кто их утопил. Но камни не пускали их, пока ты не сдвинула один из них. Вот они и летают по деревне, садятся на дома, в которых когда-то жили. И медленно сводят с ума тех, кто их здесь оставил.

Так вот почему у меня на доме не было ни одного огонька!

Но здесь, на болоте были повсюду. Маленькие детки, которые обрели вторую жизнь...

«Я знала, что они никакое не чудовище...», - екнуло сердце. – «Они любят его! Он заботится о них...».

- Мама, мамочка... - слышались тонкие детские голоса.

У меня на глаза навернулись слезы, когда я вслушивалась в каждый голосок. Они плакали по мамам, которые однажды их здесь оставили.

Один огонек подлетел ко мне, а я впервые услышала его голос так близко.

- Мама, - вздыхал огонечек, вертясь вокруг меня. – Мамочка...

Я закусила губу, видя сотни маленьких деток. Казалось, что все болото светилось сказочным светом, если бы не одно но... «Мамочка!», - пропищал огонек.

- Не плачь, - прошептала я, видя, как он садиться мне на ладошку.
– Не плачь, маленький... Или маленькая...

Он был холодный, словно ледышка.

- Не надо плакать, - прошептала я, не зная, можно ли их гладить. –
Все уже позади... Как тебя зовут?

- Ваня, - послышался детский голосок, умиливший меня до слез.
Ваня... Ванечка...

- Привет, Ваня, - прошептала я, боясь сдуть его своим дыханием. –
А меня зовут Иванка...

- А вот и твой Аким, - послышался голос совсем близко. Я испуганно подняла глаза, видя, что болотник уже стоит в шаге от меня. Он разжал руку, а в ней был еще один огонек, который плакал навзрыд.

- Папа... - слышался голосок из чужой ладони. Казалось, что огонек дрожал, словно пламя свечи от дыхания. – Я хочу к маме и папе...

- Он так и не понял ничего... Все они по началу плачут, - послышался голос Хозяина Топи. Он перевел взгляд на другие огоньки, которые играли в догонялки, летая между деревьями. – Потом становится легче. А сначала его нужно держать в руке, чтобы он понимал, что нужен хоть кому-то в этом мире...

Я смотрела на болотника так, словно видела его впервые. Огоньки облепили его одежду. И мне казалось, что он светился. Потом они дружно вспорхнули и снова бросились играть.

- Ты когда-то был таким огоньком? – спросила я, дрожащими пальцами прикоснувшись к съежившемуся огоньку, который плакал детским голосом. Я даже не знала, как можно погладить сгусток света.

- Да. Когда-то, давным- давно... Очень давно, - произнес Хозяин Топи.

- И у тебя было имя? – спросила я, глядя на него.

- Мне его даже дать не успели, - послышался голос, пока я гладила огонек в чужой руке.

Только я протянула руку к огоньку, который пересел в мою растерянную и трясущуюся руку, как вдруг меня схватили за руку.

- Почему ты отказалась? – прошипели мне в ухо, опаяя дыханием. – Почему ты не согласилась?

Я чувствовала, как меня тянут за руку, прижав к себе, но не обнимая.

- Я... - прошептала я, опешив от такого. – В моем мире, кормить комаров любимым женщинами, как-то не принято!

- А мне плевать на твой мир, ведьма, - выдохнули мне в ухо. – Ты сейчас здесь. В моем мире.

- Ты бы мог просто... просто... сказать, что любишь, - прошептала я, чувствуя, как хватка ослабла.

- Что? – слышался голос, а я чувствовала, как слегка разжимаются пальцы на моем запястье.

- Просто... любишь... - прошептала я, чувствуя щекой его рубаху.

Глава сорок первая. Неожиданный поворот

- Чтобы я, Хозяин Болот и Топи, полюбил человека? - произнес Хозяин Топи.

- Тогда почему ты держишь? – спросила я, видя свою руку в тисках чужой руки.

- Потому, что не хочу, чтобы ты уходила. Я хочу, чтобы ты была со мной! Всегда! Чтобы ты жила в моем дворце. Чтобы спала рядом. Чтобы носила украшения, которые я дарю, а не закапывала их под сливой! Чтобы я не ждал, когда ты придешь!

Я смотрела в его зеленые глаза безотрывно.

- Ты ведь знаешь, я найду способ сделать так, чтобы по-моему было! – стиснули мое запястье, заставив меня на него посмотреть. Мои побелевшие пальцы сжимали огонек детской души. – На любую подлость пойду. Нет для меня подлости!

Мое запястье сжали еще сильнее. Хозяин Топей подался вперед, все еще глядя на меня зелеными глазами.

- Надо будет – чары напущу! Любить меня будешь больше жизни! Ночи не спать, обо мне грезить! Сама на шею бросишься. Сама в болото топиться пойдешь! – прошептал он мне в губы. – А я тебя сам под воду утащу...

- Думаешь, сработает? – прошептала я, боясь повредить огонек в руке.

- Сработает, - слышался шепот в мои губы. – Я все равно могущественней тебя, ведьма. Тебе со мной не справиться!

- Это угроза? – спросила я, поднимая брови.

- Сбежать удумаешь, так не сбежишь! Куда ни пойдешь, болота. Мое царство, - задыхался он, притягивая меня к себе все ближе и ближе. Хотя, казалось, что ближе уже некуда! – А если надо будет, проснешься, а вокруг твоего дома болота! Ни шагу не ступишь за порог! Никого не пожалею. Никого не пощажу. Так что рано или поздно моей все равно будешь!

Этот тревожный и завораживающий шепот, словно поцелуй, касался моих губ. До его губ осталась половинка дыхания.

- Не захочешь по-хорошему, заставлю силой, обманом, подлостью! – шептал голос, а я вдыхала его слова, которые сжимали мою душу не то от страха, не то от волнения.

- Чудовище, - прошептала я, чувствуя, как дрожат мои колени. Мне казалось, что мир вокруг нас сжимается, сворачивается, растворяется.

- А ты думаешь, меня просто так называют Чудовищем Нави? - послышался шепот. – Если нужно – заберу силой... Приручу... Закую в наручники... Но буду осыпать подарками, нежностью, пока ты меня не полюбишь!

Мне на лицо легла рука. Когти слегка впивались в мою щеку, чтобы тут же погладить меня дрожащими пальцами.

- Я ничего не могу с собою сделать,- прошептало Чудовище Нави. – Ничего... Я не знаю, что такое любовь.

В этот момент все встало на свои места. Я вспомнила рассказ Федор Федоровича, как вдруг душу скрутило, словно от боли. Мне казалось, что у меня до сих пор внутри звучит его голос.

Я прошу у него любви, но он ее не знает. Мать его не любила. На кочке бросила. Умирать оставила. Откуда ему про любовь знать?

А вернулась, потому что боялась осуждения. А что в деревне скажут? Куда младенца дела? И тут же золото нашла рядом с ребенком. Вот и забрала. И золото, и ребенка. Мать, которая за деньги полюбила... Вот поэтому он каждой девушке то гребень, то бусы дорогие дарит. Он просто хотел, чтобы его полюбили...

- Тогда отпусти... - улыбнулась я, погладив его по холодной щеке. Я не заметила, как стояла по колено в болоте. – Любовь, это когда дают выбор... Любовь, это когда возвращаются... А не когда силой забирают...

Я почувствовала, как рука медленно разжимается. Мне казалось, что внутри страшного, подлого, беспощадного чудовища сидит такой же маленький болотный огонек, который очень хочет тепла, нежности, любви и ласки.

- Такое страшное чудовище, - прошептала я, нежно глядя его щеку и заглядывая в глаза. – А внутри живет маленький болотный огонечек, брошенный всеми, не знавший ни любви, ни тепла, ни нежности...

Я разжала руку, глядя на маленького Акима, который притих. Я хотела его отпустить, но он прижался к моей ладони. Маленький, доверчивый светлячок. Они одинаковые. Только этот просто лежит на ладошке, разомлев от тепла и нежности. А этот еще и шею свернуть может...

- Я вернусь, - прошептала я, понимая, что мне нужно в деревню. Иначе там без меня очередной самосуд устроят! Да и бесов предупредить надо, что мы переезжаем в болото.

- Даю тебе время до заката, - послышался зловещий голос, пока руки жадно сгребали меня, а пальцы впивались в спутанные волосы. – Если до заката тебя не будет, я буду знать, что ты меня обманула. И утоплю эту деревню! Я все здесь уничтожу! А потом найду тебя...

Я выпустила из ладошки Акима, который тут же взлетел и исчез.

Хозяин Топи взял мое лицо в свои руки и впился страстным и страшным поцелуем в губы.

- Если обманешь, - прошептал он, глядя мне в глаза. – За мной не постоит...

Меня нехотя отпустили, позволив сделать шаг назад. Я покачнулась, поворачиваясь в сторону леса. Перепуганное сердце то вздрагивало, то замирало, то отмирало, пока я представляла, насколько сильно он одержим мной... По спине бежали мурашки от призраков его слов, которые все еще звучали в голове.

- Вернусь, куда денусь, - решила я, спеша в деревню, чтобы быстренько сообщить правду, спасти несчастную мачеху, предупредить бесов и собрать свои скудные пожитки. Мало ли, что пригодиться!

Внезапно я почувствовала странное ощущение. Словно время остановилось. Даже птицы петь перестали. Казалось, вокруг была какая-то звенящая, тяготящая тишина. Даже комар не звенел на ухо...

- Морок? – прошептала я, останавливаясь и прищуриваясь. – Морок... Меня кто-то пытается заморочить... Неужели не отпустит?

Я почувствовала, как невидимая сила начинает кружить меня на месте, пока я с трудом пыталась понять, что происходит. Измученная, я просто упала на сухую траву, отбиваясь руками от невидимки.

Очнулась я на огромной кровати с деревянными столбами. Все вокруг было чистым, аккуратным и очень дорогим.

- Все-таки утащил во дворец? – прошептала я, все еще чувствуя головокружение. Но это был не дворец. В окна ярко светило солнце, от которого пришлось прикрыть глаза ладонью.

На мне вместо рубахи был красивый сарафан, почему-то одетый шиворот навыворот.

- Эй, - позвала я, пытаюсь понять, что случилось. Никто не отозвался. Я спустила босые ноги на пол, осматривая все вокруг. Это явно не деревня. Явно не мой дом... И даже не болотный дворец... Птицы пели так, словно в голове кто-то сверлил.

Я нашла дверь, вышла в нее, попадая в красивый коридор. Это было что-то похожее на огромный терем.

- Проснулась? – послышался знакомый голос, а я не могла вспомнить, где его слышала. Я резко обернулась, видя перед собой Лешего. Красивый, молодой, с белыми глазами и рогами, он был одет в рубаху, вывернутую наизнанку и штаны.

- Леший? – спросила я, не веря своим глазам. – Так, а что я здесь делаю?

- Понравилась ты мне, - усмехнулся Леший. – Да и должок стародавний был за Хозяином Топей. Желаньце проиграл недавно в карты в бане! Вот я и решил о нем вспомнить. О желанье.

- Еще раз? – спросила я, глядя в его белесые глаза. – Проиграл желанье в карты тогда в бане, а ты решил похитить меня?

- А что не так? – дерзко спросил Леший, осматриваясь по сторонам. – Вот мое желание.

- Вот только не надо мне про любовь с первого взгляда! – буркнула я, видя, как он подходит ко мне все ближе и ближе. – В деревне вон сколько девок! Любить – не перелюбить! А мужики так себе. Так что у тебя тут целый карт-бланш!

- И то верно, - дерзко усмехнулся Леший, оказываясь, то здесь, то там. – Однако ж, ни одна из них за чужих детей грудью не стояла, как ты. Как прочитал, что ты Акима ищешь, так задумался. А как сама

явилась да не испугалась, то решил. Сразу видно по тебе, что чужих детей любишь... А мне как раз нянька нужна.

- Нянька? – ужаснулась я, глядя в его белесые глаза.

- Не могу я и лесом заниматься и за детьми следить! – усмехнулся Леший. – Они у меня хоть и послушные, но все же.

Меня приобняли за талию, а я сорвала его руку с себя, слыша смех за спиной. Передо мной появилась дверь, которая сама по себе распахнулась.

- Ты хоть знаешь, что болотник с тобой сделает? – прошептала я, зная, что за ним не заржавеет.

- Ради человека вряд ли. Ни одна нечисть за человека не вступится, - усмехнулся Леший. – Да к тому же слышал я ваш разговор. Коли до заката ты не явишься, то все, откажется он от тебя. А будет искать – не найдет! А сказать ему ты не сможешь! Да и вырваться сама не сумеешь! У нас, у навьих, другие законы.

- Пусти, - рыкнула я, выдергивая свою руку. В душе царило смятение. Неужели все правда так и кончится! Нет, надо ж этому рогатому вспомнить про долг. Сидел себе тихонько, а потом на тебе! А ведь не пойдешь я искать Акима, то сейчас бы с бесами на болото переезжали!

- Вот, знакомься, - усмехнулся Леший, проводя меня в светлицу. В ней было чисто светло и уютно. – Мои дети...

На меня уставились лохматые, зеленоволосые мальчишки лет шести в дорогой одежде наизнанку, из-за которых выглядывала такая же лохматая, девочка с кучей бус и украшений на шее. Ее дорогой сарафан тоже был вывернут наизнанку, а волосы только-только начали зеленеть. Они зеленели местами. И казалось, что это мох.

- А где их мать? – спросила я, глядя на детей. Девочка держала в руках тряпичную куклу. – Неужели сбежала?

- Разные матери у них! – рассмеялся Леший. – Ничего, сейчас облесуют, совсем людей забудут! А вырастут тоже Лешими будут. Как вырастет новый лес, так туда Леший молодой придет. А пока это лесовики.

Я посмотрела на Лешего, не зная, что и думать.

- Вот и будешь нянчить. А я за работу заплачу, не пошкуплюсь! Не думай, что я беднее Хозяина Топей. Богатствам моим тоже счету нет. Да, моя поганочка?

- Папа! Папа! – с визгом бросилась к нему девочка, обнимая за шею.

- А коли что с детьми случится – не спущу, - слышался зловещий шепот на ухо.

- Тоже мне! Нашел няньку! – крикнула я, собираясь уйти. Я толкнула его плечом. – Пошутили и хватит! Иначе...

- Что «иначе»? – усмехнулся Леший, видя, как у меня загораются руки болотным светом.

Я вцепилась в него руками. Одежда на нем сгорела, а он со смехом снял мои руки с себя.

- А коли с детьми сладишь, да приглянешься, - слышался шепот, а Лешего стало как-то слишком много вокруг меня. – Тогда и у нас сложится... Я не обижу... По бабам не ходок... Будешь хозяйкой терема моего... Ни в чем нужду не узнаешь... Работников тебе приведу, чтобы ты как царица сидела, да пальчиком то туда, то сюда показывала... А потом родишь мне лешачонка...

Его рука легла мне на живот, а я резко скинула ее. Морок пропал, а я очутилась в горнице, где на меня смотрели детские глаза.

- Но если приглянешься, - слышался голос. – Они у меня послушные, добрые... Только смотри, чтобы в доме чисто было... Хозяюшка!

Леший исчез, а дети переглянулись.

- Ушел папа? – переглянулись дети. И тут же начался такой погром, от которого хотелось выйти в окно.

- Лови меня! Лови! – визжала девочка, пробегая по потолку.- Теперь ты водишь!

Светлица за мгновение превратилась в руины. Я пыталась успокоить их, но потом решила, что лучше в окно. Я вылезла в окно, очутившись на поляне. Куда бежать? Где тут болота? Так, что мы знаем про болота? Там живут комары! Чем больше комаров, тем ближе болото!

Я бежала по солнечной полянке, глядя на огромный терем, в котором что-то грохотало и хохотало на разные голоса. Я перелезала через поваленные стволы деревьев, хрустела ветками, как чипсами и бежала, бежала, бежала... Среди деревьев появился просвет. Я сделала над собой усилие и ... выбежала на поляну к терему, где все еще

продолжался погром. Только малышня уже бегала по крыше и визжала: «На тебе пирожок! А теперь ты водишь!».

- Так, - схватилась я за колющий бок, чувствуя, что этот морок мне просто не одолеть. Мысль о том, что учинит болотник с деревней заставила меня присесть на траву. В деревне мои бесы! Они, небось, тоже беспокоятся!

Солнце клонилось к закату. Оно уже нависало над дремучим лесом, пахнущем хвоей, травами и раскаленной от солнца землей.

- Вспоминай! – шептала я, мысленно листая книгу. – Переодеться по- лешачьи!

Я потянулась к сарафану, видя, что он и так шиворот навыворот! На всякий случай я передела его нормально. И ломанулась обратно в лес. Пробежав метров триста, я увидела поляну, на которой стоял тот самый терем, по которому, словно маленькие обезьянки носились дети. Один лешачонок дунул на другого, а из его хоботка вылетел ветер, снося догоняющего его прямо с крыши на землю. Зато третий оказался ловчее и тут же стал невидимым.

- Плохо дело, - выдохнула я, пытаюсь вспомнить еще какие-то факты про лешего. Единственное, что шло на ум – ничего не есть у лешего! Иначе останешься здесь навсегда.

Уставшее за день солнышко закатывалось за лес, а я взвыла от отчаяния. Вот это морок! Ничего не могу поделывать! Ни книги, ни бесов!

- Я все папе расскажу! – послышался детский плач. – Я упала и разбила бочку... Я все папе расскажу!

Я бросилась к девочке, которая только что чебурахнулась с крыши и сидела на траве, горько плача. То ли от боли, то ли от обиды, что больше не играет.

- Тише, - не выдержала я, поднимая ее на руки. – Ну чего ты ревешь? А? Где болит? Покажи...

- Ножку зашибла, - вздохнула лешачка.

Я усадила ее на траву, не видя ни раны, ни повреждений.

- Давай ты не будешь так бегать, и больше не упадешь! – предложила я, видя, как с крыши свесилась чумазая мордочка одного из братьев. Терему срочно требовался капитальный ремонт. А мне капитальные успокоительные.

- Ой! Бабочка! – слышался радостный голос, а девочка ловко выбралась у меня из рук и побежала за бабочкой.

- Так! – выдала я, глядя на это безобразие. Если кто-то из них убьется, то леший с меня голову снимет! А если с меня снимут голову, то думать я не смогу! И сбежать тоже!

- Вы знаете, кто я? А? – уперла я руки в боки. – Я – болотная ведьма! И те, кто шалят и носятся, тех превращу в лягушек!

- А ты поймай, ведьма! – веселились лешачата. – Гляди, я сейчас упаду!

Один из них повис на коньке, словно вот-вот свалится.

- А я уже падаю! – крикнули с другой стороны дома. Я бросилась туда, а лешачонок упал на землю и закрыл глаза.

От испуга я кинулась к нему, пытаюсь привести его в чувство. Но он тут же вскочил, показал язык и бросился бежать, едва не боднув меня головой.

- Ой, а меня жук укусил! – плакала девочка на поляне, пока я мчалась к ней. Стоило мне добежать до нее, она исчезла, а возле дома слышался смех.

Солнечный луч, который я умоляла остановиться, окрасил деревянный сруб терема малиновым. Красивые резные ставни, резной конек, все стало цвета варенья. Даже зеленые деревья стали слегка розоветь.

- Это – конец, - выдохнула я, закрывая глаза и опуская голову. Сердце, которое нашло в себе силы поверить мне, разбито. Маленький огонек, не знавший любви и считавший, что если удалось купить ее раз, то можно покупать ее постоянно, превращается в бессердечное чудовище.

Глава сорок вторая. Лети!

Может, следовало вести себя, как ужасная няня. Чтобы Леший разочаровался во мне и выпустил побыстрее. Возможно, я еще успею!

Внезапно дети притихли, юркнув в терем. Я бросилась за ними, слыша, как скрипит и ворочается лес.

- Папа пришел! – слышался радостный крик, а где-то от терема отвалилась ставня.

Я опомниться не успела, видя как перед нами вырастает Леший.

- И кто это все сделал? – спросил он, осматривая горницу.

- Она! – ткнули пальцами в меня лешачата. Они сидели на скамеечке рядком, как ангелочки. – Как забушевала, как забесилась! И по крышам бегала!

- Что?! Я?! – ужаснулась я, глядя на этих красавцев, похожих на присяжных.

– Да полно, живы и хорошо. Управилась, значит! - произнес Леший.

Я снова опомниться не успела, как вещи встали на свои места. Терем закрипел, заворочался, а ставни опять вернулись на место. Зато посреди горницы стоял накрытый стол, ломящийся от угощений. Внутри что-то одобрительно заурчало.

- Садись, няня, - послышался голос Лешего. А подле него было место. Я неловко села, в надежде с ним поговорить. Может, удастся его убедить!

Стоило посмотреть на еду, как тут же меня скрутило от невыносимого голода.

Девчонка катала по полу знакомое яичко, радуясь и не спеша к столу.

- Поганочка моя, иди есть, - послышался ласковый голос Лешего, а он похлопал по скамье с другой стороны от себя.. Видно было, что детей он любит до безобразия.

– А ты, няня, чего не ешь? – послышался голос Лешего. Ложки стучали, еда стремительно убывала, исчезая в голодных ртах лешачат.

Я смотрела на еду, вспоминая знания из книги. Если съем, то останусь здесь навсегда. Иногда ведьмой быть хорошо!

- Я не голодна, - ответила я, видя, как за окошком воцаряется ночь. – Пусть едят. Детям больше достанется!

«Нет, мы не голодны-ы-ы-ы!», - волком завыл мой желудок, пока я смотрела на то, как дети уплетают все, что видят.

- Может, поешь, - послышался голос Лешего, а мне пододвинули аппетитные жареные грибы.

- Нет, я не голода, - сглотнула я слюнку, отвернувшись от соблазнов подальше.

- Ешь, - послышался приказ. А мне в рот потянули гриб. Я стала вертеться, чувствуя ни с чем несравнимый запах так горячо любимых жареных грибов.

«Мммм, жареным пахло!», - причитал желудок, издавая такой рев, словно во мне поселилось чудовище.

Я почувствовала, как внутри меня что-то шевелится. Зажав рот рукой, я ощутила, как меня что-то душит.

Удушающий приступ кашля, похожий на тошноту, заставил меня склониться возле лавки. Я кашляла, чувствуя, как из меня что-то лезет. Стоило посмотреть слезящимися глазами перед собой, я увидела... болотный огонек. Тусклый, маленький и слегка помятый.

- Не может быть... Акимушка, - прошептала я, утирая рот тыльной стороной руки. – Лети! Лети к нему на болото! Скажи, где я!

- Мама, - послышался детский голосок, а огонечек замельтешил, растерявшись.

- Лети! – крикнула я, радуясь всем сердцем. Значит, без подлости никак. Но это была самая лучшая подлость в моей жизни!

Стол перевернулся, а лешачата бросились ловить огонек, который метался по горнице. Лавки, стол и все что было на столе тут же очутилось на полу. В один прыжок лешачонок стянул скатерть.

- Лети, - едва слышно прошептала я, чувствуя, как по щекам текут слезы. Я хотела броситься бежать за ним, но меня схватили за руку. Лешачата переворачивали все вверх дном, а я сердцем екала каждый раз, когда огонечек чуть не оказывался в лапах ребятни.

Это была самая милая подлость в моей жизни. Видимо, во всем виноват последний страстный поцелуй. Мне посадили икотку, а я не заметила! Он мне не доверяет. И как выяснилось, правильно делает!

Окно было выбито, а лешачата бросились ловить огонечек, который то взлетал высоко, то наоборот падал вниз, исчезая в темноте маленькой звездочкой надежды.

- Ешь, - послышался голос на ухо, а я увидела, как стол становится на место. Все, чтобы скинуто, все вернулось обратно. Я сидела за столом, словно отличница, не в силах пошевелиться. Как вдруг моя рука сама потянулась к деревянной ложке.

- Нет, - стиснула я зубы, пытаюсь разбудить свою магию. Но моя рука, повинуюсь отнюдь не мне, уже несла ложку к моему рту. Стиснув зубы, я пыталась отвернуться, но рот послушно открылся...

- Хорошая девочка, - донесся до меня ласковый голос Лешего, а меня погладили по голове, как ребенка. Внезапно морок спал. Я выронила ложку, чувствуя, как глотаю жареный гриб.

- Кхе, кхе, - кашляла я, глядя на Лешего с ненавистью.

– Ну все, дети! За стол! Няня от нас никуда не уйдет! - Леший громко хлопнул в ладоши.

Малышня внезапно вернулась, наперебой рассказывая, что не догнали. Они с грохотом садились за стол, снова хватая расписные ложки и стуча ими по деревянным блюдам.

- Зачем вы это сделали? – прошептала я, чувствуя, что никогда не буду есть грибы. Никогда в жизни! – А если он сюда придет?

- Как придет, так ни с чем и уйдет. Все, нет у него над тобой власти. И не было, - усмехнулся Леший. – Наша ты. Да не грусти! Обвыкнешься!

Я стиснула зубы, понимая, что после того, как поела у Лешего, дороги обратной у меня нет. Мне подсовывали еду, но к ней я не притронулась.

- Ну чего ты пригорюнилась, - усмехнулся Леший, подталкивая меня локтем. – Я не обижу...

Я только открыла рот, чтобы ответить, как вдруг дверь распахнулась. Да так, что чуть не вылетела. Сначала я почувствовала запах болота, которому впервые в жизни была рада. Я замерла, понимая, чей роскошный сапог только что ступил внутрь чужой горницы. Зеленый, покрытый травой и напоминающий болотную кочку, плащ стелился по полу за хозяином.

- Кто тут в карты проиграл? – с порога спросил болотник, являясь прямо в терем собственной персоной. Рядом с ним витал маленький болотный огонек. «Все – таки нашел! Привел!», - мысленно выдохнула я, умиляясь от мысли, что такой маленький, но так много сделал.

От его тусклого зеленого света лицо Хозяина Топей казалось зловещим.

– Вот, значит, какое желание ты решил взять? Тебе что? Девочек в деревне мало было, на мою ведьму позарился?

Голос его был тихим и зловещим. Золото блестело тусклым светом. Сквозь разорванную рубаху была видна вздымающаяся грудь, на которой покоилось то самое старинное украшение из золотых пластин. На его голове была корона из переплетенных веток.

- А, пришел! – легко усмехнулся Леший, вставая с места. – Рад тебе, друг мой. Думал я, думал по поводу желания, вот и решил.

Пускай ведьма нянькой моим охломонам будет. А чем не нянька? И премудростям обучит. И колдовству!

- Ее саму колдовству учить надо. Кому уж как не мне знать. Я ей силу дал, - скрипнув зубамиЮ произнес Хозяин Топей, а я опомнилась, вскочила и бросилась к нему на шею. Руки сомкнулись на мне, словно замок. И я поняла, что никому он меня не отдаст... Никому... Я вдыхала запах родного болота, чувствуя себя царевной – лягушкой. Хочу на болота, хочу комаров, хочу лягушек!

- Поздно, - усмехнулся Леший. – Нет у тебя власти над ней. А у меня есть. Ела она у меня. Вот теперь навечно тут и останется. Будет мне нянькой, а если понравится, то женой.

Я хотела что-то сказать, но мне на голову опустилась прохладная рука, прижимая ее к своей груди. Мне казалось, что у него вместо сердца тот самый маленький болотный огонек, который переживал, тревожился и как только узнал, бросился сюда. Мне так хотелось сберець этот огонечек и никому про него не рассказывать. Никогда.

- Не верю, - произнес Хозяин Топей, глядя на меня. Болотный огонек постоянно витал возле моего лица.

- Он меня заста... - начала я, проклиная грибы.

- Хочешь верь, хочешь не верь. Коли сама не уйдет, то никто кроме меня власти над ней не имеет, - развел руками Леший, улыбаясь. И снова нечисть за меня разборки устраивает!

- Ладно, - внезапно послышался голос Хозяина Топей. Он усмехнулся. – Раз так, то пусть остается... Ничего я поделывать не могу...

Я с ужасом подняла на него глаза, чувствуя, как дрожат мои руки. Неужели? Вот и вся любовь!

- Что? – прошептала я, а слезы замерли, готовясь сорваться и потечь по щекам.

- Ну хоть попрощаюсь. Прощай. Ты обещала прийти, но не пришла, - усмехнулся Хозяин Топей. – А силу я у тебя, пожалуй, заберу...

Не успев даже пикнуть, я замерла, чувствуя последний, самый горький поцелуй в своей жизни. Когда его губы отстранились, по моим щекам потекли слезы. Никогда не прощу! Никогда! Никогда!

Я хотела выдохнуть, но едва не закашлялась, а меня прижали к себе, прощаясь навсегда.

- Значит, судьба у нее такая,- медленно произнес болотник, пока рука зажимала мне рот, не давая прокашляться! – Раз проиграл желание, так проиграл. Ну что, прощай, ведьма...

Я едва не прикусила ему палец, мысленно умоляя не уходить.

- Ну вот и порешили... - миролюбиво хлопнул в ладоши Леший, улыбнувшись. – А ты новую найдешь. К тебе вон сколько девок бегают! Выбирай – не хочу!

Внутри было чувство, словно скребла мышь. Я подавила приступ кашля.

- Прощай, - послышался холодный голос Хозяина Топи. Он отстранил меня, но руку не отпустил, осторожно поскребывая коготком. – Только вот беда! В ней – мой ребенок. И как делить будем? А?

- Что? – послышался изумленный голос Лешего. Но он тут же нашелся. – Когда родит, я его, как своего воспитаю. Мне любые дети в радость!

- Ну, тогда воспитывай, - ледяным голосом заметил Хозяин Топей. Он исчез, а замерла, чувствуя, что меня предали и бросили.

- Ну и славно! – усмехнулся Леший, пока я присаживалась на скамейку. – Будет вам новая няня! А то старых напугали до полусмерти!

- Няня, няня, - прыгали вокруг меня лешачата.

Я сидела, роняя слезы, как вдруг, почувствовала, как внутри меня скребется маленькой мышкой икотка. Что? Как? Он подсадил мне икотку? Вот значит, о каком ребенке шла речь!

Вдруг внутри меня послышался детский голосок. Я едва не подпрыгнула от неожиданности, услышав его внутри себя.

- Я помогу тебе выбраться отсюда. Он меня научил! Выжди, когда все спать лягут, а потом я поведу тебя...

«Вот такой я подлый!», - вспомнила я зеленый взгляд. Почему-то в этот момент я вспомнила игру в карты. Вот почему он вел себя так! Пытался утаить меня от Лешего. Видимо, у них давние контры.

- Ну что! А теперь пора на боковую! – усмехнулся Леший. – Няньке мы покои дадим. Да, нянюшка?

Он посмотрел на меня белесыми глазами, от которых в другой момент я бы обделалась.

- Хорошо, - выдохнула я, чувствуя, как греет меня маленькая икотка. Вот, значит, для чего меня поцеловали! Мне тайно вернули икотку.

Леший проводил меня в комнату, закрыв двери.

Я слышала внутри себя тихий плачь.

- Ну не плачь, - прошептала я. – Ты очень умный и сильный мальчик. Такие умные и сильные мальчики не должны плакать по пустякам...

- Правда? – послышался вздох. – А мама говорила, что я рохля! И бестолковый, как отец.

- Ерунда, - выдохнула я, чувствуя, как малыш прекращает плакать. – Я никогда не видела мальчика сильнее и умнее тебя. Ты большой молодец.

- Мамка меня всегда папкой попрекала. Дескать, в него уродился. Если что просыплю или уроню, так сразу папку вспоминает, - вздохнул Аким. – А мачеха тарелку поставит, а сама к отцу. Мол, у нас свой будет. Куда нам еще одного. Живем небогато.

- А отец? – спросила я, понимая, что мальчику нужно выговориться. Не все ж его в ладошке греть.

- А что отец? Покивает, согласиться и ничего поделать не может. А коли что не по его, так сразу за ремень! – всхлипнул Акимушка. – Говорит: «Гляди, сестра твоя меньшая! Ты за ней следить должен! Вот и сидел я в няньках! А однажды не углядел, мачеха прибежала, меня от колыбельки оттолкнула, непутевым обозвала. А папка ремнем пригрозил. Вот и вернулся я к мамке. А она меня в лес позвала...

- Все, дальше можешь не рассказывать, - спохватилась я. – Не переживай. Теперь ты наш. И никто тебя не обидит! Никто...

Мне ужасно хотелось погладить его, но гладить было нечего. Поэтому я погладила живот, словно и правда беременна! Как бы я хотела такого сына...

- Смотри, - выдохнула икотка. – Папа просил передать, что ждет тебя. Но только ты сама сможешь уйти. Таков закон.

- Я твою папе еще корону оторву за карты, - тихо прокашлялась я, чувствуя невероятное счастье. Он меня не бросил. Мое подлое и бессовестное чудовище не бросило меня! – С картами будет завязывать! С девками тоже!

- Ты Аким? – спросила я, чувствуя, как внутри скребется мышка – икотка.

- Да, - послышался голосок и вздох.

- Буду звать тебя Акимушка, - прошептала я, осторожно приоткрывая скрипучее оконце. Ночная мгла окутала терем, в котором дружно спал Леший и его лешачата.

- Иди спиной! – послышался голосок Акимушки. – Так ты выйти сможешь!

- Что? И все? Спиной? – ужаснулась я простоте. Я-то думала, что тут план! Ритуалы! А тут просто спиной нужно уходить.

- Да нет же, - вздохнул икотка. – Дорогу только я знаю. Только смотри, не оборачивайся. Обернешься, ничего поделывать не сможем!

Я шла спиной, боясь споткнуться. Но споткнуться и упасть было не так страшно, как вечная разлука.

- Прямо, - послышался голосок, пока я опасливо пятилась. Терем уже исчезал за ветками. И тут я увидела, как в окне загорелась свечка. Сердце испуганно дернулось, когда я поняла. Мою пропажу заметили.

- Два шага назад, один налево.

Я случайно ударилась спиной об дерево, но пообещала себе, что не буду оборачиваться. Пусть там даже стоит крокодил с открытой пастью. Ветки хрустели под ногами, а я слушала, что мне говорят. Лес закачался, зашумел, закрипел.

- Не оборачивайся, - взмолилась маленькая икотка.

Я чувствовала себя еще тем оборотнем, особенно, когда за спиной стали раздаваться жуткие, холодящие душу и попу звуки.

- Иди и не оборачивайся! Он нарочно пугает. Мне папа так сказал, - вздохнул малыш. Мне было так жаль его, что прямо сердце разрывалось. Мне было жаль все огоньки. И ни капельки не жаль деревню!

- Хозяин Топи? С каких пор ты называешь его папой? – спросила я, осторожно пятясь, не смотря на нагоняющие ужас и страх шорохи и звуки. Судя по звукам, там столько чудовищ притаилось про мою душу, что не знаю, как они меня делить будут!

- Он сказал, что теперь он мой папа, - вздохнул Акимушка, а я ногой проверяла путь.

- Еще чуть-чуть! – обрадовался Акимушка.

- Ой! – пискнула я, наткнувшись на что-то странное. Сначала мне показалось, что это – дерево. Но потом я поняла. Не дерево это. Это ... стена. Мои руки ощупывали препятствие, а я не могла понять, откуда здесь стена. Причем, не бревенчатая, а гладкая, как стекло.

– Ой, забыл! Слово вспомни, последнее, что успела сказать до морока! И тогда сможешь пройти! – пискнул Акимушка. – Забыл, запомнил... Не ругайся!

- Слово? Какое слово? – перепугалась я, понимая, что, оказывается, не все так просто!

- Которое до морока сказала! Последнее! – послышался детский голосок. Он весь распереживался, а переживать нужно мне! Я не помню, что говорила!

- Тише, не переживай. Никто тебя ругать не будет, - прошептала я. – Сейчас слово буду вспоминать...

Что же я могла сказать? Мысли путались, а я даже не знала с чего начать! Так, мы расстались, он поцеловал меня... На мгновение я зависла, вспоминая страстный поцелуй, от которого чуть не подкосились коленки. Я помню, как шла лесом. О чем я думала? О том, что нужно забрать бесов! Про деревню думала. Про Акима думала.

Я поморщилась, понимая, что ухожу в волшебные дебри «горе от ума».

Думала про болотника!

- Быстрее, там погоня! – послышался голос икотки, а я подняла глаза, видя, как Леший направляется ко мне. Нужно было соображать быстрее, но соображалка категорически отказывалась работать. Мысли металась то туда, то сюда...

- Я вернусь! – предположила я, ощупывая стену. – Я обязательно вернусь! Эм... Сейчас в деревню, а потом обратно! Тоже нет? Чудовище! Точно! Чудовище! Тоже нет? О чем я только думала!

Я перебирала варианты, видя, как шумит растревоженный и возмущенный лес, а ко мне приближается Леший.

- Что ж ты няня, - послышался голос Лешего, который был уже в пяти шагах от меня. – Сбежать решила. И кто ж тебя научил? Впрочем, неважно! Возвращайся в терем.

- Нет, - покачала я головой, чувствуя, что меня и счастье разделяет стена. – Не вернусь!

Я задыхалась от волнения, видя, что Леший уже совсем близко.

- Да ладно, - усмехнулся Леший, протягивая мне руку. – Обратнo ты все равно не вернешься.

- Вернись! Куда денуть! – буркнула я, скорее назло, чем... - Ой!

Вдруг стена за спиной провалилась, а я почувствовала, что ступаю ногами во что-то чавкающее. Сделав еще один шаг, не сводя глаз с Лешего, я наткнулась на препятствие. Осторожно проверяя рукой дерево, я понял, что если это дерево, то очень невысокое и ... хм... местами любвеобильное... А еще пахнущее болотом... и обнимающее меня когтистыми веточками.

- Ура! – послышался внутри меня голосок, а я поняла, что все! Пришли!

Мне казалось, что ноги меня не держат, а я стекаю в мутную воду. Я бы так и стекла, но меня удержали.

- Как видишь, сама ушла, - послышался голос Хозяина Топей. Леший стоял на границе леса и болота. Он усмехнулся, глядя на меня, а потом нахмурился и махнул рукой.

– Новую найду!

Леший растворился, словно и не было его, а я обернулась, целуя губы, которые открылись мне что-то сказать...

- Это ж надо было так придумать! Ну ты и подлый, - с восхищением шептала я, покрывая его лицо поцелуями. – Мерзкое, подлое и ... самое замечательное чудовище на свете!

Меня держали на руках, а мои ноги едва касались воды.

- Теперь-то ты моя, - послышался шепот.

Я потерлась носом о его нос и выдала звонкое: «Ква-а-а-а!». Он клацнул зубами в воздухе, словно пытаюсь мне откусить нос. Но это было так мило, что я повисла на нем, чувствуя, как меня тащат в болото...

- Только мне нужно в деревню, - извиняющимся голосом прошептала я. - Просто до деревни я так и не дошла!

Хозяин Топей замер, глядя на меня пристальный взглядом.

- Мои бесы там...

Я чувствовала, как мы погружаемся в пучину, которой я боялась. От испуга, я сжалась, словно кошка, которую несут купаться... Сделав глубокий вдох перед самым погружением, я зажмурилась. А никто не говорил, что будет приятно...

К своему удивлению я смогла вдохнуть снова. Несколько раз недоверчиво потянув носом, я стала принюхиваться, а потом открыла глаза. Мое чудовище несло меня на руках, по роскошному дворцу.

- Ох, ничего себе шалашик! – подавилась я, рассматривая золото, которое сверкало отовсюду. Меня спустили с рук, но не отпустили.

- Что с деревней? – спросила я, глядя ему в глаза. Было у меня нехорошее предчувствие.

- На месте. Пока еще, - произнес Хозяин Топей. Он смотрел на меня, как на врага народа, а я не могла понять, в чем дело. Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь понять, что не так?

- Ты обижаешься, что я не пришла? – прошептала я ласково, погладив его. – Я очень хотела. Если бы не Леший, то я бы вернулась!

Зеленые глаза страшно сузились. Мне показалось, что это не к добру. Особенно, когда при этом скрипят зубами.

- Что? Что такое? – я встревожилась ни на шутку, понимая, что это не просто. – Ну скажи... А то у тебя вид такой, словно ты меня сейчас убьешь...

В этот момент все внутри похолодело. Мне ужасно не понравился этот страшный взгляд и скрежет зубов.

- Я тебя, - слышался сдавленный голос, а страшные зубы еще раз мучительно проскрипели. -... люблю...

Я не знала, смеяться или плакать, глядя на эти страшные мучения.

- Я тебя тоже люблю... - прошептала я, прижавшись к нему. В этот момент со стен и колонн сорвались сотни огоньков. Они облепили нас со всех сторон.

- Так, малыши, - прошептала я, видя, что волосы Хозяина Топи светятся. Мои, наверное, тоже... У него даже на щеке был болотный огонек.

- Привыкай. Я долго привыкал, - вздохнуло чудовище. И впервые за все время с момента знакомства оскалилось страшной зубастой улыбкой.

- Иииии! – слышались радостные визги Антипки и Анчутки, которые врезались в нас, обхватив маленькими ручками.

- А это мои дети, - усмехнулась я. – Привыкай.

ЭПИЛОГ

- Ты на меня обиделась? – слышался недовольный голос Хозяина Топи.

Я стоически молчала, видя, как летит со стола старинная ваза и разбивается вдребезги. Ответом послужил глубокий вдох.

- Да, я поиграл в карты! Но я выиграл! Так что болота расширяются! – слышался голос, пока я смотрела на него удивленно – возмущенно – подозрительным взглядом, который может смотреть только женщина.

Я засопела, сощурившись. Но не проронила ни слова.

- А! Это ты про деревню! Да, я окружил ее нежностью, любовью и болотами! – усмехнулся Хозяин Топей, всматриваясь в мое лицо.

Мои глаза расширились, а я выкатила нижнюю губу в знак обиды и недоумения. Но промолчала.

- Девки? Ты из-за них? – спросил он, вглядываясь в мои глаза, пока я стояла, закусив губу. – Приходили. Одна даже топиться пришла. Я вытащил ее и отправил обратно в деревню! Да, крови попил. Но не с тебя же я ее пить буду! Они – просто пища! Нет, никого не топил!

Я собрала губы в задумчивую кривую трубочку. В огромном зеркале отражался на моем лице очень сложный мыслительный процесс.

- Может... - спохватился любимый, хватая невесть откуда появившуюся шкатулку. Он достал роскошные серьги, прикладывая их ко мне. – Или вот эти...

Мои губы предательски задрожали. Первые мне понравились больше. Я ткнула на них пальцем, усиленно кивая.

- Так, уже легче... - выдохнуло мое чудовище, уже сомневаясь, кто здесь чудовище.

Он повернулся ко мне спиной, а потом резко развернулся, обнимая.

- Ну почему ты молчишь, сладенькая моя... - прошептал он. – Я так не могу... Ты молчишь уже три дня!

Не три, а почти девять! Девять дней! Просто в компании Лешего время летит незаметно. Посидел час, а на деле неделя прошла. И не надо меня так крепко сжимать, иначе все придется начинать сначала.

- Ты ведь меня любишь? – слышался ласковый голос, а меня погладили по голове. Я закивала, потершись носом об его одежду.

- Тогда в чем дело?!!

Я поежилась от страшного рева чудовища, который спугнул всех комаров там, наверху. Мне казалось, что комары уже научились

жужжать шепотом и сосать не сербая. Ну, пусть учатся. Пригодится. Полезно.

- В чем дело? – скрипнули зубы, пока меня держали в объятиях, а я поглядывала на двери.

- Все!!! Можно!!! – послышался цокот копыт. – Можно!!! Ведьма! Можно!

- Фух! – выдохнула я, обмякнув на чужом плече, а потом осторожно высвободившись, достала маленькое яйцо, которое носила подмышкой. Когда мою подмышку просили стать суррогатной мамой, мне не рассказали главное. Никто, кроме бесов знать об этом не должен.

- Все передумал, но чтобы такое! Так вот значит что... - многообещающе произнес Хозяин Топей. И хмуро зыркнул на моих бесов.

Маленькое яичко легло на кровать, а мы замерли. Оно заворчалось, катаясь туда-сюда. Я затаила дыхание. Никогда не видела, как появляются бесята.

- Представляешь, мужик на болото пришел! – шептала Анчутка, нервно теребя хвостик, пока Антипка обнимал ее, не сводя глаз с яйца, которое пока еще не думало вылупляться, а просто каталось.

- Перепугался: ты кто такой? Чуть в болото не упал. А я и забыла невидимой стать, - шептала Анчутка. – А я ему: «Я Анчутка!». Так он с визгом бросился в деревню: «В болоте болотные анчутки водятся! Всех топят!».

И тут яйцо треснуло в одном месте. Потом в другом. Я почувствовала, что меня обнимают, прижимаясь щека к щеке. Бесы чуть не плакали от счастья. Антипка утирал кисточкой хвоста слезы Анчутке. И тут скорлупу пробила маленькая ручка, вызывая у меня приступ умиления. Она что-то шарила и искала. Потом ручка исчезла, а вместо нее появился маленький хвостик с кисточкой.

- Прелесть, - прошептала я, закусив губу. Скорлупа развалилась, а на нас смотрел огромными глазищами маленький бесенок.

- Мальчик или девочка? – спросила я, глядя на него.

- Вырастет, сам решит! – прошептала Анчутка, хватая его на руки. Антипка схватил Анчутку, и они унесли малыша.

Мы остались в спальне одни. Не совсем, конечно...

- Не при ребенке, - прошептала я, смущаясь.

- Аким, - послышался голос Хозяина Топей, который медленно с наслаждением стягивал с меня зеленое платье, ведя рукой по спине.- Тебе пора к братьям и сестрам!

Чудовище сверкнуло глазами в сторону двери.

- Акимушка, я все понимаю, - прошептала я, глядя по привычке свой живот.- Давай ты немного полетаешь, а? Выходи... Потом мама обратно тебя заберет... Всегда же забирала...

Маленькая икотка боялся, что его бросят, поэтому при каждом удобном случае забирался обратно. Его не интересовали игры в ночном лесу, не интересовала чехарда в деревне.

- Не могу, - послышался голосок внутри.

- Что значит, ты не можешь? – произнесло мое чудовище, опалая страстным дыханием мою шею.

- Не могу, - голос был скорее напуганным, чем упрямым.

- погоди, - прошептала я, подняв вверх палец. – Акимушка, а почему ты не можешь?

- Просто не могу, - послышался испуганный голосок внутри. – Хочу, но не могу... А еще здесь темно...

- В смысле? – спросила я, не понимая, в чем дело. И тут по моему животу поползла рука, которую я прикрыла своей рукой.

Пока когти перебирали мою одежду и звенели золотым поясом, я почувствовала, что, кажется, догадываюсь, почему он не может выйти сейчас. Нет, он, конечно, выйдет, но позже... Месяцев через девять...

- А разве так можно? – удивилась я, чувствуя, как меня прижимают к себе. Любимый тоже догадался. – Это какая-то магия? То есть... Я беременна?

Я не знала, плакать или смеяться. Мысль о том, что я могу в любой момент поговорить со своим ребенком, вогнала меня в ступор.

- Ой, - повернулась я к любимому. – То есть я... Могу... Мы можем...

Я на секунду замерла, представляя, как в огромном дворце раздается топот детских ножек и детские крики. Они все снова будут бегать, играть...

Я мысленно перечисляла всех по именам.

- Болото придется немного расширить. Деревня и лес потеснятся, - послышался голос, когда я представляла сколько же лет мне

понадобится на все это... Но мне так хочется снова подарить им жизнь...

- А ты... Ты согласен? – прошептала я.

Вместо ответа меня просто прижали к себе. Я положила руку на то место, где в огромном страшном чудовище жил маленький болотный огонек.

- Но ведь мне и трех жизней не хватит! – перепугалась я, вцепившись внезапно в его одежду.

- За тысячу лет управимся, - услышался сладкий шепот на ухо.

- А я столько проживу? Я же, как бы, человек, - прошептала я, испугавшись этой мысли.

- Я же сказал, что ты принадлежишь мне. Поэтому жить будешь столько, сколько захочешь, - услышался шепот, но платье с меня все равно сняли. Золотой пояс звякнул об пол, а меня уложили на кровать, нависая надо мной.

- А если вдруг надоест? – спросила я, чувствуя, как по моей груди скользнули пластины его украшения.

- А кто тебе сказал, что я тебя куда-то отпущу?

КОНЕЦ